МИР СЕВЕРА

№ 5-6 (82), 2012

Этнополитический и литературно-художественный журнал

Учредитель:
редакция газеты «Литературная Россия»

Главный редактор
Вячеслав ОГРЫЗКО

Заместитель главного редактора
Виктор КАШЛЕВ

Редакционный совет:
Еремей АЙПИН (Ханты-Мансийск),
Михаил АНДРЕЕВ (Томск),
Андрей БОРИСОВ (Якутск),
Галина БУТЫРЕВА (Сыктывкар),
Александр ВАЩЕНКО (Москва),
Людмила ЕФРЕМОВА (Надым),
Николай КУРИЛОВ (Якутск),
Татьяна МОЛДАНОВА (Ханты-Мансийск),
Анатолий ОМЕЛЬЧУК (Тюмень)

Компьютерный набор
Татьяна ЕГОРОВА

Вёрстка
Алексей СЕМУШИН

Корректор
Светлана ШИШАГИНА

Подписано в печать 18 декабря 2012 года.

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати. Свидетельство о регистрации № 015849 от 14 марта 1997 года.

Тираж 1200 экз.

Адрес редакции:
127051, Москва,
Цветной бульвар, 32, строение 3.

Телефоны: 8 (495) 694-23-24,
8 (495) 694-03-65,
Факс: 8 (495) 694-50-10

E-mail: litrossia@litrossia.ru

Отпечатано в ФГУП «Производственно-издательский комбинат ВИНИТИ», 140010, г. Люберцы, Московская обл., Октябрьский пр-т, 403.

Тел.: 554-21-86.
Заказ 3830

СОДЕРЖАНИЕ

2 Тревога
Александр ЛАТКИН
Кому помешали эвенки

3 Что с палубы упало...
Владимир ХРИСТОФОРОВ
Гнилой угол

8 Экспедиция
Новая Земля **Игоря ЕМЕЛЬЯНОВА**

28 Письма с Чукотки
Валентина ВЭКЭТ
Это – моя жизнь

30 Вера
Алина ЧАДАЕВА
Обетованная Земля – Кольский полуостров

34 Вместо рассказа
Александр ПУРЫШЕВ
Жаркое лето двенадцатого

40 Как боролись с фольклором
Владимир БАРАЕВ
Антигэсэриада

45 Мы живём в циничное время
Константин ОДЕГОВ – Вячеслав ОГРЫЗКО
Рассчитывать можно только на себя, или Почему закулисье нашего кино напоминает мордобой в американском хоккее

50 Киноповесть
Константин ОДЕГОВ
Я знаю, что ты есть!

68 Поэзия
Андрей ЛОНГОРТОВ
Стихи (предисловие Татьяны Молдановой)

69 Путешествия
Валерий ПОВОЛЯЕВ
Берендеева река

71 Вернисаж
Александр ВАЩЕНКО
Современная индейская графика, или В Екатеринбуржье сны осьминожьи

75 Подвижник
Николай ТОБУРОКОВ
Якут увековечил Русское Устье

78 Живут сказания
Ариадна КУЗНЕЦОВА
Ещё не всё потеряно

КОМУ ПОМЕШАЛИ ЭВЕНКИ

4 октября 2012 года началась операция «Дылача». Проводили её силовики-москвичи. Дылача – это эвенкийская семейно-родовая община. Главный бизнес – это добыча нефрита и продажа сырцом в Китай. На этом рынке «Дылача» 20 лет. Это самый доходный бизнес в Бурятии. Его давно уже присмотрели сильные мира сего, и уже были попытки захвата и рэкета вплоть до покушения на руководителей общины, в частности на председателя – Татьяну Михайловну Туракину. Её попытались сжечь в машине.

В год «Дылача» добывает 110 тонн нефрита.

События развивались следующим образом: якобы было установлено, что община добывает белый нефрит на территории, которая не отведена под добычу. Но якобы «Дылача» начала разрабатывать там месторождение с 11 октября прошлого года. Кстати, за этот год было проведено 120 (!) проверок, и нарушений не было выявлено. Из Москвы прибыл спецназ, который одновременно оккупировал все офисы и участок месторождения. Были арестованы два человека – начальник участка Сергей Ямбуров и молодой парнишка-геолог, который подписал какие-то бумаги и был отпущен. Ямбурова же увезли на вертолёте в Читу. Несколько дней о нём не было никаких известий.

Сейчас МВД Бурятии объявило, что Ямбуров проходит как свидетель и попросил соответствующей защиты. Дальше странности: в эти же дни со складов «Дылачи» было изъято 20 тонн нефрита (на 600 млн. руб.) и перевезено на склады недавно возникшей (20 апреля) фирмы «Русский нефрит», которую возглавляет бывший генерал ФСБ Халанов. Именно сотрудники этой фирмы, особенно главный геолог, руководили выемкой документов, жёстких дисков и т.д. Ещё и уголовное дело не было заведено (оно начато 4 октября), а уже по первой программе ЦТ было объявлено, что «эвенки украли 20 тонн нефрита». Руководство «Дылачи» объявило, что это рейдерский захват фирмой «Русский нефрит». Эта фирма под крылом холдинга «Русский цемент» и второго холдинга «Ростехнологии». Вот откуда растут и «ноги», и спецназ, и 158 статья.

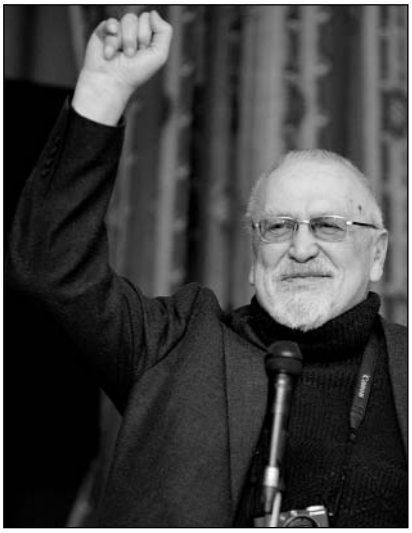
Первоначально «Дылаче» вменялись и контрабанда, и незаконное хранение оружия, наркотических средств. Сейчас осталось только хищение в особо крупных размерах.

О возникшей ситуации знают президент страны, министр внутренних дел России, Общественная палата.

Эвенки тоже не сидят молча. ведь «Дылача» много помогала уоянским охотникам, оплачивала обучение их детей в вузах. Эвенки Якутии обратились к Путину с письмом, требуя прекратить преследование в отношении эвенкийского предприятия.

Александр ЛАТКИН

село УОЯН,
Республика Бурятия



Владимир ХРИСТОФОРОВ

ГНИЛОЙ УГОЛ

1.
Престиж на спирту

...Этот миф очень популярен на Чукотке, особенно в отдалённых национальных сёлах: якобы из завалов берегового плавника кто-то когда-то извлёк блестящую 150-литровую бочку из «нержавейки», почти полную чистейшим спиртом. Если эту сказку рассказывал приезжий человек, то конец всегда был один: спилось всё стойбище оленеводов или, как минимум, половина села. Статус поселения повышался, если находилась бочка с ромом. А если вообще ничего никогда не находилось, аборигены ощущали в себе некую ущербность. Мне лично не пришлось находить такой радостный клад ...

***

В обычном понимании гнилым углом называется та сторона света, откуда часто веет ненастьем – дождями, холодными ветрами. На Чукотке всё несколько иначе: гнилым углом назывался самый дальний морской тупик в конце какого-нибудь залива или лимана, где за долгие десятилетия скапливаются настоящие горы и завалы из всего того, что соскальзывало с палуб проходящих далеко в морях судов или просто выбрасывалось в неспокойные волны, а ещё – всё, что уносило с берега во время сильных штормов.

Если поблизости гнилого угла не было никаких поселений, то морская помойка отдалённо напоминала некий крупный заброшенный склад самых разнообразных подержанных или сгнивших вещей и предметов – но только тех, которые имели способность держаться на поверхности воды. Преобладающая местная роза ветров сносила их к берегу, втягивала в горло лимана и обычно прибивала к устью какой-нибудь безымянной речки. У меня даже сохранилась опубликованная «Карта-схема растительного покрова берега гнилого угла Анадырского лимана в районе р. Вторая и Третья Речка»

С весны 1972 года мне выпала честь в качестве охотоведа обустраивать на Чукотском полуострове только что созданные первые три птичьих заказника. Конечно при непосредственном участии моего начальника, только что назначенного старшим охотоведом округа Николая Кривопуска. На реке Великой под Анадырем уже стоял дом, жил в нём крепкий старик-чуванец Дьячков. Он и стал егерем заказника «Тундровой» площадью в 500 тысяч гектаров. На самой дальней речке Туманской сохранились остатки какого-то дома. Туда я намеревался поселить Гришу Кергитагина, керека по национальности, однако его вскорости убили пьяные чукчи в пригородном селе Тавайваам. Заказник тот так и назывался – «Туманский», площадью в 400 тысяч га.

Оставался заказник «Автоткууль» площадью в 250 тысяч га. На всех этих громадных территориях отдыхало и кормилось перед дальними перелётами много интересных птиц, 18 видов которых занесены в Красную книгу. А вообще здесь можно встретить шилохвость, свиязь, белолобого гуся, гуся-гуменника, гуся-белошея, 3 вида лебедей, чёрную казарку, вилохвостую чайку, гагу, канадского журавля, куликалопотню и много других, включая гагару, поморника, чаек всех видов.

Итак, в районе Третьей Речки «Автоткууля» на совершенно пустом месте мы с

егерем Василием Мячиным начали строить избу. Это был мрачноватый, молчаливый мужик – из астраханских, – который в своё время пережил страшную трагедию: во время цунами 5 ноября 1952 года был почти полностью смыт город Северо-Курильск, погибли тысячи жителей, у Мячина утонула маленькая дочь и ещё кто-то из родичей.

2.
Кальсоны с разводьями

Однажды в пригородное с Анадырем село Тавайваам из гнилого угла кто-то привёз огромный полиэтиленовый тюк с сотней китайских утеплённых кальсон. Морская вода, конечно, проникла внутрь, но создала как бы непроницаемую оболочку из промокшего верхнего слоя портков, хотя причудливые ядовито-зелёные разводья разукрасили всю партию. Кальсоны быстро разошлись среди населения включая женщин. Первыми заметили эту особенность в одежде аборигенов гинекологи, большинство пациенток, похоже, даже гордилось таким писком моды, тем более что в магазинах с женским нижним бельём была напряжёнка: трусы доставались в основном начальствующим особам.

***

Мячина мы доставили на берег Третьей Речки огромным военным вездеходом ГТТ. Поставили палатку, сгрузили оконное стекло, кирпич для печи, гвозди, краску, инструмент и весь домашний скарб егеря, включая неизменную «Спидолу» и даже гармошку.

Хорошо помню этот миг... Душа радовалась и пела – от тундрового простора, чистейшего воздуха и полной свободы. Лишь на горизонте просматривалась верхушка горы св. Дионисия, это под боком у Анадыря, всего в 20 километрах. Где-то поблизости курлыкали журавли, охотясь на мышей-леммингов, высоко в небе пролетали гуси, над самой водой стремительно проносились серебристые стаи куличков. Изредка всплёскивала нерпа. Под ногами лежал ковёр тундровых цветов, желтела морошка, седовато просвечивала голубика, по земле стелилась чёрная шикша. А ещё где-то здесь обязаны были быть кустарники с редкой ягодой, похожей на землянику, – княженика. Ну и, само собой, всюду обилие грибов груздей. Боже, как я мечтал о такой жизни, покидая с превеликим трудом окружную газету «Советская Чукотка», пришлось даже выклянчивать в больнице справку о хилом зрении.

Третья речка

Итак, Мячин остался на Третьей Речке. А я впоследствии добирался сюда летом на служебной лодке «Крым» хабаровского «розлива». Мотором служил «Вихрь», имелось дистанционное управление, верх кое-как прикрывал заводской брезентовый чехол.

Я бы не преодолел по морю ни одного фута, если бы не мой близкий друг, ставший по совместительству моим бортмехаником, токарь по профессии, кавалер ордена Трудового Красного Знамени Пётр Полиенко, которого я с нежностью называл Петюнчиком. Вся дорога в заказник, ремонт движка, другие некоторые работы по устройству егерского поста лежали на нём.

Маршрут был таков: километров 35 по Анадырскому лиману между мысом Гека и горой Дионисия. Если о Геке известно более-менее подробно, то о св. Дионисии сведения разноречивы: кто назвал, когда... Фридольф (Фабиан) Кириллович Гек родился в 1836 году в Финляндии. С 12 лет служил юнгой, гарпунёром и младшим штурманом на китобойных судах. С 1893 года командовал шхуной «Сторож», охранявшей котиковые лежбища. Исследовал многие морские берега Чукотки и Дальнего Востока. В 1904 году на фоне психического расстройства застрелился. Было ему 68 лет. Похоронен на Покровском кладбище во Владивостоке. В 1986 году прах перенесён на Морское кладбище.

Издревле на мысе Гека стояло несколько изб, в которых проживали чукчи-промысловики и рыбаки. Мне довелось там побывать вместе с магаданским учёным и писателем Владиленом Леонтьевым. Он искал пред-

ставителей исчезнувшей народности Чукотки – кереков. Я занимался археологическими раскопками, правда, ничего не нашёл.

3.
Все мы немного чайники

...А вот как не пошёл ко дну большой контейнер с алюминиевыми чайниками – великая загадка. Опытные люди объясняли этот феномен тем, что чайники в своей основе легли в контейнере так, что внутри каждого оставалось немного воздуха. Может быть. Трофеи попали в большой районный посёлок Залив Креста (Эгвекинот), где я перед отъездом на материк несколько лет работал собственным корреспондентом окружной газеты «Советская Чукотка». Помнится, все помойки были завалены искорёженными или прогоревшими этими чайниками. А их в контейнере, говорят, было несколько сотен.

***

Итак, с Петюнчиком мы на двух гружёных до отказа лодках покидали город Анадырь. Слева оставался крохотный необитаемый островок Алюмка. Входили в горло лимана и шпарили вдоль берега, заваленного высохшим и поседевшим лохматым плавником. В непогоду делали вынужденную остановку. Труднее всего приходилось швартоваться, иногда лодки поднимала волна и буквально выбрасывала на галечный берег, в моторе летели шпонки, нас с головы до ног окатывало ледяной водой. Зато потом разводили большой костёр, сушились, отпивали из бутылки любимый Петюнчиком югославский бренди.

Но главная хитрость заключалась в другом. Устье Третьей Речки было абсолютно неотличимым от лимана: вода, вода, кругом вода... На плоских берегах не существовало никаких ориентиров. И вот почему. Когда начинался отлив, плоские берега обнажались на километры и ярко сверкали на солнце глянцем. Так называемые знаменитые грязи, в которые опасно было ступить. В такие периоды войти в устье речки было невозможно, даже если мы переползали через ветровое стекло лодки на нос, чтобы поднять повыше мотор. А чаще всего замирали, дремали в ожидании прилива. И всё же как Петюнчик определял устье Третьей Речки? Если всё было хорошо, то – по часам: Полиенко строго придерживался определённой скорости и в какой-то момент резко сворачивал вправо, иногда в сплошной темноте или плохой видимости. Ошибок никогда не было. А если приходилось сидеть в ожидании прилива, то и тогда по каким-то ведомым только ему признакам Пётр влетал в Третью Речку, словно пуля, выпущенная из ствола (выражение Олега Куваева).

И сразу на глазах обозначивались берега речки, правый – высокий, левый – низкий. Мы проскакивали громадную морскую помойку, то есть гнилой угол. А вскоре различали застывшую фигуру Василия Яковлевича Мячина. Живой, слава Богу! (Рация у него появилась уже после меня.) Не утонул, не съеден зверьём. На вооружении у егеря была лишь мелкокалиберная од-нозарядная винтовка, хотя ему полагался карабин. (У меня поначалу был наган 1914 года, затем – пистолет ТТ.) Вообще Мячин не допускал в своей округе никакой стрельбы, тишина привлекала к нему песцов и птиц. Неподалёку жила росомаха.

4.
Гробы тоже

Время от времени прибрежные кладбища побережья Северного Ледовитого океана подмывались морем, обнажая обычно на обрыве торцы гробов. Всё в том же селении под Анадырем Тавайвааме это было обычной картиной. Однажды на Чукотку прилетела группа известных московских писателей, среди них был и поэт, помощник главы СП СССР Георгия Маркова Владимир Шорор. Почему-то именно его заинтересовало такое кладбище под Анадырем, и он попросил меня сводить его на место. Мы заглядывали внутрь обвалившихся могил, видели останки кирзовых сапог, кости, черепа. Владимир Яковлевич был настолько поражён увиденным, что непрерывно восклицал: «Боже мой, неужели это возможно?! Почему не прибрать всё»...

Так вот, в устье речки Туманской (это от Третьей Речки далее по Анадырскому лиману) я сам видел в завалах тамошнего гнилого угла почти целые гробы без крышек, какое-то тряпьё из кожи на дне, напоминающее человеческий силуэт. Там же мы нашли на берегу развалившуюся лодку с останками трупа на дне – явное захоронение кереков-рыбаков, живших здесь с полсотни лет назад.

***

Господи, то, что я увидел вокруг палатки егеря, меня несказанно удивило до глубины души. Всюду лежали аккуратно сложенные небольшие штабеля разного пиломатерила начиная от обрезной, прекрасно сохранившейся доски. Чуть в стороне возвышалась гора из сучьев и стволов деревьев – растопка на текущий момент и зиму.

– Всё оттуда, с гнилого угла, – пояснил Мячин. – На горбу таскал, тут с полкилометра будет. Можно, Командование (так он меня звал), приступать к постройке. Я уже разметил на земле план избы.

– А это, Яковлевич, откуда? – показал я на лежащую в сторонке входную дверь с

почтовым железным ящиком и сохранившейся надписью: «Осторожно! Злая собака».

Егерь хохотнул: «Да всё оттуда же. Видать, смыло с какого-то берегового посёлка. Да там ещё, Командование, целое разнообразие «миникюрных» разных флакончиков, японских стеклянных поплавков.

– Ветра сильные?

– Дуют порой со всех «штанов».

– Заглядывал в почтовый ящик? А вдруг...

– Не. Не сдагадался...

Петюнчик прытко подбежал к двери, открыл ящик – на землю выпала пачка газет в виде каши, конверт. Я снова поразился: как мог один человек тащить по тундре целую дверь?

Стояли белые ночи. Я пытался разобрать название газет, кажется, «Полярная звезда», можно было узнать и год издания – 1970-й. В конверте лежала некая официальная бумага, как будто повестка из военкомата.

5.
Ах, какая парфюмерия!

Утром мы пошли к гнилому углу на Третьей Речке. Вдоль берега метров на сто простирались сплошные завалы плавника. Торчали торцы упакованных штабелей прекрасной обрезной доски. Брёвна, брусья, столбы и столбики, пни и корни деревьев, табуретки, сломанные стулья, скамьи... Я заглянул в неплохо сохранившуюся собачью будку – оттуда стрелой выскочила не то евражка, не то полевая мышь. Всюду лежали россыпью японские сетевые поплавки, торчали оранжевые бока судовых спасательных кругов. На одном сохранилась надпись «Горизонт». Некогда эта китобойная шхуна была приписана к Бухте Провидения, я знал её капитана, кажется, по фамилии Мальчик.

...И вдруг под ногами обнаружил целую россыпь разноцветных пластиковых флаконов. На дне иных сохранились остатки содержимого каких-то жидкостей, были и наполовину полные. Но самой первой я вытянул большую стеклянную бутыль с приличным остатком виски «Белая лошадь». Понюхал сначала я, затем Петюнчик.

– Это будет получше югославского бренди, – радостно заметил он.

– Проводим дегустацию. – И осторожно капнул виски на кончик языка. – Классно!

Я сделал глоток. Действительно классно! В те времена о виски мы знали лишь по зарубежным кинофильмам и книгам. Не было и никаких шампуней – только мыло, духовое (выражение Мячина) и хозяйственное. Кажется, был ещё стиральный порошок. Короче, я набил рюкзак флаконами с остатками шампуней, нашёл ещё бутылку из-под можжевеловой настойки с небольшим количеством жидкости на дне. И целую россыпь пластиковых пакетов, внутри которых были запечатаны брошюрки на русском языке религиозного содержания – из Бруклина, США. В некоторые были вложены чудные презервативы, которых в СССР если кто и видел, то лишь кремлёвские ездуны по заграницам. Всё пошло в дело в рамках анадырских женщин лёгкого поведения. Я даже слегка приторговывал «резинками», чем вызвал интерес местного отдела КГБ, хотя начальником его был мой старший друг по браконьерству полковник Владимир Петренко.

Егерь Мячин не одобрял мой выбор, подозрительно относился ко всякого рода флаконам и бутылкам.

А с обеда мы приступили к рытью траншеи под будущую избу.

Стояла безветренная жара. Душили комары, мошка, слепни. Полиенко надул резиновую лодку, взял сетку и спустился к реке. До нереста красной рыбы было ещё далеко, но всё равно на уху собралось какой-то мелочи – ряпушки, кажется. Гуси и утки начинали терять оперение, мне и егерю Мячину было разрешено делать отстрелы «голожопых» на питание, но Мячин наотрез отказался. Так что довольствовались тушёнкой.

Ещё характерная деталь: егерь предложил сдвинуть избу севернее примерно на метр. Почему? Он неожиданно показал на гряду кустиков морошки и сказал серьёзно:

– Не надо губить. Пусть, милая, подле меня растёт, я не сорву ни ягодки...

Тогда через спину Мячина я повертел в сторону Петюнчика пальцем у виска. Тот ухмыльнулся, но траншею перенесли. Егерь, оказывается, привык разговаривать сам с собой. Взял как-то короткую массивную доску и проговорил:

– Ну, коротыш, что ты мне скажешь? Куда тебя, милый, пристроить? Наверное, сгодишься на порог избы. А-а, да ты к тому же дубовый коротыш... Вот спасибо!

Петюнчик отправился в Анадырь один, его ждал какой-то срочный заказ на работе. Мы с Мячиным остались. Через неделю должен был приехать Пётр...

6.
Испуг Мячина

Почти ежедневно мы посещали морскую помойку на Третьей Речке. То выудим оконную раму, то лестницу, то подходящую доску или брус. А однажды...

Нет, об этом надо чуть поподробнее. Роясь в гнилом угле, мы с Мячиным приподняли тюк с ветошью и явно услышали из глубины металлический щелчок и сразу какой-то частый стрёкот, словно кто-то заводил будильник. Осторожный егерь отступил к реке, даже присел. Я, безрассудный, заглянул внутрь, откуда не прекращался странный звук. Запустил руку...

– Нельзя! – заорал Мячин. – Отходи. Вдруг бомба...

Но я уже вытащил на свет какой-то механизм величиной с половину обычной обувной коробки. Внутри механизма, точно в будильнике, вращалось множество зубчатых больших и малых шестерёнок. Остались обрывки белой резины. Господи, да это же метеозонд. Он упал с неба, был прижат тюком с ветошью, а потом включился пружинный механизм. Я принёс зонд к палатке, но ночью он вдруг снова застрекотал, поднял егеря. Тот отнёс механизм к реке – я услышал всплеск.

...Здесь придётся рассказать ещё об одной причуде Мячина. Однажды на морской помойке я обнаружил урну с прахом – такой характерный пластмассовый сосуд с плотной завинчивающейся крышкой. Все надписи, по-видимому сделанные масляной краской, были разъедены солёной морской водой. Но можно было определить латинский или английский язык. Урна могла приплыть лишь со стороны Калифорнии. Я с трудом открыл крышку. Внутри находилась серо-чёрная высохшая смесь. Оставалось только закопать урну в землю. Но неожиданно раскричался Мячин, мол, мне ещё тут не хватало призраков мертвецов; захорони где-нибудь по дороге в Анадырь. Что я и сделал. Другой вопрос: как с какого-то судна могла оказаться в водах морей урна. Если и предположить, что в ней находился прах моряка, то обычно такие штуки опускают в глубины океана с каким-то грузом. Не буду даже догадываться...

***

Проходили недели. Я то уезжал в Анадырь, то возвращался. Это была тяжёлая изнуряющая работа. Мячин осунулся, почернел. Как-то сказал:

– Знаешь, Командование, я сниму с себя бельё и одежду, когда мы сядем справлять новоселье. Всё в костёр, помоюсь, оденусь в чистое. Напьюсь с радости.

А до этого было еще ой как далеко. Мы соорудили двойные стены из досок. Потом выстругали «топтыши» и стали с их помощью набивать стены землёй. Каторжный труд! Почти не разговаривали от усталости, валились замертво, что-то наспех перекусив. Дошло дело до полов, дверей, двух оконных рам. Печку с плитой сложили в крошечной кухоньке, отделённой от спальни перегородкой из доски-пятёрки. Старший охотовед Кривопуск подвозил нам шифер, рубероид, стекло. А мы с Мячиным через день наведывались в гнилой угол, что-нибудь находили полезное, волокли по образовавшейся дороге. Нашлась в плавнике даже полуразбитая деревянная тележка с колёсами от детской коляски. Пригодилась!

Наконец дело дошло до обширного навеса, соединённого с избой. Там место нашлось и для растопки, пиленых чурбаков, досок.

Уже по первым холодам мы, включая Петюнчика, отметили новоселье, от души напились. Мячин впервые извлёк гармошку и, выбивая из нас пьяную слезу, сыграл «Вальс на сопках Манчжурии», «Ой цветёт калина», что-то ещё душещипательное.

Послесловие

В начале 80-го года я покинул Чукотку. Мячин к тому времени получил однокомнатную квартиру в Анадыре, но пожил в ней недолго – на его похороны прилетала из Астрахани взрослая дочь. Наши заказники прекратили своё существование в 2002 году.

О Мячине я написал небольшую повесть «Невеста для отшельника» – так назывался сборник прозы, выпущенный в Магадане. Потом я работал всё лето и часть осени пастухом-оленеводом – в Хабаровске вышла книга «Пленник стойбища Оемпак», в качестве колхозного рыбака провёл путину на ставном неводе – книга в Москве «Деньги за путину». Семь раз бывал на острове Врангеля, отлавливал белых медвежат и моржат – книга в Москве «Оленья тропа» и другие.

А мой незабвенный Петюнчик умер от сердечного приступа в районе Третьей Речки. Самое сверхудивительное в том, что я прилетел в Анадырь в самую обычную командировку – но именно в тот день, когда в Доме строителей прощались с телом Петра Полиенко. А вот год его смерти не помню...

МОСКВА

НОВАЯ ЗЕМЛЯ

Прилетел в Архангельск 27.09.12 в 13:50. Летел двумя самолётами через Москву. Впервые опробовал для себя два новых иностранных лайнера – «Боинг-767» и «Бомбардье-200». Места, благодаря тюменке, выдающей посадочные талоны, достались отличные, т.е. было куда деть ноги. Багаж летел транзитом, в Москве я его даже не получал, просто дождался во Внуково самолёта на Архангельск и с кофриком аппаратуры+ноутбук спокойно продолжил путь. В Архангельске меня никто не встретил. Никто не стоял за воротами «Выход в город» с табличкой «Экспедиция «Каравелла Виллема Баренца». Мой ютеловский телефон никак не мог ничего поймать в архангельском эфире. А багаж-то я же получил и теперь стоял перед аэровокзалом с рюкзаком выше моей головы, на котором танковым бензобаком громоздился спальник, в руках кофр, штатив, ноутбук. Если отметить, что за 28-килограммовый перегруз в Рощино я заплатил 5500 рублей, то нетрудно себе представить, под каким грузом шмотья и отчаянья я оказался. По предварительным созвонам я знал, что надо ехать на угол улиц Поморской и Новгородской, и там меня встретят, но как сообщить, что я буду там во столько-то? Побрёл к остановке, решил ехать, по дороге купить симку, связаться с экспедиционерами и... и тут слышу краем уха: кто-то неподалёку спрашивает: «Вы из Тюмени?». Край глаза немедленно поймал седобородого человека в шляпе, задающего этот вопрос мужику с бабой. «Я из Тюмени», – выпалил я, и рюкзак стал сразу гораздо легче, вернее, я вообще его не чувствовал, пока мы шли до машины. Встретил меня руководитель экспедиции Дмитрий Фёдорович Кравченко.

28 сентября в краеведческом музее Архангельска устроили пресс-конференцию по поводу нашей экспедиции. Народу мало, камер три, две из них наши, мой фотоаппарат и усиленная варежка Вероники, девушки из Москвы. Она снимает документальный фильм об экспедиции, а я, по её словам – телевизионный, поэтому, задачи у нас абсолютно разные. Она везде таскается со своей камерой, поливает всё подряд, боится, что не хватит кассет (мини-Ди-Ви). На пресс-конференции Дмитрий Фёдорович сказал, всё, что хотел об экспедиции и заявил, что дневник путешествия будут вести все по очереди во время всего маршрута. Жду, когда моя очередь настанет, я-то его и так веду. Ждём корабля, который идёт в Архангельск из Мурманска, но по дороге задержался по причине военно-морских учений в этом районе. Имя судну – «Алдан». Это такая река в Якутии, в честь которой назван и город, там же в Сахе.

29 сентября 2012 г.

Поехали грузиться на судно. «Алдан» стоит в доке завода «Красная кузница». Грузили хавчик, доски, оборудование. Всё это дело по мере возможности снимал. ДФ пашет наравне со всеми, потом, правда, валидол глотал. Я на него заругался, он отошёл в сторонку, курит свою трубку. Ну куда лезет в 74 года. Директор «Белфрахта», коему принадлежит корабль, Евгений Пеньевской, вручил нашему капитану Валентину Тимонину икону Святого Николая Мирликийского, покровителя моряков. Ждём отплытия.

30 сентября 2012 г.

Из Архангельска выходили в полной темноте, только пришвартованные по причалам корабли скудно светили своими внутренними огнями. Легли глубоко за полночь. Среди ночи припёрлись пограничники и давай проверять личный состав, правда, быстро ушли, даже с кроватей не подняли. Спросили «кто?» – и всё. После завтрака вышел на палубу, ветер валит с ног, попробовал поснимать – полная болтанка. Снимал с руки, надо со штатива попробовать. Пошёл пробовать, делать-то всё равно нехер. Пока снимал со штатива в кают-компании, началось собрание коллектива экспедиции, маленько опоздал.

ИГОРЯ ЕМЕЛЬЯНОВА

Говорили в основном о технологии проведения поисковых работ. Как выгружаться, куда ставить буи, сколько лодок задействовать, кто с оружием, кто без. Вопросы сугубо специфические. После обеда постановили заняться подготовкой снаряжения и лодок. На обед был рассольник, макароны с мясом, компот. Я, правда, всё время пью чай. Послеобеденная движуха обещала быть интересной, поэтому попросил у Вероники штатив, мой-то полное говно. Она мне обещала ещё в Архангельске, сама всё время с руки поливает. Дала. Из трюма на палубу вытащили надувные лодки, на которых мы будем десантироваться на берег и с которых специалисты будут обследовать своими локаторами дно. Надули и принялись приделывать к ним всякие приспособы. К одной руль, к другой мотор, к третьей какие-то дощатые подмостки. Валерий Киреев завзятый механик и плотник. Ножовка, молоток и гвозди в его руках отплясывали то кадриль, то лезгинку. Два кубометра роскошных досок загрузили на борт ещё в Архангельске, вот бы на дачу такие. На дно надувной лодки аппаратуру не поставишь, вот и приходится строить ровную поверхность. На этих подмостках продемонстрирует своё искусство гидроакустик Алексей Протопопов. Геофизик Андрей Пелевин колдует над своими дощато-реечными сооружениями в трюме. Вот ведь, XXI век на дворе, а без обыкновенной доски, молотка и гвоздей никуда. Поднялся на капитанский мостик. Хотел записать интервью с Кэпом и со вторым помощником, который там же оказался, но... Никто разговаривать не умеет и не хочет. Водолазы тестируют свои плавсредства, подгоняют, доводят. Руководитель водолазной группы, коих в нашей экспедиции четыре, Николай Ломакин, тоже мастер на все руки. Для него порезать металл и сварить детали – плёвое дело. Решил снять, как Ник-Ник (так его называет Кравченко) варит какие-то железяки, и чуть инфаркт меня не хватил. Как только из-под электрода выскочила вспышка, мой фотоаппарат разве что не заорал благим матом. На экране замигали какие-то надписи, он хрюкнул и встал. Ни на какие кнопки не реагирует, даже выключаться не желает. Ну всё, думаю, приплыл. Хотя настоящие моряки ходят. В течение минуты моё сердце сковывал ледяной ужас. Но потом фотоаппарат хрюкнул ещё раз и выключился. Боже мой, с каким трепетом я его включал. Ведь это мой основной рабочий инструмент, без него вся эта поездка для меня – псу под хвост. Включился, работает.

Дмитрий Фёдорович дал почитать подборку материалов из Интернета о нашей экспедиции. Есть там статья и с нашего регионовского сайта. Но поразило другое. В некоторых публикациях, каравелла, на поиски которой мы отправились, именуется «Летучим голландцем». А я-то думал, что это «Меркурий». Намёрзся на палубе, пришёл в каюту, разморило, сладко проспал час. Укачали Сивку волны Белого моря. Идём вдоль побережья Кольского полуострова.

1 октября 2012 г.

День опять начался с планёрки. Ничего я в их разговорах не понимаю, для меня главное – в какую лодку мне садиться, когда пойдёт выгрузка на берег. Но об этом пока молчок. Технари опять возились со своим оборудованием. Во время обеда разговорились с Айваром Владимировичем Степановым, человеком из Великого Новгорода, водолазным специалистом, археологом. На его счету несколько поднятых из воды танков времён ВОВ. Делился технологией, очень интересно. Вероника, снимающая свой документальный фильм, начала записывать интервью, причём начала с меня. Минут 30 я ей про свою жизнь рассказывал, так она мне даже поллитра не поставила. На корабле, естественно, сухой закон.

Записал интервью с капитаном Валентином Тимониным (мохонькое), в результате которого удалось выяснить, что Новую Землю будем огибать с западной стороны, а не с восточной, хотя так было бы ближе. В расчёт принимались погодные условия, волнение моря. Капитан сказал, что и на этом пути нас ожидают шторма, но из двух зол выбирают меньшее, будем прятаться в бухтах.

Есть у нас на судне человек, который, как я понял, осуществляет за нами надзор от «Русской Арктики», – Геннадий Егорович Данилов. Заходит он в мою каюту с зарядником и четырьмя аккумуляторами в руках. Ну не заражаются никак, не меняют лампочки на устройстве цвет с красного на зелёный. Что, говорит, мне теперь фотоаппарат выбросить? Фотоаппарат я спас, вручив Егорычу батарейки из своего запаса. Через пару минут он вновь зашёл в каюту, но уже с книжкой. Лучшего чтива (прости, Господи, за словечко по отношению к нему) в этой экспедиции и предположить было нельзя. Издание из серии «Путешествия ино-

странцев в России», называется «Арктические плавания Виллема Баренца 1594–1597 гг.», автор – Херрит де Вейр. Это перевод со староголландского дневников, написанных им во время 10-месячного пребывания голландцев на Новой Земле в 1596–1597 годах, и история двух предыдущих экспедиций. Кстати, де Вейр был корабельным плотником. Книжка снабжена репродукциями старинных голландских гравюр. Вот уж сегодня ночью учитаюсь. А пока начал снимать картинки из книги на фотик, пригодятся для фильма. Трясутся только от работающей машины мелкой дрожью, да и по краям небольшой расфокус.

Я тыкаю в клавиши ноутбука, а Вероника уже пытает нашего врача Яшу Сулавко, он разбирает свой медикаментозный баул и формирует, чемоданчик для высадки на берег, одновременно отвечая на её вопросы. Мы с Яковом Павловичем живём в одной каюте. Набиваю руку в съёмках. Без оператора – полная труба. Записал в одиночку стендап, два дубля, один пообщее, другой покрупнее. Вроде ничего себе получились, только рожа слегка синевата, так ведь вечер на дворе.

После ужина (щи, блинчики с мясом, помидорка) вышел на палубу подышать. Там уже дышал через свою капитанскую трубку Дмитрий Фёдорович. Поинтересовался «Летучим голландцем» и «Меркурием». ДФ сказал, что «Летучий голландец» – полный бред. Кто-то из журналюг брякнул, а ветер разнёс. Логика самая примитивная – раз корабль голландский, значит Голландец, а каким ещё быть Голландцу, ежели не Летучим? Насчёт «Меркурия» тоже мутно. Так назывался корабль во второй экспедиции Баренца к Новой Земле. В третью, следы которой мы ищем, он мог отправиться на нём же, а мог и на другом. ДФ утверждает, что корабль Виллема в третьей экспедиции был вообще нулёвым. Резюмировал так: если найдём рынду или какие-то снасти с маркировкой, то точно узнаем название корабля. Ясное дело, на нашем «Алдане», на рынде, так и написано: АЛДАН. А на спуске с «парадной» лестницы в жилое помещение с палубы привинчена металлическая дощечка, которую безо всякой натяжки можно назвать мемориальной. На ней выбито: Рыболовно-креветочный морозильно-рефрижераторный траулер № 619 сделано в СССР 1989 год. В углу звезда, вписанная в шестерёнку, которую пересекает линия горизонта, в которую, в свою очередь, врезается падающая комета.

2 октября 2012 г.

Прошли три ночи нашего пути, идёт третий день. Утром впервые увидел справа по борту Новую Землю (протяжённость её с юга на север 930 км). С корабля – это робкая, дымчатая, бугристая полосочка, которая тянется по всему горизонту. Вместе с Ник-Ником поднялись на мостик, посмотрели на карту, капитан показал карандашом, где находимся. Удовлетворённые, спустились обратно на палубу. Есть у нас на корабле собака, вернее сОбак по имени Бим. Если продолжать литературную реминисценцию, то в его окрасе в основном присутствуют белый и чёрный цвета, только разбросаны они по шерсти не так, как у троепольского оригинала. Хорош умничать!!! Да, тут ещё и бунинский «Солёный пёс» в голову лезет.

На небе мирно соседствуют полная Луна и полное Солнце, прикрывающееся облаками, дабы не затмить свою юную подругу. Одно светило справа по борту, другое слева. Штормит не сильно, но кружки в кают-компании по столу ездят, а суп выливается из тарелок. Сегодня за завтраком встал вопрос о питании на берегу. Базироваться мы будем на судне в Ледяной гавани, так безопаснее, подальше от белых медведей, и комфортнее. Там будем ночевать, завтракать и отправляться на берег на поиски, замеры, прощупывания дна и прочего. Возвращаться на борт предполагается только вечером. А как же обед? Питаться в суровых северных условиях нужно стабильно. Вопрос в том, как и в чём доставлять хавчик на берег на такую ораву. Решили, что заберём ёмкости для продуктов на Мысе Желания, куда нам необходимо зайти, чтобы взять с собой двух или более человек, которые кукуют там с июля месяца. На старинных русских картах почти всякий мыс называется НОС. Этот нос Желания – самая северная точка Новой Земли. Имя ему дали те самые голландцы, каравеллу которых мы ищем. Поняв, что они практически обогнули архипелаг, радости их не было предела. Вот он, северный путь в Китай и Индию. Вот строки из дневника де Вейра:

19 августа, при довольно тихой погоде и юго-западном ветре, лёд продолжало носить; мы поставили паруса и при благоприятном ветре пришли к мысу Желания. Надежда опять вернулась к нам.

И желание двигаться дальше достигло высшей точки. Наверняка, они там выпили за сбычу мечт и исполнение желаний. В дневниках де Вейра написано, что у них были херес и пиво. Но этот Нос уже чуял, каким будет финал экспедиции. Мыс Желания задолго до голландцев русские поморы-промышленники называли мысом Доходы, т.е., дойдя до него, на своих судах идти дальше не решались.

Во время обеда на столы в кают-компании постелили мокрые простыни во избежание несанкционированного перемещения столовых при-

боров по их поверхности. Сухие сами бы ездили по полировке. Честь и хвала коку. Кормит на убой и очень вкусно. На обед суп-лапша с курицей, рис или гречка на выбор и фаршированная щука с грибами.

Новая Земля всё зримее. По правому борту красуются белоснежные горы, тени на впадинах и блеск на вершинах. Облака лежат прямо на горном массиве. Солнце словно пробует кисть. То выйдет из-за туч, и пейзаж заискрится и заулыбается, то макнёт в баночку с холодным тоном, и будто вечер настал. Идём в 12 милях от берега в международных водах, казалось бы, почему в свои родные российские не зайти? Да и ближе к берегу – снимать удобнее. Ганнадий Егорович Данилов сказал, что военные не дозволяют.

В старинной советской телепередаче «Вокруг смеха» был конкурс «Что бы это значило?». Зрителям показывали необычную смешную фотографию и предлагали придумать к ней остроумную подпись. Сегодня увидел нечто подобное и, кстати, сфотографировал. На корме судна стоят высокие мусорные баки, примерно по грудь. В один из них свешен лодочный мотор. Мотор работает и вспенивает налитую в бак воду. Что бы это значило? Оказывается, мотор нулёвый, и прежде чем использовать его в серьёзной работе, необходима обкатка.

Внезапно раздались верещащие звонки. Тревога. Учебная, слава богу. Ломанулся на палубу, а там уже вся команда в оранжевых жилетах. Бросился вниз в каюту за жилетом, схватил флюоресцентный брикет и обратно наверх... Ребята помогли нацепить. Хоть какое-то развлечение. Но капитан сказал в матюгальник: «Посерьёзнее, пожалуйста. Веселиться в воде будете». Один из матросов облачился с помощью боцмана в термо- гидрокостюм. По сути, это резиновый утеплённый скафандр. То есть нам продемонстрировали, как им пользоваться. Как я его буду натягивать, случись чего, ума не приложу. Сильно обрадовался наш фотограф Сергей Власов: во-первых, движуха, во-вторых, серо-синюшную картину украсили яркие оранжевые шевелящиеся пятна. Ночью была сильная качка. Даже обогреватель упал. Задвинул его плашмя под стол. На пол же убрал со стола всю аппаратуру.

3 октября 2012 г.

Как обычно, с утра пошёл поснимать пейзаж. День ото дня он всё красивее, или мне это только кажется. Разглядел на берегу высоченную мачту, стало быть, люди в этом районе есть или бывают наездами. В работе стала наблюдаться «эволюция мастерства». Если раньше на всякую съёмку я таскал из каюты на палубу и фотоаппарат, и штатив, а делать это по узким лесенкам и при болтанке не очень удобно, то в последнее время штатив прямо в разложенном виде оставляю на палубе, только привязываю к леерам, чтобы за борт не улетел. А теперь и отвязываю редко: поставил фотик, поснимал, отцепился и пошёл. День сегодня бездвижушный.

Алексей Протопопов видел дельфинов. Все удивились, откуда в таких широтах? Но он стоял на своём. Будь на нём тельняшка, наверное, рванул бы её на груди. В три часа ночи должны встать на рейд у носа Желания. Непременно загадаю – найти чемодан денег и чтобы фильм получился, а получится он только, если что-нибудь стоящее найдём. Весь день фотографировал картинки из книжки «Арктические плавания Виллема Баренца», предыдущая съёмка меня не удовлетворила. За этим занятием меня застал сосед по каюте Яша. Подержал мне книжку, посмотрел иллюстрации и говорит: «У Айвара на компьютере такие же есть». Так что ж я мучаюсь? Пошёл к Айвару с флэшкой на поклон. Он показал, что имеет, оказалось, не совсем те картинки, но всё равно я их себе слил. Среди прочего на моём накопителе оказалась голландская книга с изображением точной копии баренцевского корабля, но только подписан он не как каравелла, а как ЯХТ (Jacht ca 1590 expeditieschip Willem Barentsz). Шлюпка маленькая, шлюп большой / яхта маленькая, яхт большой. Яхт в переводе с голландского – охотник. Разведывательное судно. Вот вам ещё одна загадка экспедиции.

На часах 22:40. «Алдан» остановился и бросил якорь. Вышел на палубу. Во тьме неопределённо маячит берег и светит одинокий огонёк.

Оказывается – нос Желания. Немедленно загадал всё, что обещал, и даже больше. На море полный штиль, корабль стоит как вкопанный. Дня два назад по какой-то причине остановили машины в открытом море, болтало так, что дурно стало. Когда корабль на ходу, качка легче переносится. Ждём утра, чтобы взять на борт то, что надо взять.

4 октября 2012 г.

Стоим у мыса Желания. Взяли на борт двух мужиков, Игоря и Михаила, с красивой красной лодкой, двумя ружьями и посудой. Многие видели дельфинов, Яша даже успел их сфотографировать. Когда (ух ты) мы вышли из бухты, поднялся ужасный ветер. Болтает – мама не горюй. Попробовал подняться на палубу, но сразу вернулся, сдувает. В 09:00 в кают-компании очередное собрание, последнее перед выгрузкой на берег. До Ледяной гавани 100 километров. Своего места в шлюпках я так и не уяснил. Будем решать по ходу пьесы.

Шторм тем временем всё не утихает. Кажется, «Алдан» в очередной раз нырнёт с волны и не вынырнет. Идём строго носом к ветру и волне. За обедом капитан сказал, что при таком шторме ни о каком подходе к берегу и речи быть не может, тем более о спуске шлюпок на воду. Будем штормиться (как это здесь называют) ещё не менее суток. А какая красота была в бухте у Мыса Желания. Дмитрий Фёдорович расстроен. Говорит, что на поисковые работы отведено четверо суток. Я спросил: с какого момента: с сегодня, или с того, когда приступим? Со вчера, ответил он и ушёл. В Ледяной гавани, мимо которой сейчас идём, укрыться нет возможности, поскольку нет точного фарватера, и капитан туда идти не рискнёт. Даже когда будем там работать, сначала пустим шлюпку с эхолотом, и, если позволят глубины, «Алдан» туда зайдёт. Но когда это будет? Движемся – самый малый вперёд, примерно три узла. Это значит, три мили в час. Морская миля – 1800 метров.

Сегодня со страшной силой зачесался нос (ещё один нос желания). Эта примета на суше всегда оправдывалась, но здесь открытое море. Знаю, что у водолазов есть водка, им она нужна для сугрева после погружений. Пить нет никакой охоты, не знаю, зачем мой нос проявил такое желание. По-прежнему штормимся. За бортом пролетает редкий снежок.

5 октября 2012 г.

День учителя. Интересно, написал Колян стихотворение к празднику и какое? Штормимся. Сколько это продлится, неизвестно. Геннадий Егорович говорит, что ещё полтора суток, а ДФ, ссылаясь на свой длинный нос, который всё чует, считает, что завтра уже начнём работать. Спрашиваю, дадут ли нам дополнительное время для поисков? ДФ хитро ухмыляется и отвечает: «Сами возьмём!» Кого-то из нас всё-таки мучает морская болезнь. Поднялся утром наверх – палуба заблёвана. Не успел, бедняга, даже до борта добежать. Ночью штормило не хило, всё летало по каюте.

Ура! Видел дельфинов. Клёвые. Гляжу, думаю, что за тени у борта трутся, а тень как выскочит из воды с плавником на спине. Дельфины небольшие, поменьше черноморских.

Глядя на фотографию реконструированного корабля Виллема Баренца и человечка, стоящего на его борту, нахожу, что это такая же пропорция, как и человечек на борту «Алдана». Значит наши суда по размеру примерно одинаковые, и всё-таки Алдан несколько больше. Нынешний день 5 октября, если бы не шторм, стал бы первым днём нашего пребывания в Ледяной гавани. Голландцы в этот день 1596 года там уже серьёзно окапывались. Вот что пишет в своём дневнике Херрит де Вейр:

5 октября при сильном северо-западном ветре море на всём видимом пространстве почти очистилось ото льда, но наш корабль оставался всё так же скованным, как и раньше. Он стоял в 2- или 3-футовом льду, и мы не могли предполагать иное, как то, что он сидел на грунте; глубина была здесь 4 1/2 фута. В тот же день мы разломали нижнюю палубу в передней части корабля, где была мачта, и этими досками покрыли дом; крышу мы сделали в середине несколько более высокую, для стока воды. В это время было очень холодно.

Спустя 416 лет мы находимся в тех же водах, примерно при той же погоде (только льда нет) и примерно с такой же неизвестностью относительно финала нашей экспедиции. Но у них на карту была поставлена жизнь, а у нас мечты и надежды. На поиски северного морского пути в Индию из Голландии на корабле Баренца отправились 17 человек, домой вернулись только 12 и без своего предводителя. И нас в экспедиции 12. Терять мы никого не собираемся.

Шторм несколько утих, входим в Ледяную гавань. Бросили якорь. Берег примерно в 4 километрах, весь белый, иногда пробиваются чёрные полоски камня. Снаряжаем лодку для промера глубин, чтобы теплоход подвести поближе к берегу. Не мотаться же в такую даль каждый день не по одному разу. На разведку отправляются врач Яков Сулавко, гидроакустик Алексей Протопопов, рулевым судна Ник-Ник Ломакин. В Николаиче чувствуется морская душа, он везде. Кажется, что он в одиночку спустил бы лодку за борт, погрузил в неё оборудование, смотался до берега,

вернулся и втащил лодку обратно на палубу. Отважной тройки не было около 40 минут. Сгустились сумерки, пошёл густой снег. В районе, где мы бросили якорь, глубина 35 метров, подойдём ближе, где примерно 20. Длинный нос ДФа не подвёл, завтра, дай бог, приступаем к работам. И всё-таки 5 октября стал первым днём нашего пребывания в Ледяной гавани.

6 октября 2012 г.

Поднялись в 6 утра, махом позавтракали, и разведлодка отправилась на очередной промер глубин, чтобы ещё ближе к берегу подойти. Но это было зря, капитан с места не сдвинулся, и мы начали планомерно, лодка за лодкой, отчаливать на задания. Моя

команда прибыла на место, где находится реконструированное зимовье голландских моряков. Точную копию этого строения возвели на берегу участники экспедиции «Русского географического общества» в 2009 году. Теперь понятно, как европейцы продержались здесь в течение полярной ночи. Плавника на берегу – пруд пруди. Есть из чего строить и чем топить. В одну из наших задач входит ремонт зимовья, за что и принялся Валерий Васильевич Киреев. Первым делом необходимо соорудить дымоход, которого у голландцев не было, и они страдали как от холода, так и от дыма. Дырка-то в потолке была, но разве это спасает. Мы делаем настоящую трубу, чтобы была тяга. Неровен час и нам пригодится, чтобы там переночевать. 6 октября 1596 года Херрит де Вейр сделал в своём дневнике короткую запись:

6 октября дул сильный ветер с W и SW, а к вечеру начался северо-западный с большим снегом, и из-за страшного холода никто не решался показать голову за дверь.

Нас пока погода балует. Строительство ведётся из досок, которые везём с собой из Архангельска. На судне сформировали 4 пакета, стянули стропами, и лодка буксирует их по воде до берега. Тут мы их принимаем и тащим до зимовья. Василич колотится на крыше.

Решили сгонять до мыса Спорый Наволок, где работают гидроакустики и геофизики. Прыгнули в лодку – и вперёд. Это – то самое место, где затонуло судно Баренца. На берегу тут же обнаружился кусок (как говорит ДФ) шпангоута. Действительно похоже на старинную деревяшку. На холме стоит деревянный крест, около 5 метров в высоту. На деревянной табличке у подножия значится: место стоянки эксп. Баренца 1596/97 г. Чуть поодаль каменная плита с надписью на голландском языке. Подозреваю, что смысл тот же. Здесь и жалкие остатки того, что когда-то было пристанищем средневековых европейцев. Три истлевших бревна, никак не сформирующие полноценный квадрат в силу отсутствия четвёртого. Оно чуть поодаль. Вот и всё.

Ребята штудируют море и берег. Бьют колышки, работают с металлоискателем. Артефакты могут обнаружиться как в воде, так и на берегу. О результатах говорить пока рано. Предприняли экскурсию на старый маяк, построенный зеками в 1939 году, он высится на самом носу мыса Спорый Наволок. Нечто напоминающее усечённую Эйфелеву башню из брёвен. Сам осветительный прибор, повержен с высоты то ли ветрами, то ли людьми. Много медвежьих следов, но самого властелина Заполярья пока не видели. Зато видели моржа с моржонком, крутились у берега. Темнеть начинает рано, примерно в 16 часов. До темноты нужно всем вернуться на корабль. Несколько групп взяли на лодках курс прямиком на «Алдан». Мы вернулись к реконструированному зимовью за Валерием Васильевичем и Мишей. Свежеструганная труба с дымником уже высилась над крышей, на камнях рокотал генератор, сквозь щели между брёвнами пробивался свет. Как быстро всё-таки человек может освоиться в диких условиях. Наскоро собрали пожитки, дверь заколотили гвоздями, чтобы медведь не залез, и дали ходу на «Алдан». В это время нам уже светила луна, а на удаляющемся берегу мерцал непотушенный костёр.

7октября 2012 г.

Сегодня у Натусика день рождения. Поздравляю.

Встали в 06:00, позавтракали и снова на берег, вернее, на берега. Одна группа – водолазы, гидроакустики и другие прибористы – на Спорый Новолок, вторая (строители) к зимовью. Первым делом сломали старые нары, решили делать новые. Заколотили

досками несколько щелей между брёвнами, пропенили наиболее зияющие дыры. Принялись за крышу. Верхний слой старых досок отдирается, на нижний укладывается армированная плёнка, сверху закрывается новыми досками, кое-где в ход идут и старые. 416 лет назад в этот день Херрит де Вейр записал в своём дневнике:

7 октября погода была довольно сносная, не очень холодная, и мы старательно конопатили дом и разобрали заднюю часть корабля, чтобы лучше обшить постройку с наружной стороны. Ветер в этот день обошёл кругом всего компаса.

Пытались вскипятить чай на костре, но, как только он заблистал языками, вспомнили, что привезли с собой газовую плитку и баллон. Отказались от романтизма в пользу прагматизма. Ребята из «Русской Арктики» установили на холме табличку, говорящую о том, что это национальный парк и делать здесь всё, что вредит окружающей среде, категорически запрещено. Потрудились на славу, минут сорок долбили киркой мерзлоту с камнями.

И тут появился он, хозяин Арктики. Идёт себе спокойно по берегу в нашу сторону, пытаясь обойти зимовье полукругом. Любопытный, полукруг всё сужается. Бимка принялся на него лаять – ноль внимания. Пристально смотрит на наши яркие куртки и нюхает воздух. Поднялся выше по берегу и пошёл по кромке возвышенности на фоне неба. Сыграл как заправский артист. И всё норовит к нам приблизиться. Парни вскинули ружья. Первый выстрел сигнальной ракетой – искрящаяся кометка пролетела прямо перед его чёрным носом. Медведь слегка отпрыгнул, но тактики не сменил. Другие две сигналки прошли по бокам, повертел башкой, но не ретировался. А Бимка вокруг него прыгает и лает – мишка мимо него смотрит, всё на нас таращится. Предложили пальнуть Веронике. Её выстрел брызнул камешками под ногами у зверя. Повернулся толстой задницей и, виляя бёдрами, ушёл. Убивать их нельзя, вот и пускают в ход пугалки, но боевые патроны тоже есть, на случай непредвиденной агрессии. Только один скрылся, смотрим, у того самого знака о защите природы, на холме, ещё один трётся, землю нюхает. Но этого даже пугать не стали, далековато был. Да и сам ушёл.

Решили сходить посмотреть, как идут дела у баренцева креста. Если учесть, что плавает только дерьмо в проруби и говорить в этой компании слова, производные от «плавать», – верх неприличия, то, услышав от ДФ, что на Спорый Наволок «сходим», я направился к лодке. Тем более, что вчера мы ходили туда именно морем. Оказывается, предлагалось совершить пешую прогулку по очаровательному побережью, всего-то пять километров. Пошли. После недавней встречи с медведями головами крутим на 360 градусов, оружие на изготовке, дошли без приключений. Никогда не видел столько морской капусты, ею завален весь берег, той самой, что у нас в магазинах продаётся. В период голодухи медведи ею питаются. Пахнет, как на берегу Чёрного моря, только очень холодно. Ребята делают то же самое, что и вчера: совершают малопонятные для меня действия. В общем, что-то ищут, я даже знаю что. Они сказали, что чуть не потопли сегодня. Когда шли на место работ, лодку волной подбросило так, что она встала на корму, и Андрей Пелевин из неё вывалился. Остальным чудом удалось втащить его обратно. Невозможно описать, что чувствует человек, когда оказывается внезапно в арктическом море. Ходу обратно, на «Алдан», на борт, под горячий душ. С Андрюхой остался врач Яша. К чести Андрея Александровича Пелевина надо сказать, что как только он обогрелся, то вернулся на берег и продолжил работу.

Как гром среди ясного неба прозвучало предложение Фёдорыча вернуться обратно в зимовье и там переночевать. Я был застигнут врасплох. Молнией в мозгу блеснула мысль: «Как спать-то там? Я же спальник с собой не взял». Отказался. Думаю, будет ещё время, переночую. В обратный путь, коротать романтическую ночь под плеск волн и завывания ветра, отправились ДФ, Вероника Соловьёва и Сергей Власов. Глядя им вслед, я думал: вот сейчас будут сидеть у очага с ружьями между колен, на их лицах будут плясать отблески пламени, а Фёдорыч поведёт увлекательный рассказ об арктических мореплавателях.

Новая Земля начала демонстрировать очередной непревзойдённый закат. На небе образовалась робкая радуга. Ник-Ник сказал, что это к удаче, непременно что-нибудь найдём. Я возражать не стал, тем более что вчера нашёл «куриного бога» – камень в форме топора с идеально круглой дыркой, диаметром в мой палец (ой, сама не верю я в эти суеверия). На судно возвращались на двух лодках – в одной пассажиры, другую с аппаратурой тянули на буксире. Начало штормить. Окатывало с головы до ног, пальцев в мокрых варежках, когда карабкался по трапу на палубу, уже не чувствовал. На судне, кроме прочих, нас встретили ДФ, Вероника Соловьёва и Сергей Власов. Оказывается, нары в зимовье ещё не сколотили, и спать просто не на чем. Заверил командора, что завтра непременно возьму с собою спальник. А нары уж как-нибудь сколотим.

8–9 октября 2012 г.

Спальник, мешок со сменой одежды, все, какие есть заряженные батарейки, флэшки, платки, трое перча-

ток. Всё это тащу с собой на палубу. Кто его знает, может, действительно сегодня придётся ночевать. Попробовать на своей шкуре то, что чувствовали голландцы. Прибыли к зимовью и давай готовиться к новоселью. Валерий Васильевич доделывает нары, парни из «Русской Арктики» заканчивают перекрывать крышу, Вероника кашеварит, а мы с Фёдоровичем занимаемся самым ответственным делом – устанавливаем флагшток. Уже столько дней мы здесь хозяйничаем, а над нами до сих пор не реет гордо Российский триколор. Непорядок. Честно говоря, флагшток у зимовья есть, но на нём нет верёвки, по которой полотнище поднимается наверх. Не уронив столба, верёвки не приладишь, а он вмёрз намертво. Нашли другой столб, такой же высоты, благо этого добра по берегу разбросано множество. Притащили его к зимовью, придали вертикальное положение и приколотили скобами прямо к бревенчатой стене. Верёвочку предварительно вставили в согнутую из гвоздя петельку на верхушке. ДФ продемонстрировал искусство морского разворачивания сигналов. Флаг свернул в тугой свёрток, закрепил его хитрым морским узлом и, подтянув к вершине мачты, дёрнул за второй конец. Рулон развернулся и над Ледяной гаванью заполоскался на ветру флаг, который Пётр I практически заимствовал у голландцев. Те же цвета, только белая полоска (у голландцев) не наверху, а посредине между синей и красной. Если бы кто-то, не разбирающийся в геральдике, увидел с моря в бинокль этот стяг, то мог бы подумать, что Баренц до сих пор тут чалится. Но все сомнения этого умозрительного наблюдателя развеял бы другой флаг, который я приколотил к противоположной стене зимовья. Флаг, на котором синим по белому написано на русском языке: Север наш!!!

Продолжаем придавать зимовью историческую достоверность. Очаг, который расположен в том же самом месте, что и у оригинала, наполовину разобрали, поправили колосник, и вновь обложили камнями. Проверили сработанную Валерием Васильевичем вытяжку, запалили огонь – функционирует. Крыша тем временем также была закончена. Пошли прогуляться по побережью, наткнулись на полуразвалившийся баркас, полюбовались каньонами, озёрами, закатом. В избушку вернулись, когда солнце катилось по горизонту.

Ребята засобирались на судно. Оставили нам Беретту, доппаёк патронов, Бима, две рации, и добрые пожелания. Ночевать решились Дмитрий Фёдорович Кравченко (ему не впервой), Вероника Александровна Соловьёва и я. Была у нас с собой газовая горелка, но ею решили не пользоваться. Достоверность, так уж по максимуму. Пошёл собирать по берегу плавник для очага, как голландец. Натаскал достаточно много, но он от своей перманентной влажности начал так дымить, что пришлось колоть более сухие чурки, которые уже отогрелись возле очага. Гречка с оленьей тушёнкой и чай на ужин. Под конвоем ДФа с Береттой сходили в туалет. Увидел ещё одну медведицу, большую и яркую на небе. Заглушили генератор, две наших лампочки уснули, а мы предались романтике при свечах. Наш командор любит море и знает море стихов о нём. Читал с выражением, как народный артист. Очаг потрескивает, пламя свечей приплясывает, от сквозняка из щелей. Романтика.

Вот что пишет де Вейр:

8 октября. В предшествующую ночь и весь этот день был такой сильный ветер и шёл такой снег, что если кто выходил, то ему казалось, что он задыхается; мало того, никто не мог пройти на расстояние длины корабля, хотя бы от этого зависела его жизнь; нельзя было даже и минуты пробыть вне корабля или вне дома.

9 октября всё ещё продолжался северный ветер, неся густой снег; дул он с суши, и нельзя было выйти ни из дому, ни с корабля.

Из дневниковых записей голландца видим, что дубак в ночь с 8 на 9-е октября 1596 года стоял прикрепчайший. Как это было похоже на то, что мы пережили в ту ночь. Щели между брёвнами – это ещё полбеды. Доски, из которых были сколочены нары, доставлялись буксиром-самоплавом по воде. Замёрзнув, они стали подобны ледяным брускам. И поняли мы это, когда залезли в спальни-

ки и приготовились к радужным сновидениям. Полиуретановые коврики не спасали. Чтобы нагреть такое помещение, нашему очагу потребовалась бы неделя работы. Посетовали на отсутствие водки. У голландцев, кстати, алкоголь был, и праздники они спрыскивали. Вот запись от 5 января 1597 года:

Проработав весь день, мы вспомнили, что сегодня сочельник праздника Трёх Волхвов, и попросили шкипера позволить нам среди стольких бедствий немного повеселиться. Мы слили вместе всё сбережённое нами вино из того, которое нам выдавалось раз в два дня, очень взбодрились и устроили настоящий праздник. Мы взяли два фунта муки, изначально предназначавшейся для проклейки пороховых патронов для корабельных пушек, нажарили блинов на масле и получили по белому бисквиту, который макали в вино. Мы так развеселились, что представили себе, будто находимся на родине среди друзей, и наша еда была такой вкусной, словно мы ели дома прекрасный ужин. Мы тянули записочки, кому быть королём, и наш пушкарь стал королём Новой Земли, которая тянется в длину на двести миль и расположена между двумя морями.

(В скобках замечу, что в моём распоряжении есть два перевода дневников судового плотника.

В Издательстве Севморпути, Ленинград, 1930 г. Полярная библиотека **«Плавания Баренца» Gerrit De Veer (Diarium nauticum) 1594–1597 Amstolredami MDXCVIII.** Перевод с латинского проф. А.И. Малеин. Под редакцией проф. В.Ю. Визе – он **Геррит Де-Фер.**

В издании 2011 года из серии «Путешествия иностранцев в России» в книге **«Арктические плавания Виллема Баренца 1596–1597»**. Перевод со староголландского профессора И.М. Михайловой, под общей редакцией профессора П.В. Боярского – он **Херрит де Вейр.**

В советском издании 1930 года даты /5 января/ нет вообще. После 4-го идёт сразу 6-е. Наверное, редакторы убрали её потому, что там фигурирует религиозный праздник и распитие вина. А этот сочельник был самым весёлым днём их эпопеи.)

Ну а чем для нас не праздник – первая ночёвка на Новой Земле. Ладно, дома наверстаем. Посреди ночи все встали не по разу, в основном для того, чтобы натянуть на себя ещё какую-нибудь одёжку. Я поверх куртки напялил пуховик и зашкерился в мешке. Немногим лучше, но всё-таки немного поспал. Судить об этом могу только по тому, что видел какие-то сны. Командор говорит, что я даже храпел. Ночевали под лопотание развевающихся на крыше флагов и шипящее бормотание прибоя. Слава Богу, нас ещё не навестили местные ребята в белых шубках. Позже выяснилось, что в эту ночь было минус пятнадцать градусов. Море ещё не замёрзло только потому, что шевелится.

Встали в 07:30, Вероника сказала, что больше никуда не поедет, только на судно. Пришла лодка, чаю попить не успели, плюхнулись в неё, и до «Алдана». Выгрузили Веронику, а сами пошли к Баренцеву кресту, Фёдоровичу надо контролировать ход изысканий, а мне хоть что-то поснимать из работы водолазов. Но и этого не получилось, водолазы не ныряли, поскольку приборы ещё ничего не нашли. Зато снял ещё одного медведя. Эта зверюга имеет обыкновение появляться неожиданно в самом непредсказуемом месте. Пока наши охранники обшаривали биноклями сушу от горизонта до горизонта, с одной из лодок, барражирующих в бухте в поисках металлосигналов, по рации сообщили, что к нам идёт медведь. Он вышел из-за небольшого каменистого мыска по кромке прибоя, и когда мы обернулись, он был уже метрах в ста. Я стал орать, чтобы не стреляли, а дали мне его снять. Товарищи прислушались, но когда он подошёл на 50 метров, открыли огонь. Не на поражение, конечно, а для острастки. Зверь отреагировал вяло, но всё же удалился. Не ушёл, не убежал, а именно удалился. Отошёл по склону на триста метров и улёгся в снежную ложбинку, наблюдая оттуда за человечками в разноцветных курточках. А человечки в бинокли наблюдали за ним. Примерно через час он куда-то исчез.

Настало время обеда. Виллем Кравченко (так его называют наши рейнджеры) предложил вместе с лодкой, которая пойдёт на судно за хавчиком, перебазироваться обратно к зимовью, я согласился. Думал, что лодка

сначала доставит нас к избе, а потом поедет за обедом, но судоводитель Игорь, вероятно, чего-то не понял и первым делом ломанулся к «Алдану». Наверное, оно было к лучшему. Я остался на судне. Умылся, пообедал и лёг спать. Слаще сна у меня ещё не было. Сейчас в нашей каюте пахнет костром от моих провонявших дымом вещей.

10 октября 2012. Игорь Емельянов

Сегодня вновь отправились на поиски. Лично для меня это внове, потому что впервые оказался в одной лодке с гидроакустиком Алексеем Протопоповым и его аппаратурой, а сзади на буксире идёт лодка с геофизиком Андреем Пелевиным, он со своим аппаратом. Штурвал в уверенных руках Ник-Ника Ломакина. Ход – самый малый вперёд. Крадёмся над рифом, дно хорошо просматривается на глубине 4-х метров. В ледяном мраке колышутся водоросли, но корабля Виллема Баренца не видать. Вылез из лодки на удивление сухим.

В пяти километрах от нас виртуозный плотник Валерий Васильевич продолжает реконструировать зимовье. К нему мы и направляемся с ДФ и Михаилом из «Русской Арктики». Виллем Кравченко говорит, что результаты ремонта необходимо обязательно заснять для отчёта. Я про себя думаю: ну как я внутри при свете тусклых лампочек это сниму? Благо Серёга Власов взял с собою вспышку, сую её в карман, в рот запихиваю бутерброд с салом, входит ещё зубок чеснока, и пошли. На судно вернёмся уже от зимовья, там есть лодка. Всё дальше от нас запах шкварчащих на шампурах сарделек, как раз наступило время обеда. Только отошли метров на триста, по рации с корабля сообщают, что пришёл прогноз – погода портится, ветер до 18 метров в секунду. Всем сворачиваться и на корабль, иначе потом из-за волны в шлюпки не сядешь. Передали это ребятам у лодок, а сами дальше идём. Не думал, что мне ещё раз придётся преодолеть этот маршрут. Взмок как собака. Резиновые сапоги-штаны по грудь, пуховик, шапка, не говоря уже о том, что под ними. Но то, что хорошо для бездвижного сидения в ледяной лодке, совсем плохо для пятикилометрового марш-броска. У Фёдоровича дорогой прихватило «мотор». Я пересрался не на шутку. Миша ускакал далеко вперёд. Я уж говорю ДФ: давайте остановимся, передохнём, одышимся, а он всё шутит. Я, говорит, худенький, у меня сердце на ниточке внутри висит и о рёбра стукается, давай просто пойдём потише. И это в 74 года. Миша по дороге нашёл свежеобглоданный череп медведя. Свои же сожрали раненого или больного. Больше некому. Верхние клыки будут великолепными сувенирами.

До зимовья, слава богу, дошли. А там Игорь и Валерий Васильевич уже часть вещей к берегу стаскали и нас ждут, когти рвать на «Алдан». На бегу со вспышкой снял в избе свежесработанный стол, лавки, новую дверь. Потом мы похватали в руки что могли и тоже к берегу. Волна ещё не сильная, благополучно отошли от линии прибоя. Пока двигались к судну, Василич сказал, что их сегодня посетили три медведя, как в сказке, только белые. Игорь еле отстрелялся. А я подумал, что это они и сообразили на троих, так, что от их собрата только череп остался. Беда с этими медведями, вот Хроники де Вейра:

10 октября утром погода была несколько мягче, и ветер, дувший с SW и WSW, был тише. Вода подлилась почти на два фута выше обычного, что, по нашему мнению, было вызвано сильным северным ветром.

В тот же день погода стала ещё лучше, так что мы рискнули сойти с корабля. И вот когда один из наших вышел, ему навстречу вдруг попался медведь и чуть было не столкнулся с ним раньше, чем тот его заметил. Наш тотчас побежал к кораблю, а медведь преследовал его до того самого места, где мы раньше убили медведя, которого мы тогда поставили на лапы и бросили на морозе; он был потом занесён глубоким снегом, но одна лапа всё ещё торчала из-под снега. Подойдя к этому месту, преследовавший медведь остановился. Этим замедлением воспользовался убегавший, влез на корабль и в страхе закричал громким голосом: «Медведь, медведь!» Вызванные его криком, мы вышли на палубу, чтобы стрелять в медведя, но зрение наше притупилось от постоянного дыма, который мы терпели, заключённые в корабле из-за крайне суровой погоды; ни за какие блага этот дым нельзя было бы вытерпеть, но нас принудили к этому сильный мороз и жесточайшая метель; иначе мы не могли сохранить себе жизнь и, если бы оставались на палубе, то, несомненно, умерли бы от стужи. Медведь не долго оставался там и неожиданно ушёл. А ветер был северо-восточный.

В тот же день под вечер погода была хорошая; мы вышли с корабля и направились к дому, унося с собой большую часть хлеба.

Когда поднялись на борт, пришла телеграмма, что фрахт судна продлён, мол, продолжайте работать, что каждому можно будет позвонить домой и что от меня ждут вестей из Тюмени. Выяснилось, что у Геннадия Егоровича Данилова есть с собой спутниковый телефон, о котором он из скромности молчал. Отзвонились. До дома не дозвонился, трубку никто не брал, наверное, Машеньку усыпляли, но до мамани достучался, поручил

ей передать, что со мной всё в порядке и что, возможно, задержимся с возвращением. Позвонил и Юле Шакурской, дал о себе знать. Сейчас уходим из зоны шторма на мыс Желания. Доставим Мишу и Игоря туда, откуда взяли, попробуем затариться бензином, которого у нас осталось на два дня, и вернёмся обратно. Впереди пара дней безделья, будем штормиться. А пока об «Алдане» и «Белфрахте», чтоб уж совсем не офигеть от качки и дуракаваляния.

На красном борту нашего судна, помимо названия АЛДАН, красуется ещё одна надпись Belfreight. Эти же буквы постоянно бросаются в глаза, когда на воду спускаются лодки, уходящие на берег, когда поднимаешься на мостик, когда звучит учебная тревога, да и вообще от них на корабле никуда не деться. Вся команда не без гордости носит форменную одежду молодого перспективного предприятия – Беломорской фрахтовой компании. Для любой экспедиции, а особенно нашей, надёжное судно, опытный капитан, профессиональная команда – это 50% успеха. В день отправки гендиректор «Белфрахта» Евгений Пеньевской, на палубе «Алдана» сказал:

«Этот рейс для нас не простой, он отдельный. Наша компания входит в число организаторов экспедиции, и для нас это вопрос престижа, имиджа, и мы считаем, что совместными усилиями у нас всё получится. Мы вручили капитану судна икону Николая Мирликийского, который является покровителем всех странствующих, и надеемся, что он поможет нам прийти к успеху».

Икону прописали на капитанском мостике, и теперь Святитель Николай зорко вглядывается в морские дали вместе с вахтенным. Сегодня, 10 октября, вахту несёт старпом Сергей Турыгин. В 1983 году, после окончания в Архангельске мореходного училища, судьба связала его с рыболовным флотом, в 2000-м стал капитаном. Но шторма, бушующие в кабинетах, а не на море, заставили его в 2012 укрыться от них в бухте «Белфрахта». Старпом большой шутник, но, как это часто бывает, «подачу» принимают не все. Особенно эффектные партии разыгрываются в паре с коком Стасом Бикмулиным. Когда старпом из кают-компании, а кок из камбуза начинают обмениваться любезностями, редко кто не прыснет в кулак. Завтра у Стаса своеобразный трудовой юбилей. 11 октября ровно месяц, как он хозяйничает на камбузе «Алдана». А вообще за 12 лет своей кулинарной карьеры обошёл Канаду, Канары, Англию, Гвинею, Мавританию, Норвегию, Марокко. Есть у него и своё фирменное блюдо – лазанья по Дураченко. Ходил когда-то на судне «Капитан Дураченко» и там придумал квадратные пластинки пасты не располагать слоями с фаршем и помидорами, а сворачивать в рулетики. Команда оценила. Здесь на «Алдане» побаловать нас этим блюдом не получится – нет ингредиентов, но и без этого ни один завтрак, обед и ужин не обходятся без комплиментов, самых искренних, в адрес нашего КОКа.

Наш «Алдан» только с января 2012 года стал исследовательским судном, всю свою предыдущую карьеру он был добросовестным тружеником-рыбаком. До того как его купил «Белфрахт», траулер 5 лет простоял на приколе. Естественно, что судно нуждалось в серьёзном ремонте. За него взялся старший механик Алексей Пайзеров. Мало того, каждые 5 лет судно нужно приводить в соответствие с регистром, а это значит не только отремонтировать, но и модернизировать. Судя по тому, что наше путешествие успешно продолжается, Алексей Антонович со своей задачей справился на отлично.

Но одно дело механизмы, и совсем другое комфорт. Внутреннее устройство корабля тоже пришлось серьёзно менять, вместо помещений для переработки рыбы появились уютные каюты. Главный завхоз корабля – боцман. В его ведении не только хозяйство, но и безопасность людей. Юрий Рыбин работает в «Белфрахте» с января 2012 года. Второе рождение «Алдана» это, в первую очередь, его рук дело. И не только рук, но и слов. Боцман утверждает, что судно нельзя обижать, а обидеть его можно и словом. Поэтому слова в адрес «Алдана» употребляет только самые ласковые. Есть и другая причина столь трепетного отношения к плавсредству.

Второй постулат боцмана Рыбина гласит: пароход – женского рода. Я удивляюсь – почему? – А почему женщина на корабле к несчастью? – спрашивает он, и сам себе отвечает: потому, что пароход ревнует. Вот такой грамматический парадокс. На «Алдане» есть женщина Вероника Соловьёва, но «Алдан» к ней пока равнодушен.

Ещё один маленький парадокс: самый молодой член команды является самым «старым» сотрудником «Белфрахта» из всего корабельного коллектива. Ныне двадцатилетний матрос Дмитрий Шабаров пришёл на практику на одно из судов «Белфрахта» в июне 2011 года. За такими парнями будущее компании. В плаваниях, подобных нашему, есть время подумать, куда направить свои стези. Пока молодой матрос на перепутье: в механики податься или в штурманы? А благодаря нашей экспедиции, глядишь, занесёт в археологи или гидроакустики. С кем бы мне ни пришлось разговаривать из нынешней команды Алдана, все своим положением довольны. Зарплата вовремя, отношение человеческое, «Белфрахт» перспективен. Это значит, что его сотрудники, даже находясь в море, чувствуют твёрдую почву под ногами.

Капитан последним покидает судно во время кораблекрушения. Такого финала у нашей экспедиции с такой командой просто быть не может, поэтому просто предоставим капитану последнее, итоговое слово в этой статье. Валентин Тимонин начинал штурманом на транспортных судах, отдал рыболовному флоту 30 лет жизни. Опыта не занимать. А потому и словами не витийствует. В ответ на вопрос, какова его главная задача в этом плавании, он, рисуя простым карандашом на бумаге симпатичную кошачью мордочку, отвечает: «Обеспечить вам все условия для работы, чтобы вам было хорошо». Наверное, скучает по дому.

11 октября 2012 г.

Утром встали на якорь у мыса Желания, проводили Мишу и Игоря восвояси, за ними, кстати, сегодня должен прийти пароход. Ник-Ник и Володя затарились на берегу бензином, которого нам так не хватает для наших лодок. Когда они возвращались на «Алдан», поднялся ужасный ветер, лодка прыгала на волнах как мячик, её еле подняли на борт. Жалко, что снять не получилось. Сидел в каюте, отсматривал материал, ничего не заметил. Айвар, который принимал их на борту, говорит, что я многое потерял. А как Коля ругался, что ты... Сейчас сматываемся за мыс Желания спрятаться от ветра, изрядно покачивает. У голландцев в этот день всё было по-другому:

11 октября погода была тихая и, вследствие южного ветра, довольно тёплая. Мы снесли на берег вино и прочее продовольствие. Но пока мы были заняты выгрузкой вина, медведь, который прятался за глыбой льда (может быть, он был разбужен нашим криком), подошёл к кораблю. Мы, правда, видели, как он лежал, но приняли его за глыбу льда. Когда он стал приближаться к нам, мы выстрелили в него, и он убежал, а мы продолжали свою работу.

Этот день скуден на события. Фёдорыч лежит в своей каюте с книжкой «Арктические плавания Виллема Баренца». Штудирует дневники де Вейра, хотя знает их, наверное, наизусть. Вновь пытается найти в тексте более чем четырёхсотлетней давности подсказку, где искать судно. Загремела якорная цепь, выбежал на палубу, почему встали? Почему, стало понятно: спрятались в каком-то закутке, уже на западной стороне Новой Земли. Здесь волнение значительно меньше, но ветер всё крепчает. В такой близости от берега мы ещё не стояли. До гор, казалось, можно дотянуться рукой, и здесь это действительно горы, а не робкие возвышенности как в Ледяной гавани. На берегу наблюдаются ледяные намывы, на шлюпке не высадишься. Очень холодно. Пока пили чай в кают-компании, выяснилось, что прогноз неутешительный – ветер до 40 метров в секунду. Это полный швах. Капитан вызвал по матюгальнику боцмана на мостик, снова загремела якорная цепь, на сей раз якорь подняли. Непонятно, куда-то идём или просто штормимся. Пока есть время, изучаю два перевода дневников Херрита де Вейра или Геррита Де-Фера, а также предисловия и комментарии к ним. Вот что сказано в советском издании относительно личности Баренца:

«О личности Виллема Баренца, замечательного морехода и выдающегося пионера исследования Арктики, известно очень немного. Он родился на острове Тер-Шеллинг (северная Голландия) и был гражданином Амстердама. Баренц был, несомненно, незнатного происхождения, о чём свидетельствует то, что к его имени (Виллем) прибавлялось лишь отчество (Barents-zoon, т.е. сын Барента), но не фамилия».

В издании 2011 года во введении, названном «Голландцы среди льдов», доктор исторических наук, лауреат премии Принца Бернарда Люк Коойманс указывает фамилию – Виллем Баренц ван дер Схеллинг, думаю, что достоверно, поскольку созвучно с местом рождения (остров Тер-Шеллинг), хотя командор считает, что брехня. Здесь же указано, что возраст его был около 40 лет. Для выяснения социального статуса вновь обратимся к изданию Севморпути:

«Баренц, глубоко убеждённый в том, что морской путь на Дальний Восток лежит вокруг северной око-

нечности Новой Земли, настаивал на необходимости снаряжения новой экспедиции, в чём его поддерживал географ Планций. В справедливости своих доводов им удалось убедить амстердамских купцов, которые предоставили для новой экспедиции два корабля, названия и тоннаж которых остались неизвестными. Командиром одного корабля был назначен Яков Гемскерк, а другого – Ян Корнелиссон Рийп. Баренц согласился принять должность старшего штурмана на корабле Гемскерка. То, что Баренц не стоял во главе экспедиции, инициатором которой он являлся, не может не вызвать удивления. Объяснение, весьма вероятно, следует искать в том, что амстердамские купцы побоялись доверить свои товары моряку, который им казался слишком смелым и решительным; они хорошо знали, что Баренц поставил себе целью открыть Северовосточный проход во что бы то ни стало и был готов скорее погибнуть, нежели вернуться, не выполнив задачи. Наконец, и то обстоятельство, что Гемскерк был знатным дворянином, тогда как Баренц был простого происхождения, тоже должно было иметь значение при выборе начальника».

Но настоящим начальником был именно он, об этом говорит и советское, и российское издание, вот любопытная деталь:

«В письме, оставленном голландцами в Ледяной гавани на Новой Земле, имена всех участников экспедиции, в том числе и Гемскерка, были начертаны обыкновенными буквами, и только имя Виллема Баренца было выписано крупными заглавными буквами».

В письме от 13 июня 1597 года они говорят, что жить здесь больше невозможно, корабль по-прежнему в ледяном плену, и они, чтобы не помереть в безвестности, предпринимают последнюю попытку спастись – вернуться на материк на двух шлюпках. Письмо Баренц запечатал в мушкетный патрон и повесил в дымоходе над очагом. Эта записка была обнаружена в 1875 году норвежским промышленником Гундерсеном. Он просто догадался пошариться в очаге.

В каюте командора на стене выложен крест из икон. В центре Иисус Христос, по бокам Богородица и Св. Николай, сверху Троица, снизу Св.Пантелеимон. Горят церковные свечки, (где он их взял?) ДФ читает молитву: «Богородице Дево радуйся...» Говорит, что наша экспедиция – это борьба чёрного и белого. Смысла этих слов я пока не понимаю. Сетует на Архангельский прогноз, который, по его словам, ещё ни разу не оправдался. А для нас погода – главное, от неё зависит, когда нам возвращаться в Ледяную гавань, да и возвращаться ли вообще. Это последний шанс в нынешней экспедиции что-то найти. Да и в зимовье осталась куча вещей, например, генератор, его жалко бросать. Инструменты, продукты, газовая горелка. А у меня ещё и свёрточек со сменой белья, который я брал на ночёвку. Запросили прогноз в Норвегии, он для нас ваще неутешителен. Сегодня, 11 октября, на 21:00 ветер с направления 190, т.е. южный, скорость – 27 м/с, порывы – 37 м/с (впоследствии выяснилось, что это не метры в секунду, а узлы, т.е. эти показатели надо делить на два), средняя высота волны – 3,8 м, максимум – 6,3 м. Ночью такая же петрушка. Завтра, 12 октября, к полудню ожидается штиль, ветер – 3 м/с, но к вечеру опять ветер до 40 м/с. 13 октября веселуха продолжится.

12 октября 2012 г.

Этот день ещё более скуден на события, нежели вчерашний. Основные – завтрак, обед, полдник и ужин. Промежутки между этими событиями равные, т.е. четыре часа. Завтрак в 08:00, обед в 12:00, полдник в 16:00, ужин в 20:00. На завтрак – манная каша, хлеб с маслом и сыром, пряники, чай или компот. На обед – борщ (во всех супах всегда есть мясо), тушёная картошка с мясом, чай или компот. Нет нужды повторяться, что Станислав Эльтусович Бикмулин готовит божественно.

Сегодня у Айвара Владимировича Степанова день рождения. Поздравили его исключительно словесно. Исполнилось нашему археологу и водолазному специалисту 44 года. Правда, Ник-Ник пообещал устроить вечером салют, наверное, будет палить из ружья сигнальными ракетами. Поскольку все события нынче происходят и обсуждаются в кают-компании за приёмом пищи, то в один из них услышал, что вроде как возвращаемся в Ледяную гавань. Но там же шторм по прогнозам. А прогнозы не подтверждаются, видимо, даже норвежские. Вчера обещали на сегодняшний полдень штиль, ветер 3 м/с, сейчас на часах 12:30, а болтает, мама, не горюй, суп из тарелок выливается. Видимо, командор решил действовать по методу «от противного». Раз обещали в Ледяной гавани шторм, то туда и ломимся, наверняка, будет штиль. Про голландцев не забыл.

12 октября ветер был северный, временами несколько уклонявшийся к западу. Половина наших отправилась в дом и там впервые провели ночь, испытав однако сильный холод, так как койки были ещё не готовы, а одеял у нас было мало. В особенности страдали мы от крайне надоедливого дыма, а развести огонь как следует мы не

могли, ибо печь не была ещё сложена.

Как я их понимаю после первой ночи, проведённой нами в зимовье. В каюте до сих пор пахнет костром. Постирал кое-какую одежонку, но от пуховика всё равно несёт. Кстати, о хозяйстве. На борту «Алдана» имеется две стиральные машины, закинул вещи и идёшь себе читать или страдать чем-нибудь другим. Стирка окончена, вынимаешь бельё, спускаешься в трюм и загружаешь его с сушилку. Такую машину вижу впервые, похожа на стиральную, только сушит, причём очень хорошо. Голландцы, как цивилизованные европейцы, тоже стирали своё бельё.

20 ноября стояли хорошая и тихая погода, ветер дул с востока. Мы вымыли наши рубашки; но был такой сильный холод, что выстиранное и скрученное бельё сильно замерзало: приходилось держать его у большого огня, но и то оно оттаивало только с одной стороны, а с другой оставалось замёрзшим, так что легче было разорвать его, чем развернуть. Чтобы бельё оттаяло, не оставалось поэтому ничего другого, как опять бросить его в кипяток, такой сильный был холод.

Стираться им приходилось, скорее всего, по причине досаждавших насекомых. Уже в наше время на стоянке Баренца были обнаружены фрагменты обуви и одежды, а в них засохшие вши и блохи.

Имеются на борту «Алдана» и семь холодильников. Пять стоят вдоль стены в коридоре жилого помещения, плотно зафиксированные стропами. Когда кок Стас достаёт из них продукты, ему приходится всё это разматывать и быстренько извлекать необходимое, иначе всё остальное вылетит. Ещё один холодильник стоит в кают-компании, и один в каюте ДФ. Они также привязаны к стенам, и их двери заклеены скотчем. На полдник был яблочный пирог и чай. Пока трапезничали, капитан принёс Фёдорычу объёмистую телеграмму, со словами: «Поешь, поднимись на мостик – поговорим». Что бы это значило? А пока идём в Ледяную гавань, это уже точно.

И пришли ведь. Машины встали, вышел на палубу, мужики на баке готовятся отдать якорь. «Ледяная? – Она, родимая!» Завтра вновь приступаем к работам. Командор огорошил – в нашем распоряжении 4 дня, значит, на обратный курс ляжем только 17 октября. Сколько дней будем воистину работать, покажет погода. ДФ обещает завтра начать водолазные погружения, есть оказывается точки, которые необходимо прощупать вручную. Под моторами у нас осталось две лодки, одна буксируемая. Свою, красивую и вместительную, Миша и Игорь забрали на Мыс Желания. Ура! Нашёлся мой свёрточек со сменой белья, который я брал на ночёвку в зимовье. Валерий Василич принёс. На ужин был борщ, котлета с макаронами и с кукурузой, компот или чай. Вот и просвистели четыре основных события этого дня.

13 октября 2012 г.

В 06:15 у Яши запиликал будильник, но я уже не спал, а лежал и думал, как сегодня работать? Качает как в колыбели, когда малыш не желает засыпать. Пошли завтракать (надеюсь, что приёмы пищи не станут основными событиями этого дня), ДФ сказал, что пока ждём, может, волна уляжется. Вышел на воздух, палуба покрыта льдом. Опять же, по прогнозам, в том числе и норвежскому, должна быть плюсовая температура.

13 октября опять поднялись сильные северные и северо-западные ветры. Трое из нас отправились на корабль и нагрузили сани пивом. Однако, когда мы хотели везти его к дому, неожиданно поднялся такой сильный и холодный ветер, что мы не могли оставаться на улице и должны были удалиться на корабль, оставив пиво.

Пива у нас, к сожалению, нет, и новостей на сегодня тоже. Не считать же новостями, то, что за сегодня я посмотрел два американских фильма: «13» и «Быстрее пули». Эти кина взял с собою из дома Яша на флэшке, я скачал себе в комп. Начал было смотреть с ребятами в кают-компании «Легион», но, когда старушка-вампирша забегала по потолку, ушёл. Это было выше моих сил.

14 октября 2012 г.

Сегодня Покров Пресвятой Богородицы. Земля (в том числе и новая) должна покрыться снегом. Здесь эта примета оправдывается, практически, в полной мере. Если бы не дикие ветры, которые дуют над нами, то на Новой Земле лежал бы уже достаточно толстый слой, он, кстати, и присутствует в различных низинках и овражках, но со всей остальной территории безжалостно сдувается. В этих снежных оазисах медведи устраивают себе лёжки, видел таковых уже немало. Следы, следы, вмятина в снегу и вмёрзшие клочки белой шерсти. Сегодня, когда приехали к зимовью, обнаружили признаки ночного посещения медведя. Он изодрал кусок полиэтиленовой плёнки, которой мы перекрывали крышу, и прокусил пластмассовую канистру с бензином, по бокам остались две круглые дырки от его клыков. Через некоторое время появился и сам. Как обычно, пришёл со стороны моря. Медведи ходят по берегу, ищут: может, волнами что-нибудь съестное выбросит. Встал на задние лапы, вытянулся во весь рост, чтобы лучше нас видно было. Потом плюхнулся на четыре кости и прямиком к зимовью, лёгкой трусцой. Скоро, правда, одумался, обратно к берегу спустился и, выглядывая из-за принесённых шторма-

ми брёвен, дальше по кромке прибоя двигается. Потом встал как корова (это сравнение командора) полузадом к нам и голову для наблюдения вывернул. Так и стоял, пока ракетой не пальнули, ушёл. Долго ещё маячила его шубейка на чёрной полосе прибоя.

Продолжается ремонт зимовья. Валерий Васильевич вновь проявляет чудеса плотницкого искусства. Наблюдать за его работой – одно удовольствие. Не торопясь, без суеты, ровно. Что-то рулеткой меряет, что-то пилит, что-то колет, сложит в кучку, гвозди вобьёт – глядишь, дверь получилась. Сегодня сработал ещё одну боковую. Всего в голландском доме дверей было три, столько же соответственно и у нашего зимовья, это ж копия. Две боковые Василич уже заменил, центральную решили не трогать. Единственное несовпадение заключается в том, что голландцы своих дверей на замки не запирали, а наш плотник замочки-таки повесил, правда, и ключи тут же, на гвоздике. Замки от медведей. ДФ, водолаз Олег и я зашиваем досками щели между брёвнами в соответствии с оригиналом, так (говорит командор) делали и голландцы, чтобы не мёрзнуть. Одну стену, смотрящую на море, сделали полностью. Зимовье голландцев после опубликования дневников Херрита де Вейра стали называть Behouden Huys, что в переводе с нидерландского значит «охраняемый, спасаемый дом» (имеется в виду Господом Богом), проще говоря, ПРИЮТ.

14 октября, сойдя с корабля, мы нашли бочонок пива (оно было данцигское), оставленный на открытом воздухе на санях. От сильного холода дно его лопнуло, а самое пиво, которое вытекло, замёрзло и так крепко пристало ко дну бочонка, как будто было прикреплено птичьим клеем. Мы притащили этот бочонок пива к дому и поставили стоймя. Когда же мы хотели пить, то надо было раньше дать пиву оттаять, ибо незамёрзшего пива оставалось в бочонке чуть-чуть, и в этой влаге была вся сила напитка, так что из-за крепости его нельзя было пить; а то, что замёрзло, было так же невкусно, как вода, но мы всё-таки пили его вместе с другим, незамёрзшим, хотя напиток получился очень слабый и невкусный.

Мы же пьём чай. Он крепкий и вкусный. В прошлый раз, когда в спешке срывались отсюда из-за непогоды, похватали всё, что под руку попадалось, в том числе и два чайника. Сейчас воду кипятим в старой кастрюле, оставшейся от экспедиции 2011 года. Кружки тоже унесли, в ход идут пластиковые стаканчики. Зато всяких джемов, сгущёнок, какав, вафель, конфет у нас пруд пруди. Почаёвничали и стали с ДФ собираться на Спорый Наволок, теперь это у нас традиция или он просто не может без ежедневного пятикилометрового моциона? Всё время предлагает идти с ним, я всё время соглашаюсь. А что, за один день в двух местах поснимать можно. Хотя, честно говоря, уже везде всё обснято, жду только пушку, рынду, или, на худой конец, ядро. Командор пальнул два раза в костёр из карабина, для репетиции, это оружие для него внове, и мы пошли. Теперь это уже прогулка по знакомым местам. Фёдорыч рассказывал об удивительной судьбе своего отца Фёдора Иосифовича Кравченко, казака и аргентинца. Ничего примечательного за 1 час 15 минут, пока шли, не обнаружили, кроме очередной медвежьей лёжки. В ней, кстати, была морская капуста, жрать нечего беднягам.

Пришли на место поисковых работ, ветер с ног валит. Пламя в костре рвётся, как в кузнечном горне. Ребята только что закончили очередную радиопрощупку дна (безрезультатную) и вытащили лодки на гальку. Из досок, найденных на берегу, соорудили щит, примерно 3 на 1,5 метра, для защиты от ветра, уселись за него. ДФ, Яша Сулавко, Сергей Власов куда-то удалились. С корабля вернулся Айвар Степанов, который незадолго до нашего прихода был отправлен туда за обедом. Привёз порционные куски курицы, завёрнутые в фольгу, и почему-то яблоки. Ник-Ник своим охотничьим ножиком «нулевого» размера нарубил хлеба. Ели прямо в варежках, иначе пальцы бы от холода отвалились. Через некоторое время

смотрим: кто-то идёт вдали по воде аки посуху. Оказывается, это Яша. Они нашли рифовую отмель, глубина на которой по колено, а издали кажется, что прямо по воде идёт. Пошёл снег. Шёл он не с неба, а из глубины острова (и не шёл, а имитировал колоссальный шрапнельный заряд), практически параллельно земле, видимость стала минимальной. Как судно-то в море искать будем? Вернулась наша троица с неплохими вестями. Нашли три куска шпангоута, а Серёга Власов сказал, что на той самой отмели отменно фонит, т.е. миноискатель на что-то реагирует. Наверное, завтра работы перенесутся именно в это место, а пока Фёдорыч дал команду идти на судно. Загрузились в лодки, угнездились на ледяном полу и, обдаваемые брызгами, двинулись к «Алдану». Снег кончился так же внезапно, как и начался. От скрюченного бездвижного положения в течение получаса замёрз как собака.

15 октября 2012 г.

День начался с ясного солнышка, прекрасной погоды и превосходного настроения. Водолазы взяли с собой всю амуницию для погружений. Двумя группами вновь отправляемся на берег. ДФ, Яша, Сергей, Андрей, Валерий Василич к зимовью, остальные к Баренцеву кресту, в том числе и мы с Вероникой, ведь нам надо снять водолазные работы, подъём с глубины пушек, ядер и рынды. Утром я побрился и взял с собой расчёску, чтобы записать интеллигентные стендапы. На Спорый Наволок шли параллельно с лодкой Айвара и махали друг другу руками. Нашей рулил непревзойдённый Ник-Ник. На буксире тащили ещё одну. Предполагается, что из неё мы будем производить съёмку погружений. Ветерок всё крепчал. Когда вышли на берег, он уже разыгрался не на шутку, к тому же нас встречали два медведя, правда, на значительном отдалении, но с разных сторон. Пришвартовались в том же месте, где вчера оставили ветрозащитный заборчик. Ветер только этого и ждал. Жахнул с такой силой, что мешки с одёжей и провиантом покатились к воде. Поймали, придавили камнями. О работе в таких условиях, тем более погружениях, не могло быть и речи. Лодки бы просто унесло в открытое море. Самая большая для меня загадка, как при таком ветре можно разжечь костёр. Володя мелко наколол палешек, сложил стопочкой вокруг не успевшего вчера сгореть бревна, облил соляркой. Ник-Ник пальнул зажигательным патроном. Пуля насквозь пробила бревно и сгорела на камнях. Тогда набрали в консервную банку бензина, запихнули туда тряпку и несколько палочек. Чиркать зажигалкой пришлось очень долго, пока банка не вспыхнула. Но от костра толку не было никакого. У голландцев этот день был более спокойным.

15 октября ветер дул с N, а также с O и OSO, погода была тихая. В этот день мы подготовили место для двери, удалив снег лопатами.

У нас же ветер W 20 м/с. Один медведь скрылся за пригорком, а второй, большой, улёгся под холмом как сфинкс, положил морду на лапы и любовался тем, как мы загибаемся от ветра. Рация не фурычит, что делать, неясно. Решили подняться на холм, под которым лежал медведь, с него «Алдан» в прямой видимости, может, так радиосигнал дострельнёт. При нашем приближении медведь благоразумно ретировался. С холма действительно поговорили с кораблём, капитан велел всё бросать и уходить на судно. Кое-как отчалили, и, прижимаясь к берегу, двинулись в обратный путь. Только отошли метров на сто, увидели возле креста на холме две человеческие фигурки, одна из которых размахивала горящим фальшфейером. Командор и Яша зачем-то пришли к нам. Их ещё забирать? Связались с ними по рации, договорились, что мы продолжаем путь морем, а они вернутся в зимовье пешком. Причаливать не было смысла, берег в этих местах весь состоял из больших острых камней. Пока мы ползли по воде против ветра, постоянно видели их фигурки, двигающиеся по гребню невысокого берега. Начала подниматься волна. Я сел спиной по курсу, натянул на голову капюшон, красные руки засунул за пазуху. На каждом гребне в спину кто-то выплёскивал ведро воды. До сих пор я только сильно замерзал, теперь ещё и промок до нитки. Когда на судне снял пуховик, он весил килограммов пятнадцать. Засунул его в стиральную машину и включил «отжим». Всё прочее выжал руками и повесил сушиться. Остальные пребывают в таком же подмоченном состоянии и стучат зубами. Всё идёт к тому, что бригаде в зимовье придётся там ночевать. Ветер не утихает. Корабль два раза сорвало с якоря.

Попили чаю, поболтали в кают-компании о делах наших скорбных. Около 18:30 капитан вызвал Ник-Ника и Айвара на мостик. Ветер всё-таки ненадолго стих, решили забирать зимовщиков. Передали им по рации, чтобы готовились к эвакуации. В кромешной тьме на берегу светился только огонёк фальшфейера, на него Ник-Ник и Айвар направили свои лодки. Обратно вернулись благополучно, кроме личного состава, привезли с собой много вещей и генератор. ДФ полон решимости завтра продолжать работу, несмотря на обожжённую руку, подпалил немного фальшфейером ходит забинтованный. Завтра последний день нашей экспедиции. Что день грядущий нам готовит?

16 октября 2012 г.

Командор, как обычно, разбудил нас словами: «Мальчики, подъём». Грядущий день приготовил нам замечательную погоду, главное, что не было ветра. До берега шли как по паркету. Поскольку не болтало, успел снять Алдан, спуск людей в шлюпки, саму выгрузку шлюпок за борт. Сам в это время был уже на воде. Красота. У Баренцева креста водолазы стали готовиться к спуску. Необходимо прощупать вручную те места, где звенели приборы. Нам с Вероникой предоставили все возможности для съёмок. К лодке водолазов подцепили ещё одну, в которую мы со своей видеоаппаратурой и погрузились. Снимали весь процесс со стороны. Как надевают баллон, маску, валятся за борт и что-то шерудят на мелководье. Из воды подняли кусок шпангоута. Это такая деревянная балка с круглыми отверстиями. Шпангоуты – рёбра корабля. В круглые отверстия вставлены деревянные штыри, которые скрепляют детали между собой. Балка хоть и деревянная, но не плавает, поскольку сделана из дуба и за много лет так напиталась водой, что уютнее чувствовала себя на дне (морёный дуб). Всё найденное за время экспедиции загрузили в лодку и отправили на судно. Камандор, Сергей, Вероника и я отправились в зимовье. Пока шли, встретили медведя, довольно далеко, он даже не стал приближаться. Наверное, ему изменило его природное любопытство. Навстречу от зимовья к нам вышел Валерий Васильевич, сказал, что у них тоже был медведь, но они умелыми вооружёнными действиями его прогнали. Андрей ловко справился с Береттой, хотя держал её в руках впервые в жизни. Наверное, это тот самый медведь, который попался нам по дороге. Андрей Пелевин и Яша Сулавко во главе с Василичем работают над ветронепроницаемостью избы. Обтянули её практически со всех сторон плёнкой и закрепили досками. Эту работу они начали ещё вчера, когда им грозила перспектива остаться здесь ночевать или, того хлеще, прожить несколько дней. Всё говорило о том, что ребята к этому реально готовились – нарастили камнями очаг и заготовили большое количество дров. Ник-Ник сообщил по рации, что везёт группу водолазов на судно, после чего поедет за нами, велел готовиться к погрузке, т.е. таскать вещи к берегу. Среди вещей обнаружился объёмистый пакет с чурочками, подписанными фломастером. Оказывается, это поручение командора Андрею – напилить образцов плавника начиная с линии прибоя и заканчивая последними экземплярами в глубине берега. Изучив их возраст, можно будет сделать выводы об изменении рельефа берега с течением времени. Поднимался он или опускался, всё-таки 416 лет прошло, это в свою очередь даст новую информацию для поисков

останков корабля Виллема Баренца. Может быть, искать его нужно не под водой, а под слоем гальки на берегу? Времени нашего пребывания на Новой Земле оставалось около получаса. Записал интервью с Дмитрием Фёдоровичем Кравченко относительно результатов экспедиции. «Да, – сказал командор – корабля мы не нашли, но обнаружили большое скопление его фрагментов в том месте, где и не предполагали, поэтому всё ещё впереди». Из голландского дневника:

16 октября ветер был юго-восточный и южный, погода тихая. Накануне ночью медведь забрался на корабль, но с рассветом ушёл, заметив людей. В этот день мы разобрали каюту капитана, чтобы взять оттуда доски и на устройство сеней, чем мы и были заняты.

Я спустил российский флаг, который мы с ДФ подняли над зимовьем 8 октября, бережно сложил и взял с собою на судно. Осиротевшую верёвку закрепил на флагштоке так, чтобы не путаться на следующий год. Все вещи уже перенесены на берег, причалил Ник-Ник, начали погрузку. Вещей много, один газовый баллон чего стоит, объёмный и тяжёлый. Так что Николаич первый рейс выполнил как грузовик. От «Алдана» к нам маленькой красной точкой двинулся Айвар. Забрал Веронику, Сергея, Андрея. Командор, Василич, я и Бим ждём Ник-Ника. Плотник Киреев забивает досками двери зимовья, чтобы медведи не залезли. Последняя доска и два гвоздя по краям, но гвоздь остался всего один. Василича это нисколько не смутило. Гвоздодёром он вытащил из стены зимовья старый ржавый и кривой гвоздь, ловко выправил его молотком и отработанным ударом поставил точку в нашем пребывании в Ледяной гавани. Гвоздодёр воткнули за те самые доски, чтобы тому, кто окажется здесь после нас, было удобно их отдирать. Ножовку, моло-

ток и топор через щель закинули в сени и направились к берегу. Когда я уже занёс ногу в лодку, Ник сказал: «А Север наш, чего не взяли?» Оглянулись. Над зимовьем трепетало белое полотнище с изображением медведя. Не оставлять же им символ нашей экспедиции. И я вернулся. Уже ни топора, ни ножовки. Руками сломал черенок, свернул вокруг него флаг и, уже не оборачиваясь, двинулся к лодке. На борт мы поднялись в 15:00.

Покидая свой ПРИЮТ 13 июня 1597 года, голландцы оставили там письмо:

Вплоть до сегодняшнего дня мы ожидали и надеялись, что корабль освободится ото льда, а теперь на это остаётся очень мало надежды или нет никакой, потому что корабль крепко окружён льдом, да притом в конце марта и начале апреля лёд так уплотнило и натоpосило, что мы стали раздумывать, каким образом нам дотащить лодки до воды и где найти для этого удобное место. Поэтому я предложил на обсуждение Виллема Баренца, главного штурмана корабля, а также других должностных лиц и всех прочих, вопрос, как нам спасти себя и некоторые товары купцов. Мы не нашли лучшего решения, как починить наши лодки и приготовить насколько возможно всё необходимое, чтобы не пропустить время, так как, не использовав его, мы рискуем погибнуть от холода и нужды. Да и теперь надо бояться, чтобы этого не случилось, так как среди нас есть три или четыре человека, от которых мы не можем ожидать никакой помощи, – они до такой степени истощены холодом и недугом, что не обладают силой даже и на полчеловека. Далее следует предвидеть, что дела будут не вполне благополучны как из-за длинного пути, который предстоит нам проделать, так и потому, что с хлебом не дотянуть до конца августа; а между тем легко может выйти, что если с нами случится в пути что-нибудь скверное, то раньше этого времени мы не доберёмся ни до какой страны, где могли бы приобрести что-либо, хотя, начиная с настоящего часа, мы принимаем к этому все меры. В силу всего этого мы решили не ждать дольше, так как сама природа учит нас думать о самосохранении. Всё это мы постановили единогласно и подписали 1 июня 1597 г. Так как сегодня мы готовы, имеем попутный западный ветер и открытое море, то мы собрались отплыть, потому что корабль всё ещё остаётся крепко затёртым льдом, и в его положении мы не заметили никакой перемены к лучшему, несмотря на частые и сильные ветры с W, N и NW, и поэтому, в конце концов, мы его покинули. Сего 13 июня 1597 года».

В 15:45 «Алдан» загнул петлю, чтобы встать носом к выходу из Ледяной гавани, и начал набирать обороты. Капитан в матюгальник объявил: «Внимание, экипаж и участники экспедиции. Берём курс на Архангельск. Ориентировочно прибываем 21-го утром. Не расслабляться, погода впереди штормовая». За чаем в кают-компании выяснилось, что идём восточным берегом Новой Земли, через пролив Югорский Шар. Таким образом, получится, что во время экспедиции полностью обойдём архипелаг и замкнём петельку в Архангельске.

17 октября 2012 г.

Сегодня на завтрак проспали все, кроме меня и Айвара, и это при том, что завтрак не в 06:30, как было в Ледяной гавани, а, как обычно, в 08:00. Сужу об этом потому, что чаёвничал в кают-компании в одиночестве, а Айвар пришёл с ноутбуком поработать, дабы не будить соседей по каюте. Он сказал, что только что беседовал со старпомом, так тот утверждает, что в Архангельске будем только 22-го утром. Волна большая, ветер в харю. Караул!!! Свистнул сам себя на верх, убедился в его правоте. Флаги чудом не срывает с мачт. За обедом командор обнадёжил, мол, 20-го к вечеру прибудем, но опять же со всякими оговорками и кивками на погоду. Короче, дата нашего возвращения писана вилами шпангоутов на воде Карского моря. Мать честная, а мне ещё двумя самолётами в Тюмень лететь.

В своём дневнике я постоянно сравниваю положение голландцев и наше положение на Новой Земле. Где-то нахожу сходства, где-то различия. Различий мало, и они частного характера (у них сегодня хорошая погода, у нас плохая или наоборот. Они сегодня разобрали каюту капитана, чтобы этими досками обшить сени, а мы уже обшили).

17 октября ветер дул с юга и юго-востока, погода была тихая, но очень холодная; мы употребили и этот день на постройку сеней.

В глобальном смысле всё похоже. Три экспедиции XVI века не увенчались успехом. 12 экспедиций века XX тоже. Сейчас мы оцениваем их плавания не по результату, а по процессу. До Индии они не дошли, зато сколько приключений. Мы не нашли каравеллу Виллема Баренца, зато как искали. На своей шкуре попробовали, каково оно ночевать в продуваемом насквозь зимовье, и дымом из очага нам точно так же ело глаза, как и голландцам. Мне даже кажется, что медведи нас посещали с той же регулярностью и те же самые. А чего стоит сходить в туалет и не отморозить задницу. И в той и в другой экспедиции есть человек, который ведёт дневник. Кстати, Херрит де Вейр так подробно описывает все тяготы и лишения своего путешествия, в том числе и для того, чтобы

оправдаться перед купцами-спонсорами, почему не выполнили основную торговую миссию. Нескромно посмею предположить, что и мои опусы, в какой-то мере объяснят, почему у проекта «Каравелла Виллема Баренца» всё ещё впереди.

Приближение к дому чувствуется, хотя и смутно. Айвар пришёл с блокнотом, попросил оставить свои контакты, взамен дал свою визитную карточку. Зашёл Володя из «Русской Арктики» с просьбой скинуть съёмки, где есть он и медведи. Алексею Протопопову также скинул его и медведей. Сам было ломанулся к Сергею Власову за фотками, но он их пока сортирует, переформатирует, репунсирует и т.д. От нехерделать сел писать фильм. Вновь встали перед глазами эпизоды нашей Новоземельной эпопеи. Классно всё-таки, что съёздил на Новую Землю.

18 октября 2012 г.

Ночью ужасно штормило, так, что чуть из коек не выбрасывало. К утру болтанка поутихла. Научные сотрудники экспедиции занялись обмером и фотографированием собранных на Новой Земле экспонатов, в основном это части шпангоутов. Рядом с экспонатом кладётся мерная линейка похожая, на палочку гаишника, с ценой деления 10 см. По их соотношению можно судить об истинных размерах объекта даже на фотографии. Сначала пытались сделать это в трюме, но там мало места и освещения. Переместились на палубу. Но дела так и не закончили, будем продолжать завтра. В 13:30 командор пригласил всех на собрание в кают-компанию. Оказывается, всё это время, пока пишу дневник, термин «кают-компания» употреблялся мною неправильно. ДФ сказал, что у нас – столовая, а кают-компания только для офицеров. Так-то. Независимо от терминологии собрание состоялось. Дмитрий Фёдорович Кравченко сердечно поблагодарил всех за работу. Сказал, что на удивление не знакомый друг с другом и разношёрстный коллектив оказался на редкость профессиональным и работоспособным. Оказывается, подводные археологические исследования на широте 76 градусов 15 минут ещё никто не проводил. То, что в районе предполагаемого упокоения судна голландских моряков никаких крупных металлических предметов (да и мелких) не найдено, тоже результат. Значит, искать нужно в другом месте, севернее от места нынешних поисков, там, где в последний день нашей экспедиции были найдены три больших фрагмента шпангоутов. Те самые, которые сегодня на «Алдане» обмеряются и фотографируются. Данные экспонаты будут сданы в Архангельский краеведческий музей.

Командор пригласил всех принять участие в экспедиции 2013 года. У меня ёкнуло сердце. В дневнике за 16 октября, когда писал о снятии флага над зимовьем, я неосторожно бросил фразу «Осиротевшую верёвку: закрепил на флагштоке так, чтобы не путаться на следующий год». Ну что ж, поживём – увидим. На собрании присутствовал капитан «Алдана» Валентин Борисович Тимонин. Сказал, что рейсом он доволен, команда судна и члены экспедиции успели подружиться (от себя замечу, что в основном с коком Станиславом Эльтусовичем Бикмулиным), рейс прошёл спокойно. Тут же нам выдали паспорта, которые собрали в начале похода. Ник-Ник пригласил всех к себе в гости отметить возвращение. Капитан, обращаясь к командору сказал: «Фёдорыч, как устроитесь на берегу, позвони». «А ты что, хочешь принять участие?» Капитан заулыбался и вышел.

Чем дальше мы от Новой Земли, тем сильнее разрыв между записями в моём дневнике и Херрита де Фейра. Там они воспринимались, как часть действительности и служили подтверждением того, что мы видим и делаем. Здесь, у берегов материка, они уже кажутся давней историей и чуть ли не фантастикой.

18 октября дул сильной ветер с востока и юго-востока. Мы достали из лодки, вытащенной на берег, хлеб, а также вино; оно не очень замёрзло, хотя и оставалось таким шесть недель, неоднократно подвергаясь сильному холоду.

В этот день мы опять заметили медведя. Море совершенно замёрзло, так что нигде нельзя было видеть открытой воды.

Сейчас идём проливом Югорский Шар – это узкая полоска воды между южной оконечностью острова Вайгач и материком. На улице уже темно, но берег всё же видно, да и маячков различных, красных и зелёных, по бортам навалом. До сего момента на судне ходили разговоры о том, что пройти пролив необходимо до 19 октября, после этого военные его закроют для учений, и придётся нам болтаться в ожидании прохода в открытом море бог знает сколько. Но судя по происходящему и по тому, что судно идёт – полный вперёд, сия опасность нас миновала.

19 октября 2012 г.

Море волнуется раз, море волнуется два, море волнуется три, морская фигура замри. Провёл весь день в койке в позе скрюченной морской звезды. Болтанка ужасная. Остаётся цитировать голландцев:

19 октября ветер дул с северо-востока. На корабле находились всего два человека, и в это время появился медведь, который пытался прорваться на судно силою. Эти два человека били его

поленьями дров, тем не менее зверь ожесточённо бросался на них. Напуганные этим, они пустились бежать, стараясь, как могли, спасти жизнь: двое соскочили внутрь корабля, а мальчик залез на ванты. А когда некоторые из наших пошли из дома к кораблю, медведь стал нападать и на них, но, получив две пули, убежал.

20 октября 2012 г.

Погода вроде устаканилась. По крайней мере, после полуночи удалось заснуть. После завтрака поднялся на палубу, на горизонте увидел впервые за три недели другое судно. Идём в судоходных водах. С утра все занялись своими делами. Водолазы на палубе демонтируют плавсредства, которые верой и правдой служили нам в этой экспедиции. Отвинчивают моторы, снимают рули, сдувают лодки. Научный состав экспедиции продолжает учётную работу. К нам в каюту (поскольку она самая просторная) притащили кусок шпангоута, один из последних, и давай его описывать. Расположили брус на туристическом полиуретановом коврике. Командор и Айвар вооружились рулеткой и штангенциркулем, Яша ведёт записи на компьютере. Вот одна из них:

Отобраны образцы для радиоуглеродного анализа. Место среза обозначено на фотографии.

Фрагмент 2 (дерево, дуб)

Цвет: Близкий к чёрному

Максимальная длина: 1770 мм

Максимальная ширина: 170 мм

Высота в среднем: 100 мм

Сечение прямоугольное, один торец обломан, другой скошен (срезан) на длине 28 см под углом порядком 40 градусов. Имеется 11 отверстий для нагелей диаметром около 31 мм с одной стороны фрагмента (внешняя сторона – окатанная, закруглённая), около 29 мм с внутренней стороны. В них 4 нагеля, 1 выступающий нагель, диаметром 28–30 мм. Расстояние между нагелями с обломанного конца:

Внешняя обкатанная сторона: 1-2 235 мм, 2-3 195 мм, 3-4 210 мм, 4-5 190 мм, 5-6 220 мм, 6-7 100 мм, 7-8 105 мм, 8-9 160 мм, 9-10 160 мм, 10-11 120 мм

Плоская внутренняя сторона: 1-2 235 мм, 2-3 185 мм, 3-4 215 мм, 4-5 190 мм, 5-6 210 мм, 6-7 110 мм, 7-8 115 мм, 8-9 160 мм, 9-10 160 мм, 10-11 125 мм.

Деградация древесины значительная, имеются трещины, сколы. Фрагмент предположительно находился длительное время под водой и выброшен на урез воды относительно недавно.

Сергей Власов на палубе продолжает фотосъёмку экспонатов, ему помогают Алексей Протопопов и Андрей Пелевин. Крутят, вертят образцы, прикладывают к ним линейки и карточки с номерами и названиями. Откусывая заусеницу на пальце, почувствовал вкус соли. Стоило вытащить один из экспонатов на палубу, как опять весь солёный. Про Херрита де Вейра не забыл. Как они там без нас на Новой Земле?

20 октября, при тихой и солнечной погоде, мы опять заметили в море открытую воду. В это время мы пошли на корабль взять остальное пиво; несколько бочонков его мы нашли замёрзшими. Мало того, даже железные обручи, набитые на бочонки с данцигским пивом, также лопнули от мороза.

Эти солёные пальцы и голландское пиво вновь заставили взгрустнуть о береге. За обедом в столовой (уже не кают-компании) капитан сказал, что к завтрашнему вечеру будем в Архангельске. Все начали шумно мечтать о разгрузке, отъезду восвояси, водке и бабах, но капитан сказал: «Кто ж вам во тьме причалить даст? Будем ночевать на рейде. А всё «вот это» уже утром». Нард немного скис, но определённость – всё-таки большая вещь. Настроение не упало.

Примерно в 15:00 машины встали. Что такое? Поднялся на палубу. Оказывается, команда решила порыбачить. В море закидывается толстая леска, на конце которой грузило около полукилограмма и большущий тройной крючок. Охотятся на треску и на пикшу. Рыбалка оказалась неудачной, в течение 30 минут никто ничего не поймал. Встали напротив мыса Канин Нос, от него забрали влево и движемся курсом S. Погода великолепная, или это зримое присутствие материка так радует. Тяжёлые серые тучи поредели, сквозь них видны ватные кучевые облака, которые в свою очередь любезно дают возможность созерцать перистые и голубое небо. Солнце сквозь все эти прогалины пробивается прожекторными лучами разной толщины и подсвечивает далёкие дожди, идущие на горизонте. Радуга выставила из-за облаков ногу в разноцветном чулке, вторую, видать, поджала под себя, сидя на пушистом диване облаков. Горизонт словно прорезан скальпелем, линия очень чёткая и контрастная.

Но недолго нам суждено было наслаждаться твёрдой палубой под ногами. К вечеру, когда входили в горловину Белого моря, так стало кидать, что перемещаться по судну не было никакой возможности. Капитан запретил подниматься на палубу.

21 октября 2012 г.

Уже два корабля на горизонте, Архангельск всё ближе и ближе. Слава богу, приехали.

ЭТО – МОЯ ЖИЗНЬ

Поселок Уэлен на песчаной косе

Здравствуй, Вячеслав Вячеславович! Етти кывчемгъо Слава!

Вчера пришло извещение на получение бандероли. Стало интересно, кто же меня вспомнил. С тех пор как перебралась на окраину Анадыря, на улицу В.Беринга, не получала столь загадочных, волнительных извещений. Может, это мой французский переводчик Шарль Венстен что-то прислал? Венстен – истинный друг (таким же верным другом был Владик Леонтьев, который раньше своим вниманием постоянно отвлекал меня от любимых занятий, что мне даже приходилось напёрсток и иголку откладывать в сторону). Шарль ведь действительно сколько раз путал адреса.

Много лет я была как будто в спячке. Наставник [В.В. Леонтьев. – *В.О.*] ушёл в безвозвратное путешествие. Теперь, наверное, спокойно изучает походы по Берингову проливу, очищает торосы.

Море – бесконечная тайна природы, я в своей песне описала суть осеннего шторма. (Может, кто-то видел, как я пою, по своей щеке провожу линию текущих слёз.) Но это не страдание по любимому человеку. Это бесконечная скука по Родине, по Уэлену...

У меня есть дочь – Надежда Ивановна Вуквукай. Она – научный сотрудник и, надеюсь, продолжит мои заброшенные рукописи. Иногда мне кажется, что дочь обо мне знает больше, чем я о себе. Но она, правда, плохо знает родной язык. Это наше с мужем упущение.

Кстати, мой муж был с оленного края, а я – береговая. Дразня друг друга в ошибках и плохо зная русский язык, мы всё же общались с ним на неродном языке. Это было нашей большой ошибкой.

Сама я сочиняю книгу по-чукотски. Я ведь выросла на языке матери. Она научила меня смотреть на окружающий мир.

Помню, как мама с утра до вечера заботилась о том, как сберечь в яранге полог, где на ночь собиралась большая семья. В яранге чоттагине в холодном помещении ещё стоял полог как спальня. В чоттагине и в пологе было всегда уютно и сытно. Уют и сытость – главное, чтобы выжить в суровых краях. Так что источник жизни – хорошая мать и хорошая семья.

Прочитав мои тощие книжонки, вы, Вячеслав, удивительно, как никто, хорошо поняли суть моих изложений. Мои предки действительно знали, как в суровых

условиях можно сохранить род. Ведь не случайно мои соплеменники много столетий назад придумали ярангу. Летом наши зверобои покрывали своё жилище моржовыми шкурами, в стуже – оленьими шкурами зимнего забоя.

Я, наверное, слишком рано оставила школу. Хотя мама, когда увидела, что я освободилась от книжек и тетрадей, наоборот, этому очень обрадовалась. Она видела, как трудно мне давались русский язык и математика, и хотела, чтобы я научилась правильно пользоваться кроильным ножом и шить охотничью одежду.

Вспоминаю своё детство в Уэлене. В плохую погоду мужчины занимались своим мужским делом. Я присоединялась к братьям. Чистила капканы, даже не чистила – почти полировала, чтобы потом они не пахли ржавчиной (иначе на охоте в них не было смысла).

К слову: критики много напутали в моей биографии и, в частности, исказили судьбу отца. Мой отец дожил до 1961 года. А вот старший брат погиб молодым. Случилось это во время шторма, когда на берег выбросило сильно ослабевшего серого кита. Кит был ещё подранком. Дядя, взяв нож, думал, что быстро его разделает. А охотничьи ножи у нас были всегда острые и большие, вернее, длинные, сантиметра четыре шириной. Дядя подбежал не с той стороны и угодил не в кита, а в артерию на бедре моего старшего брата. Так наш кормилец старший брат умер, и наша семья осиротела.

Когда я выросла, комсомольская бригада уэленских зверобоев взяла меня к себе поваром. У меня тогда на уме было только одно: как прокормить семью и запастись на зиму. Что я помню из той поры? Вельбот деревянный. Бригадир и он же рулевой – мой двоюродный дядя Унпенер. Выслеживали моржей и гарпунили другие охотники. И вот однажды по их команде моторист заглушил мотор. В тишине мы прошли между льдами. Дальше последовал выстрел стрелка. Один морж остался на поверхности, другие быстро ушли под воду. Я даже не успела прийти в себя, как в следующую секунду оказались на льдине.

Охотники с ножами тут же приступили к разделке. Видя мою медлительность, кто-то из охотников на дощечке поставил примус. Я ринулась ему помогать. Стала готовить иголочку, чтобы прочистить горлышко примуса. Неподалёку другие охотники разделывали большие туши моржей. Вскоре мне дали для приготовления обеда куски внутренностей и грудинки. Почему-то эти части считаются неопасными для скорой варки.

Тем временем моржатину стали мелкими кусочками резать и варить с тундровыми свежесобранными растениями (мы эти растения употребляли при расстройстве желудка и болях в животе как укрепляющее средство).

После охоты я, как правило, занималась шитьём тапочек. К моему счастью, эти тапочки охотно покупал промкомбинат, где заведующим базой был отец Владика Леонтьева. Леонтьев-старший выглядел как толковый, заботливый, усатый танны-тан, который на непонятном языке долго выступал на партийных собраниях. Он часто затягивался виноватым тоном, присаживаясь к длинному деревянному блюду, которое всегда наготове держала моя мама. «Ээ, – вспоминала его мама, – опять очень долго говорил, о чём лахтачьи усы». На деньги от вышитых тапочек я для всей нашей семьи покупала чай, сахар, кусочек масла и табак для трубки отца.

Вскоре в местной газете появилась заметка о том, как я варила для охотников мясо. Мне, не скрою, это было приятно. Потом меня без всякого диплома взяли на работу в клуб. Тоже было интересно. К нам на танцы часто приходили с полярной станции белые женщины. Они были одеты в крепдешиновые модные и очень красивые платья. Блестели жёлтые с локонами волосы. Платья-клёш поднимались, когда женщины кружились. Солдаты в зелёной форме и начищенных сапогах в такт музыке кружили молодых чукотских девушек, раскрасневшихся от мороза.

В клубе всегда было жарко. Согревало отопление.

Изба-читальня у нас всегда работала после обеда. Люди играли в шахматы, шашки и домино. Кто-то, не зная нот, пытался играть на гармошке и на баяне.

Сейчас многие не могут понять, как мы вплоть до 60-х годов прошлого века жили в ярангах, в пологе из шкуры оленя. Очень просто. Копоть жирника согревала помещение спальни. Над жирником мы готовили еду и кипятили чай. В яранге мы рожали детей и разделывали добычу. Нерпа – это жир. Жир нерпы – тепло и нежное мясо. Не смейтесь, но я бы очень хотела вернуться к тому времени, времени моего детства и юности. Вот о чём стоит писать!

Валентина Кальевна ВЭКЭТ

г. АНАДЫРЬ

ОБЕТОВАННАЯ ЗЕМЛЯ — КОЛЬСКИЙ ПОЛУОСТРОВ

Пятые Феодоритовские чтения в Мурманской епархии

Алина ЧАДАЕВА

И огромным костром
возгорится любовь...
(Из стихотворения Владимира Смирнова)

Я назвала бы Кольский полуостров «Землёй обетованной», эпицентром духовного возрождения России.

Игумен Митрофан – благочинный церквей Терского берега Кольского полуострова пригласил на 5-е Феодоритовские чтения доктора философии В.Г. Краснова, автора книги и многих публикаций о Великом князе Михаиле Александровиче, а через него – и меня, – автора серии исследований об Алапаевских мучениках. Чтения мыслились как торжества, посвящённые 400-летию Дома Романовых и 400-летию же спасения России от врагов в 1612 году.

Темы обязывали к размаху, и среди участников были учёные и священники, выполняющие свою духовную миссию за рубежом. Маршрут конференции был протяжённым, и начинался он в Санкт-Петербурге молебном в Серафимовской церкви по случаю убытия Иконы Божьей Матери «Казанская-Романовская».

Удивительна, как всё чудесное, судьба этой Иконы. Принадлежавшая по наследству Великому князю Михаилу Александровичу, в годы беснующейся революции, она была спасена прадедом игумена Митрофана (Баданина) Степаном Никитичем Пименовым.

В 1911 году его, мастера, знавшего толк в технике, пригласили участвовать «в техническом переоборудовании» здания на Английской набережной под дворец Великого князя, а затем остаться там в качестве управляющего». Он и поселился вместе с женой и двумя дочерьми во флигеле, расположенном в глубине двора.

Грянул февраль 1917 года. «Дворец (Великого князя Михаила Александровича) громили страшно...» – передаёт слова своих бабушек Анны и Марии их внук игумен Митрофан в своей документальной книге «Икона Великого князя», в которой промыслительно спаялись судьбы его рода и российская история.

Именно тогда, цитирую главу «Спасение святыни», «и сумел Степан Никитич укрыть от погромщиков Казанскую-Романовскую икону Божьей Матери. Пробравшись в великокняжескую молельную комнату, он незаметно перенёс икону к нам домой, во флигель». Позже отнёс её в ближайшую Благовещенскую церковь. Но в 1928 году настоятель вернул её в дом С.Н. Баданина, так как храм, по велению большевиков, подлежал уничтожению. «Икону разместили на кухне в углу и задёрнули занавесочкой, чтобы не привлекать чужих взглядов богатым серебряным окладом. Там она и сберегалась неизменно ровно тридцать лет, с 1928 по 1958 год». В следующем – 59-м икона была пожертвована в Серафимовскую церковь Петербурга (тогда Ленинграда).

Неостановимо во времени служение этой святыни на русской земле. 21 августа 2012 года начался её Крестный ход из кладбищенской Серафимовской церкви на Кольский полуостров. Через два дня икону Божьей Матери «Казанская-Романовская» торжественно встречали в Мурманске (первоначальное название морского порта, учреждённого по велению императора Николая II 4 октября 1916 года, – Романов-на-Мурмане), в храме Спаса-на-Водах.

С трудом можно было протолкнуться к иконе сквозь плотные ряды прихожан, но была благоговейна тишина, когда начал говорить Правящий Архиерей Симон. Голос его был тих и проникновенен и возвышался только, когда звучали главные слова проповеди, обращённые к каждому из пред ним стоящих. Любовь. Правда. Радость. – В этом и есть суть христианской веры.

Как отрадно мне – да, думаю, и всем – было искреннее доброжелание, заключённое не только в высоких и близких Понятиях, но и в доверительной, «келейной» интонации Владыки Симона, будто он беседовал наедине с каждым из нас, и в самОм его светлом облике, излучающем доброту и всепонимание.

А Икона, вместе с нами, продолжала шествие по Заполярью. В Мончегорском конференц-зале ДК «Полярис», где выступали участники конференции, святыня стояла на сцене, незримо благословляя происходящее.

Отправляясь на Феодоритовские чтения, я и понятия не имела о том, кто такой

Монумент защитникам родины в Мурманске

Феодорит и почему ему посвящаются уже пятые чтения. Духовная жизнь Кольского полуострова стала для меня (а возможно, и многих других) радостным открытием, прежде всего – благодаря игумену Митрофану.

Необычна судьба этого человека, как и его подвижническая деятельность на самом северном краю России. Потомственный морской офицер, Баданин (игумен Митрофан) 26 лет посвятил служению Отечеству на море. Как и его прадед, служивший на Императорском флоте под началом адмирала Макарова. Как и отец – капитан 1-го ранга, воевавший в Отечественную, а позже, в 50-е сложные годы, когда непредсказуема была международная обстановка, – на подводной лодке. Сын – кавторанг, как сокращённо называли тогда капитанов 2-го ранга.

Что же должно было произойти, чтобы круто «переложить руль» с моря на берег и поменять – не профессию – но вид служения. Стать священником, принять монашеский постриг и сан игумена. Точка отсчёта, как её определяет сам игумен Митрофан, – 1983 год. Капитан 2-го ранга Баданин командует кораблём, идущим в один из доков Балтики на ремонт. Это был боевой сторожевой корабль, не один год служивший у берегов Африки. На траверзе Фарерских островов разразился шторм. Изношенное судно не выдерживало ударов волн. Казалось, катастрофа была неминуема. Но недаром ведь говорят «в морях»: «Капитан познаётся в шторм».

Позже Баданин вспоминал: «Все смотрят на меня, надеются и доверяют мне, а я, на кого смотрю я, на кого я сам надеюсь?» Именно тогда я впервые попросил помощи у Бога». Корабль благополучно прошёл испытание. Кавторангу нужно было пройти ещё не одно испытание Судьбы, чтобы стать духовным пастырем и обосноваться в поморском селе Варзуга, куда Владыка Симон направил его в качестве настоятеля Успенского прихода.

А в приходе этом, по советским правилам, тогда располагался – магазин.

Успенскую церковь в Варзуге нельзя означить просто назывным предложением. Уникальна для Заполярья её архитектура. Шатровая, однокупольная, она как бы взмывает на сорокаметровую высоту – совокупной молитвой тысяч прихожан, лежащих в земле у её подножия и ныне предстоящих.

Трагическое эхо её истории и сегодня не умолкает. Игумен Митрофан писал, что вотчине Соловецкого монастыря, бунтовавшего против церковных нововведений Никона «соловецким сидением» (1668–676), Варзуге велено было прекратить со старообрядческими соловками любую форму отношений. Противостояние было неравным. Напряжение и ожидание неизбежного поражения Соловков – велико. И, как предполагает игумен Митрофан, «стояние за веру», «за старину» требовало зримого воплощения. В результате в Варзуге была воздвигнута «вызывающе шатровая» церковь как вызов никонианам, запрещавшим строительство шатровых церквей.

Удивительно, но к храму этому какое уже столетие будто приставлена духовная охрана. Не сработало постановление ретивых атеистов-колхозников «завалить» «этот позор Мурманской области», как именовали дивное рукотворное чудо секретари областного комитета партии.

Мало того, сохранился даже древний иконостас с 88-ю иконами.

Сколько же неимоверных трудов вложил игумен Митрофан вместе с сельскими своими единомышленниками, восстанавливая бесценную святыню. Добром поминает он и А.Б. Чубайса, который помог оплатить чрезвычайно дорогостоящие работы.

...В пору моих занятий ритуальной игрушкой народов русского Севера намеревалась я поехать именно сюда, в Варзугу, где на Рождество Христово в домах выпекали «козули». В те, 70-е годы, отправиться на южный берег Кольского полуострова так и не довелось. Но в закромах моей московской квартиры почти сорок лет бережно хранились не помню уж кем подаренные варзугские «козули». Приспело время им вновь явиться на свет. И вот лежат передо мной две бесценные «игрушки» из теста: «Вифлеемская звезда» с ободом лучей и крестом в середине окружности и покрытая глазурью «Рыба». Но ведь не просто – «рыба», а один из трёх символов Христа, Чей Образ символически сопрягался с «Агнцем», «Якорем» и «Рыбой». Наверное, в игрушках этих есть некая магическая «начинка», ста-

ринный, но не стареющий залог моего путешествия в Заполярье.

Теперь первое, что встречает нас на пороге села – Успенская церковь, отреставрированная в последние годы и ожившая. Шедевр деревянного духовного зодчества. В те незабвенные августовские дни и мне довелось принять Святое Причастие из рук Владыки Симона в Успенском храме Варзуги.

В 1837 году в восьмом томе «Энциклопедического лексикона» можно прочесть статью Ивана Фёдоровича Штукенберга об истории «крупнейшего села на Кольском полуострове» – Варзуги. Оно было «впервые упомянуто в 1466 году». Автор статьи приводит статистику, выразительно свидетельствующую о поступательном развитии села. Увеличивалось население и в связи с этим – духовно-культурное окормление его жителей. К 1910 году здесь было открыто училище Министерства народного просвещения и церковно-приходская школа. «В приходе, – писал И.Ф. Штукенберг, – четыре церкви, из которых особенно замечательна Успенская постройки 1674 года». Но и не только. На «Никольской стороне», то бишь на другом берегу реки Варзуги, стоял ещё более древний храм – во имя Николая Чудотворца, освящённый в 1491 году.

«Село Варзуга, – писал И. Ф. Штукенберг, – хранитель древней поморской культуры». В недавние советские времена «поморская культура» еле теплилась под спудом тоталитарного единообразия. «Дома молитвы» повсеместно превращались в «дома торговли». Не избежала этой участи и Никольская церковь. С 1932 по 1910-й в ней торговали и продуктами, и спиртным; алтарь использовали в качестве отхожего места. Последний её священник – протоиерей Николай Гусев – скончался в Мурманской тюремной больнице, ожидая расстрела.

Но – не гореть святыне под спудом. Игумен Митрофан – один из тех, о ком в Евангелии сказано: «Много призванных, но мало избранных». Избран был содействовать духовному преображению самой северной российской земли.

...Недалеко от Успенской церкви и дома, где поселился игумен Митрофан, лежат пять новодельных куполов: приуготовлены они для восстанавливаемого Никольского храма, которому присвоен статус «выявленного памятника культуры». Кстати, когда разбирали бывший храм (магазин), под внутренней обшивкой нашли древнюю икону святителя Григория Богослова. И это был – добрый знак.

Восстановление ведётся не «на глазок», но с привлечением учёных-археологов. Игумен Митрофан привёл нашу группу к раскопу древнего кладбища, которое примыкало к церкви. Проведение раскопок вызвано подготовкой проекта реставрации Никольской церкви.

Владыка Симон благословляет чтения

Мурманская земля и, конечно, епархия изумляют размахом и глубиной научных изысканий, связанных с уникальной историей, этнографией, культурой и церковной жизнью полуострова. Достаточно открыть монументальный том «Север и история», изданный Мурманской и Мончегорской епархией по материалам Четвёртых Феодоритовских чтений под редакцией игумена Митрофана в 2012 году.

По сути, игумен Митрофан открыл миру имена святых, подвизавшихся на Кольской земле и дотоле мало известных, а то и вовсе забытых. Его перу принадлежат книги о блаженном Феодорите, «просветителе лопарей» в XVI веке, о Трифоне Печенгском и Варлааме Керетском. Он – составитель их Житий, инициатор их канонизации. Вчитываясь в работы этого религиозного писателя, понимаешь, как кропотлив и ответственен его труд. Ведь одно дело – писать биографию человека, другое – понять и изложить этапы его духовного преображения, возвышающие его до святости. Этому должен был предшествовать «сбор и исследование фактов биографии, а также исторических документов», которые могли бы правдиво раскрыть суть жизненного подвига святого, не обходя «острых углов».

Что греха таить, даже в многотомных трудах списателя Житий Дмитрия Ростовского встречаются стереотипы, скроенные «на одну колодку». Академик Е.Е. Голубинский называл это «риторической благоукрашенностью речи», иначе говоря, «плетением словес».

Мне – в личностном плане – было особенно важно изучить подход игумена Митрофана к канонизации. И вот почему. В своих выступлениях на Феодоритовских чтениях и других конференциях я постоянно говорю о необходимости прославле-

ния ВСЕХ Алапаевских мучеников, принявших страшную смерть в Нижне-Синячихинской шахте, вместе с Великой княгиней и инокиней Варварой. Обеих, и только их из восьмерых убиенных, канонизировала Русская православная церковь Московского патриархата. Зато Зарубежная церковь в 1981 году ВСЕХ признала святыми. Но вот – объединились две ветви Единой, Соборной и Апостольской церкви благодаря стараниям патриархов Алексия II и Лавра. Но и по сей день не поминают в наших православных храмах, даже в чине новомучеников, ни Великого князя Сергея Михайловича, ни князя Владимира Палея (из дома Романовых), ни троих сыновей Великого князя Константина Константиновича – князя-иерея Иоанна, князя Игоря, князя Константина. Говорить ли, что нет посвящённых им икон, не написаны их жития, не посвящены им акафисты.

Я за последнее десятилетие написала книги о каждом из них и могу заверить, что это были достойнейшие сыны Отечества нашего, и забыть их – значит, вырвать лучшие страницы трагической истории России, как и не заполнить их именами страницы «святцев» русских святых.

Да, я понимаю, нужно скрупулёзно изучить факты их недолгой, но героической и высоко духовной жизни, как и явленные уже чудеса. Но найдётся ли ещё подвижник, равный игумену Митрофану, который поднял из небытия имена и деяния людей, живших более четырёхсот лет назад в диком тогда краю. А ведь Алапаевской трагедии нет ещё и сотни лет. И ещё существуют останки этих людей, погребённых на месте бывшей Духовной миссии под Пекином. И пора на церковном и государственном уровне решать вопрос о перезахоронении их в родной русской земле.

Поклонение Иконе

Надеюсь, что мой – и не только мой – голос был услышан Архиепископом Мурманским и Мончегорским Симоном, по благодатному благословению которого вершится духовное преображение Заполярного края.

Я выбрала эпиграфом к своей статье строчку из стихотворения замечательного поэта Кольской земли Владимира Смирнова. Он родился в «незабываемом 37-м» и судьбой своей прошёл через все тернии советского идеологического деспотизма. Поэта уже нет с нами, живущими, но осталось выстраданное Слово и его Надежда на духовное преображение не только его малой родины, но и всей великой России.

Приведу его полностью.

Я родился в день
Веры, Надежды, Любви
Горькопамятной осенью
тридцать седьмого.
Дождь сентябрьский с полудня
по стёклам лупил,
И студёное море дышало сурово.
Но семейное счастье,
пришедшее в дом,
Ни дождём не порушить,
ни сумраком серым...
...Мать не знала, что скоро
в подвале сыром
Расстреляют
младенчески чистую Веру.
А в бараке худом, где рядком у стены
Спят вповалку зэка,
как и были, в одеждах,
Не тревожа соседей несладкие сны,
Потихоньку умрёт
с голодухи Надежда.
Но Любовь будет тлеть,
как в золе уголёк,
В ожидании ветра,
а может быть, бури.
Даже самым крутым палачам
невдомёк,
Что Любовь не убить ни верёвкой,
ни пулей.
Сквозняками ворвётся
грядущая новь,
Не страшны будут ей
никакие барьеры.
И огромным костром
возгорится Любовь,
И придут на огонь
И Надежда, и Вера.

ЖАРКОЕ ЛЕТО ДВЕНАДЦАТОГО

Александр ПУРЫШЕВ

Ранним утром на экваторе мая Николай смотрел в окно. По пути в аэропорт он наблюдал за щётками дворников автомобиля, которые разгоняли падающий с низкого тёмного неба мокрый дождь со снегом. Зимний снег растаял ещё в апреле, оголив газоны с жёлтой высохшей травой. Но особого тепла так и не было.

Через несколько часов Николай оказался на берегу анталийского побережья Средиземного моря. После долгой зимы прохладный морской бриз казался ему комфортнее, чем знойная жара, которая обычно встречает российских туристов.

«Море ещё холодное», – начал разговор русскоговорящий бармен. «Зима была холодная, и весна в этом году затяжная, в это время в прошлом году все купались. Что будете пить: коктейль, виски, вино, пиво?» – продолжил бармен в белоснежной рубашке с зачёсанными вверх волосами.

«Я только приехал, да к тому же ещё полдень. Налей, пожалуйста, чай с лимоном», – ответил Николай.

Отхлебнув немного чая, выдохнув воздух со звуком, похожим на кряхтение, Николай спросил: «А где так научился говорить по-русски?».

«У меня жена русская. Мы с ней познакомились, когда она приезжала сюда отдыхать с подружками. Да и потом я два года прожил в Москве, работал в ресторане. Сейчас мне администрация этого отеля предложила хорошую работу на несколько месяцев, и я согласился», – продолжил бармен, протирая бокалы белым полотенцем.

К бару на открытом воздухе, который находился по пути к пляжу, подошли немецкоговорящие отдыхающие, а Николай, допив чай и попрощавшись с барменом, отправился к морю.

Широкая песчаная полоса простиралась на несколько километров от одной скалы до другой и уходила в бесконечное синее море. На море был небольшой шторм, и немногочисленная детвора пыталась оседлать седые игривые волны.

Николай, скинув с себя одежду, вошёл в море до пояса и тут же встал на цыпочки. «А ведь море действительно холодное», – подумал он и начал растирать тело морской водой. Вместе с испаряющимися каплями воды ветер уносил тепло, и, вдохнув морской воздух, он нырнул.

Неделя прошла на одном дыхании, но в последние дни мысли Николая были направлены в сторону дома, в Западную Сибирь.

Море стало теплее, но уже не приносило столько эмоций, как в первый день. Не радовали ежедневные шоу-программы, пляжные вечеринки, шведский стол в столовой и обслуживание в тематических ресторанах. Кто-то от безделья накачивал себя алкоголем, а Николай спасался в тренажёрном зале. Он сделал очередной для себя вывод: чем комфортнее, тем скучнее жизнь, а может, он просто устал отдыхать. И со словами: «Не нужен нам берег турецкий» Николай сел в микроавтобус с туристами и отправился в аэропорт.

***

Самолёт приземлился в аэропорту по расписанию. Николай удивился сочной зелёной траве, большим листьям на деревьях и парящим в воздухе белым хлопьям одуванчиков. Прошло две недели с тех пор, как он уехал из промозглой Сибири, а приехал в жаркое лето. У него возникло ощущение, что он и не покидал далёкого морского побережья.

Весна в Сибири пролетает стремительно. При появлении тепла в конце мая – начале июня природа быстро навёрстывает упущенное время. Всё живое пытается успеть уловить тёплые дни до

наступления первых заморозков августа и первого снега в сентябре, сбивающего ещё зелёные листья с деревьев.

На следующий день Николай сидел за рабочим столом и разбирал накопившиеся за время отпуска бумаги. Николай работал государственным служащим в одной из структур органов власти.

«Чем больше обращений, тем лучше, – рассуждал он. – Небольшое количество обращений вовсе не означает отсутствие проблем у граждан, которые они не могут решить самостоятельно. Если люди обращаются, значит – доверяют органам власти, и он должен оправдать их доверие».

Вопросы поступали со всего округа: по улучшению жилищных условий, поиску работы, разъяснению действующего федерального и регионального законодательства, нарушению прав граждан. В каждом случае он поступал по-разному: для оперативности предоставлял юридическую консультацию, давал необходимые контакты, направлял запросы в профильные структуры органов власти и администрации городов и районов. Николай хотел помочь всем, но не всегда это получалось. А когда получалось помочь людям, радовался, как мальчишка.

Особенно за бывшего воспитанника детского дома Бориса, которому на основании принятого судебного решения дали квартиру. Борис рано потерял родителей, и кроме старшего брата у него никого не было. Позже появилась собственная семья, ребёнок, пришлось снимать квартиру. Борис обращался в районную администрацию для восстановления его нарушенных прав, но ему отказывали, ссылаясь на закрепление за ним двух комнат в старом деревянном доме на основании распоряжения сельсовета.

При рассмотрении документов выяснилось, что за Борисом закрепили бесхозное жилое помещение. Дом-призрак ни в одном реестре не значился, а значит, отсутствовали основания по признанию его непригодным для проживания. Дом сильно обветшал. На основании запроса в прокуратуру была проведена проверка, поданы документы в суд. Суд в свою очередь обязал администрацию района предоставить жилое помещение, отвечающее санитарным и техническим нормам.

Николай задумывался о причинах возникновения таких ситуаций. Почему своевременно не помогли Борису решить его вопрос? Сколько ещё таких же бывших воспитанников детских домов, которые не стали никуда обращаться?

***

С конца мая на всей территории Сибири установилась сухая и жаркая погода. Николай думал, что это ненадолго, и жару сменят прохладные дни после проливного дождя. Так было не раз, а несколько лет назад в начале июня выпал снег. Николай заметил: если летом в Москве холодно, то в Западной Сибири тепло.

Вечером Николай пришёл домой, включил телевизор, налил борщ и поставил в микроволновую печь. В это время ведущий вечерних новостей передал экстренное сообщение о гибели группы десантников при тушении крупного лесного пожара в Тыве на юге Восточной Сибири. Николай выключил печь и прибавил звук телевизора. Сначала удалось остановить огонь, подбиравшийся к посёлку. Но внезапно пожар перешёл в верховой. Верховой пожар пожирает верхушки деревьев, а не ограничивается травой, кустарниками и стволами. Он гораздо быстрее распространяется, чем низовой, – даже при самом небольшом ветре огонь начинает уничтожать деревья стремительно. На его ликвидацию была брошена группа парашютистов-десантников Тувинской авиабазы в количестве тринадцати человек, из пожара на расстоянии двадцати километров от посёлка вышли только четверо. Ещё один с многочисленными ожогами был доставлен в больницу.

Глава Республики Тыва заявил, что пожары свирепствуют в труднодоступных горных районах на высоте более двух километров над уровнем моря. И в таких условиях привлечение мобилизованных граждан на тушение лесных пожаров не даёт положительных результатов, собственных сил и средств авиапожарной службы Тувинской базы недостаточно. В помощь лесопожарным службам Рослесхоз направил силы федерального резерва в количестве ста парашютистов-десантников.

Николай задумался: как подготовленные специалисты могли попасть в такую ситуацию? Может, они не предполагали, что низовой пожар перекинется на верхушки деревьев, и они не смогут спастись? Возможно, они отходили от линии огня вверх по горе, и он заключил их в свои удушающие объятия?

Как объяснить их родственникам: матерям, жёнам и детям, – что их сыновья, мужья и отцы не вернутся домой? Не постучат в дверь, не обнимут, а близкие больше не услышат их голос. Никогда! Почему именно они попали в огненный удушающий капкан?

Позже скажут, что такие пожары тушат только с помощью авиации, заливают водой с самолётов и вертолётов.

Николай налил холодной кипячёной воды из электрочайника и выпил залпом. Есть не стал. Вышел из-за стола и стал собираться в парк на пробежку. Природный парк с асфальтированными дорожками находился недалеко от дома. В половине десятого вечера было жарко, даже немного душно. В парке было

многолюдно. Гуляли с детьми, катались на роликах и велосипедах. Летом в Сибири светло почти круглые сутки. Николай свернул на грунтовую тропинку, ведущую вверх меж сосен и косматых кедров. Он не любил бегать по асфальту, после такой пробежки ноги становились тяжёлыми. Навстречу ему попалась белка с шишкой в лапках, но он старался не отвлекаться, перепрыгивая через корни деревьев и вдыхая освежающий хвойных воздух.

***

На следующий день Николай проснулся в поту. Окна выходили на восток, и с шести утра его комнату наполняло солнце. Отражаясь в зеркалах шкафа, солнечные лучи нагревали предметы и воздух в комнате. Николай открыл окно, и навстречу ему дунул прохладный ветер с запахом гари.

По пути на работу Николай снял тёмный пиджак и повесил его на руку. Светило яркое солнце сквозь лёгкую дымку. На работе коллеги сказали, что горят леса в соседнем районе, и западный ветер несёт дым на восток.

Специалисты предполагали, что самое страшное уже позади. Пик пожароопасного сезона, по их мнению, приходился на май, когда жители населённых пунктов начинали выезжать на природу.

Но и в июне продолжал дуть знойный ветер, и риск возгорания оставался достаточно высоким. Для предотвращения пожаров в большинстве районов округа было установлено ограничение или полный запрет посещения лесов.

В первых числах июня на территории всего округа был введён режим чрезвычайной ситуации. Правительство Югры обратилось в Федеральное агентство лесного хозяйства, Правительства Свердловской и Тюменской областей с просьбой о помощи в тушении пожаров. Власти попросили направить в Югру сто сотрудников парашютно-десантной пожарной службы. Помощь потребовалась для ликвидации природных возгораний, возникших после сухих гроз.

Вечером после работы Николай поехал купаться на городской пляж. Пляж находился на протоке Иртыша. Войдя в воду, он увидел вдали над рекой торнадо, который медленно продвигался к городу. Мощную воронку было прекрасно видно за несколько километров. «Смерчи совсем не характерны для северных широт», – подумал Николай.

Через пять минут небольшой летний дождь сменился сильнейшим ливнем. Николай запрыгнул в машину в мокрых шортах и рванул по затопленному песчаному пляжу. Пляж превратился в огромную лужу с пузырями. Главное – не снижать скорость, иначе можно завязнуть в мокром песке. Выехав на асфальт, Николай услышал, как барабанит град по крыше. Щётки дворников автомобиля не справлялись с потоком воды вперемешку с градом.

В итоге, всего за пару часов, многие улицы окружной столицы превратились в полноводные реки. В низинах подтопило десятки домов. Больше всего досталось биатлонному центру. Стихийный водопад смыл с лыжной трассы асфальт, оголив огрехи строителей.

В середине июня на западе округа прошли дожди, а восток они обошли стороной. Пожары на востоке стремительно разгорались, захватывая новые земли. Поступали многочисленные обращения граждан о возгораниях.

Горели постройки, горели леса, горела земля!

Не хватало ни людей, ни техники. В первую очередь спасали населённые пункты. На другой стороне реки Обь в районе Сургута горел лес. К посёлкам Тром-Аган, Варьёган, Русскинская огонь подступал с одной стороны по лесу, с другой – по сухому болоту.

Когда поступило обращение от жителей, проживающих в лесу и занимающихся разведением северных оленей, Николай понял, что помощь до них может не дойти.

После трудового дня в пятницу он отправился в путь. На восток.

***

Первые сто семьдесят километров ему дались легко. Николай часто выезжал в командировки по округу, перемещался исключительно на своём автомобиле. Ему было так удобнее, ни от кого и ни от чего не зависишь, в том числе от расписания общественного транспорта.

Через два часа, проведённых в пути, приближаясь к посёлку Пойковский, Николай посмотрел на панель приборов и проверил уровень топлива. Топлива было достаточно. По привычке на выезде из посёлка он свернул к первому на этом отрезке пути кафе. На первом этаже находилось придорожное кафе, по уровню обслуживания напоминающее столовую. На втором этаже находилось кафе с символичным названием «Город», где в выходные дни собиралась местная молодёжь. Возможно, именно это название отвечало надеждам жителей посёлка городского типа.

Подъехав на забитую машинами парковку, он вышел, расправил плечи и встряхнул ноги. Из магазина напротив вышли четыре красивые молодые девушки навеселе с бутылкой водки в руках. Одна из них предложила Николаю пойти с ними. Он улыбнулся в ответ и поднялся по лестнице на первый этаж. Кафе работало круглосуточно, недостатка в посетителях никогда не было. Здесь часто останавливались междугородние автобусы. Справа от входа – длинная витрина с салатами, супами, вторыми блюдами, выпечкой и высту-

пом из нескольких хромированных труб для перемещения подносов. За витриной на стене под потолком висели красочные информационные панели с меню. А слева у окон друг за другом расположились бежевые столы с хромированными ножками на четыре персоны. У столов плотно стояли красные диваны. В конце зала висел большой плоский телевизор, а с противоположной стороны при входе – несколько белых циферблатов с чёрными стрелками, указывающими время в разных частях света.

Николай взял поднос, заказал свекольный салат, половину порции плова и чёрный чай с двумя дольками лимона. В дороге он не любил переедать. Поужинав и отхлебнув немного горячего чая из большого бумажного стакана, он вышел из кафе. Открыл машину и поставил чай в подстаканник между передними сиденьями. Можно ехать дальше. Николай включил повторитель, выехал на трассу и ещё некоторое время пил чай. Он заметил, что кофе его тонизирует лишь на короткое время, а чай снимает усталость на несколько часов.

Меньше чем через час он переезжал мост через протоку Юганская Обь. На другой стороне моста его встретил город Нефтеюганск, бывшая вотчина нефтяной компании «ЮКОС», а ныне город, где базируется основное нефтедобывающее подразделение компании «Роснефть». Проезжая Нефтеюганский район, Николай наблюдал за большим количеством факельных установок, сжигающих попутный нефтяной газ. Их в округе более полтысячи. Неужели в погоне за прибылью можно пренебрегать здоровьем сотен тысяч человек?

По объездной дороге, отсыпанной по пойме протоки и болотам, автомобиль миновал Нефтеюганск и через сорок минут переезжал двухкилометровый мост через великую сибирскую реку Обь. С правой стороны виднелись дома и трубы двух крупнейших в Западной Сибири гидроэлектростанций, работающих на попутном нефтяном газе. Сургут – город нефтяников, газовиков, энергетиков – промышленный центр Югры. Когда Николай проезжал этот город, было около десяти вечера, и он не потерял много времени на лавирование в потоке машин.

На выезде из Сургута машину остановил инспектор дорожно-патрульной службы. Николай вышел из машины. Инспектор перешёл дорогу, попросил документы и спросил: «С какой скоростью вы двигались?». «Девяносто километров в час», – ответил Николай. «По шуму покрышек я бы сказал, что больше», – продолжал инспектор, обходя автомобиль вокруг. Он подошёл близко к Николаю и пытался учуять запах спиртного. Потом отдал документы и пожелал счастливого пути. Николай удивился и подумал: «С каких пор гаишники начали определять скорость по звуку покрышек? Может, перегрелся на солнце или надышался выхлопными газами?» Возле посёлка Ульт-Ягун запахло гарью. Николай включил циркуляцию воздуха по салону и кондиционер. На щитке приборов прочитал показания. Топлива четверть бака. Через пятнадцать минут автомобиль заехал на задымлённую заправочную станцию. На территории станции был буфет, где Николай купил три пирожка: с картошкой, с капустой, с яблоками. Он знал, что здесь наливают чай в маленькие пластиковые кофейные стаканчики и он частенько обжигал руки кипятком. Поэтому Николай оставил в машине после посещения кафе в посёлке Пойковском большой бумажный стакан, в который и попросил налить чай.

После заправки автомобиль попал в дымовую завесу. Николай снизил скорость, включил фары дальнего света и габаритные огни. Вечером дым оседал на землю. Горел лес у реки Тром-Аган, что в переводе с хантыйского языка – Божья река.

На подъезде к Лангепасу дым рассеялся. За полночь автомобиль подъехал к гостинице в городе Покачи. В этих небольших по численности и построенных в одном стиле городах находятся подразделения нефтяной компании «ЛУКОЙЛ».

Позади почти пятьсот километров и шесть часов езды. Николай зашёл в гостиницу и заполнил анкету.

Через десять минут он рухнул на кровать и мгновенно уснул.

***

В девять часов утра Николай стоял на берегу реки Аган и ожидал моторную лодку. Через пять минут к берегу подъехала машина. Из машины вышел мужчина и стал выгружать мешки и пятилитровые ёмкости с водой. Только он выгрузился, Николай услышал шум мотора. Подплыла лодка. В лодке за рулём сидел мужчина с обветренным смуглым лицом в костюме защитного цвета.

– «Грузите всё в лодку!» – скомандовал рулевой. Николай закинул свою спортивную сумку на плечо, взял два мешка и спустился к лодке. В лодке Николай поздоровался с рулевым Сергеем, который звонил ему и просил о помощи в тушении лесных пожаров.

Проплыв около пяти километров, они причалили к противоположному берегу реки. За несколько минут перегрузили вещи и поехали на старом уазике со срезанной крышей по лесным направлениям.

Машина остановилась через тридцать минут в зоне задымления, где их ждали люди в спецодежде нефтяников. Они выгрузили продукты и воду. А Николай поехал дальше. Здесь живут несколько семей потомственных оленеводов, которые имеют постройки: избы, бани, лабазы для хранения, сараи, карали для загона оленей, стайки для окуривания оленей от москитов. По дороге ему рассказали, что после прошлых выходных возникло несколько очагов возгорания. Сгорела изба оленевода Семёна Рынкова. Горели ягельные пастбища для выпаса северных оленей.

Попутчик сетовал на отсутствие лесников. Николай знал, что в 2007 году с введением нового Лесного кодекса все лесники были уволены, так как разработчики законопроекта посчитали, что бизнес лучше справится с охраной и защитой леса, но последние годы показали всю несостоятельность данного подхода. До нововведений лесник – работник государственной лесной охраны. За лесником закреплялся лесной обход, ему выдавался паспорт участка. На должность лесника принимались лица, прошедшие специальную подготовку.

Местные жители собрались в добровольные лесные дружины и решили частично выполнять обязанности лесников, повторяя исторический опыт лесной стражи в царской России. Лесная стража работала по найму и формировалась, как правило, из жителей ближайших к лесам селений.

Ситуация осложнялась отсутствием осадков, ягель и мелкий кустарник хрустел под ногами, как снег в морозный день. Огонь двигался с двух сторон к ягельному бору протяжённостью несколько километров. На территории патрулирования не было ни одного сброса воды с водосливных устройств вертолёта, техника была задействована на других очагах возгорания. Авиапатрулирование осуществлялось ежедневно. Добровольная дружина рассредоточилась по секторам. По приезду на место Николай связался с руководством района, подразделением МЧС района, доложил ситуацию об очагах возгорания и попросил технику.

Готовились к худшему развитию событий, помогали окапывать постройки местных жителей. Траншеи копали шириной в две лопаты и присыпали кромки грунтом с большим содержанием песка. Николай знал, что в экстренной ситуации нужно иметь немного воды для смачивания ткани. Через мокрую ткань легче дышать при задымлении. Также нужно всегда знать направление к открытому месту без густой растительности. Желательно к реке, озеру, болоту.

Работать старались утром и вечером. Несмотря на жару, приходилось работать в спецодежде с капюшоном и сеткой на лице. Комаров в это сухое лето было мало, но не давали покоя оводы. Их летом двенадцатого было много, как никогда. Весь день олени проводили в задымлённой стайке, спасаясь от москитов. Стайка – сарай размером шесть на шесть метров с подведённой трубой от металлической печи. Печь, или, как её здесь называли, дымокур, топили исключительно сырыми дровами. Сухие дрова прогорали слишком быстро. У стайки обязательно стояла вода в глубоком металлическом корыте. К вечеру оводы исчезали, и олени уходили в лес за ягелем.

***

В полдень следующего дня Николай с Сергеем отправились на протоку реки Аган. Спасаясь от оводов, быстро запрыгнули в старенький пикап и доехали до берега. Затем стрелой в моторную лодку и поплыли на песчаный берег. Мотор на лодке стоял маломощный, в десять лошадиных сил. Стая оводов устремилась за лодкой. Они думали, что оводы отстали.

Только они подплыли, как облако хищных насекомых нависло над ними. Спасение от оводов нашли в реке. Вода, несмотря на быстрое течение, была удивительно тёплая. Всё время приходилось нырять и прятать голову от пикирующих москитов. Николай выбежал на берег, быстро намылил носки куском мыла и нырнул в воду с головой. Потом вытащил из воды руки с мыльными носками, и таким образом получилось их постирать. Через полчаса они запрыгнули в лодку, завели мотор, поплыли и на ходу стали одеваться.

После обеда и небольшого отдыха они продолжили обход и земляные работы. На

руках появились кровавые мозоли. Строительные рукавицы не помогли спасти ладони. Николай с удивлением открыл для себя, что самым доступным инструментом в тушении лесных пожаров стала обычная лопата, так как в лесу не всегда есть возможность использовать пожарные автомобили для тушения и бульдозер для обустройства защитных полос. Обустройство защитных полос и противопожарных разрывов – эффективный инструмент по предотвращению распространения пожара.

Но когда пожар набирает высокую температуру, есть ветер, то его не остановить защитными полосами и противопожарными разрывами. Пожар ветром может переноситься на другую сторону малых рек. Поэтому использовался встречный огонь для отжига территории, прилегающей к заградительной полосе, а также, по возможности, рюкзак с водой для обработки кромки леса.

Через два дня на помощь по сдерживанию пожара высадили авиаотряд лесных десантников из Советского района с лопатами, топорами и пожарными рюкзаками. С другой стороны бора по грунтовой дороге на трале привезли бульдозер.

Пожару не дали пройти через противопожарные разрывы. А это значит, что спасли оленей от верной гибели. В бору остался ягель или, как его называют, олений мох, который позволит пережить суровую зиму оленям с соседних выжженных территорий и не даст исчезнуть промыслу потомственных оленеводов.

Перед отъездом Николая на помощь в тушении лесных пожаров через болото приехал гусеничный вездеход с работниками нефтяной компании. Вездеход остановился. Открылся люк. Мужчина с улыбкой на лице спросил: «А бабы здесь есть?» Сергей тут же ответил: «Ты зачем в лес приехал? Баб искать или пожар тушить?» В следующий момент весь вездеход задрожал от смеха и поехал дальше.

Николай и Сергей интуитивно решили проверить путь следования вездехода и обнаружили очаг возгорания ягеля площадью примерно 30 квадратных метров, который увеличивался с большой скоростью, времени на размышления не было.

В пикапе была одна целая лопата, у второй сломался черенок, и Сергей стал тушить пожар ногами. Пожар потушили, потом пришлось тушить резиновые сапоги. Позже вернулись к вездеходу и обрушились с гневом. Сергей закричал: «Кто кинул окурок?». В ответ посыпались робкие оправдания. Оказалось, что причиной пожара стала искра, попавшая на ягель из выхлопной системы гусеничного вездехода. После горе-помощники окопали выгоревшее место.

Возвращаясь домой по сухому болоту к нефтяному кусту, где ждала машина, Николай съел несколько ягод морошки. Морошка минувшим жарким летом поспела на месяц раньше. Да и воды на болоте было максимум по щиколотку. Непонятно, зачем в пожароопасный период приехали на гусеничном вездеходе?

По приезду домой Николай ещё долгое время думал, анализировал и пришёл к выводу, что, несмотря на все перегибы системы, российский народ всегда сплачивался в нужный момент и давал отпор внешним врагам и природной стихии.

Николай понимал, что необходимо восстановить прежнюю систему предупреждения лесных пожаров. Что тушением пожаров должны заниматься государственные специализированные службы и организации, а не коммерческие структуры. Нужно вернуть хозяина – лесника!

***

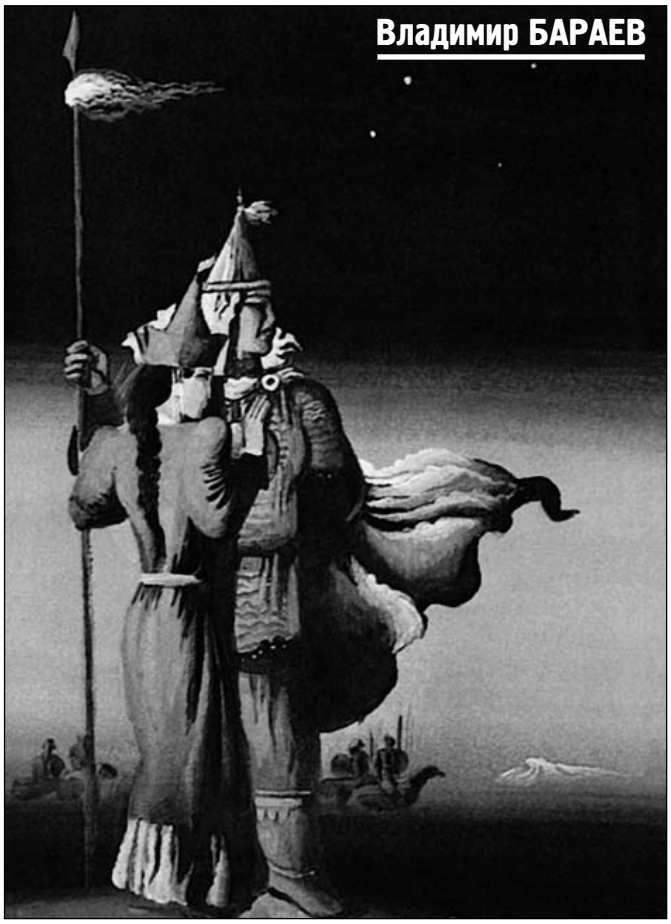
После первых двадцатиградусных морозов в середине ноября Николаю позвонил Сергей с востока. И рассказал, что местные жители называют его самым богатым во всей округе. На его территории пасутся более двухсот оленей. Соседи пригнали к нему своих оленей с уничтоженных огнём территорий.

Северная природа восстанавливается очень медленно, олений мох растёт до пяти миллиметров в год, а для полного восстановления пастбища требуется несколько десятилетий.

Ягельный бор протяжённостью несколько километров стал островом надежды на продолжение промысла их предков!

г. ХАНТЫ-МАНСИЙСК

***В конце 1940-х годов в СССР разразилась критика эпосов – татарского «Едигея», киргизского «Манаса», калмыцкого «Джангара», бурятского «Гэсэра» и др. На фоне Постановления ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград», борьбы с космополитизмом, генетикой, кибернетикой антиэпосная кампания стала оружием «смирения» советского народа, победившего в Великой Отечественной войне. О том, как проходила антиэпосная кампания в Бурят-Монголии, какие жертвы она принесла, рассказывает писатель* Владимир Бараев.**



Владимир БАРАЕВ

АНТИГЭСЭРИАДА

Летом 1946 года все газеты напечатали речь Жданова, а затем Постановление ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград». Осенью критика Ахматовой и Зощенко продолжалась в печати и по радио. Стихов Ахматовой я не знал, а повесть Зощенко «Перед восходом солнца» прочёл одиннадцатилетним в 1944-м. Она очень понравилась, и мне была непонятна её критика. По радио передавали речь Жданова, текст Постановления ЦК и выступления деятелей культуры, осуждавших Ахматову и Зощенко. Пытаясь понять причину ярости, я спросил об этом отца. А он велел мне не обращаться с таким вопросом ни к кому.

Хотел обратиться к Николаю Ивановичу Зугееву, секретарю Союза писателей Бурят-Монголии, но понял, что он скажет отцу о моих вопросах. И я не стал говорить с ним. В последнее время Николай Иванович был очень хмур, озабочен. Но острая боль от неправды, душившей истину, мучила меня. Между тем Зугеева и всех писателей беспокоила не только ждановская критика, но и другое дело. В июне 1946 года в «Правде» появилась статья А.Бальбурова «Плоды формального руководства». В ней подвергся критике первый секретарь обкома партии А.В. Куд-рявцев. Африкан Андреевич был земляком и другом Н.И. Зугеева и М.И. Шулукшина. Именно их и всех, кто занимался эпосом «Гэсэр», Кудрявцев обвинил в воспевании феодально-ханского прошлого. «Гэсэр» стал спасительной соломинкой для Кудрявцева. Незадолго до того в центральной печати прошли волны критики эпосов – татарского «Едигея», киргизского «Манаса», тюркского «Алпамыша», калмыцкого «Джангара». Что если посмотреть на «Гэсэра» под тем же углом? Тут Кудрявцеву помог молодой критик М. Хамаганов, обнаружив в «Гэсэре» воспевание шаманизма, а главное – антирусские настроения. Для этого он пошёл на подтасовку: чудовища-мангатхаи, против которых боролся Гэсэр, назвал русскими. По-бурятски русский – мангут. Но мифические герои не имели ничего общего с русскими, которые появились у Байкала веками позже мангатхаев. Хамаганов изложил дело так, будто Гэсэр сражался не с мифическими героями, а с русскими. Вызванный в Москву, Кудрявцев представил Г.М. Маленкову записку Хамаганова и заявил о раскрытии в республике панмонгольского сообщества. Ничего этого я тогда не знал. Совещания, обсуждения не освещались в печати, шла типичная для тех лет подковёрная борьба. Здесь стоит рассказать биографию Шулукшина.

Максим Ильич родился в 1913 году в Качугском районе Иркутской области. Его земляками были известный всей России археолог А.П. Окладников, ставший академиком, Героем Социалистического Труда, писатель Н.И. Зугеев, историк П.Т. Хаптаев. Каким чудом семнадцатилетний парень из тайги Шулукшин поступил в Московский планово-экономический инсти-

тут? Крещёные буряты Иркутской области с детства знали русский язык и легко поступали в столичные вузы. На последнем курсе Максим Шулукшин перевёлся в ИФЛИ – Московский институт философии, литературы и искусства. Здесь он овладел английским, немецким и монгольским языками, читал лекции по истории Монголии.

После окончания ИФЛИ беспартийный Шулукшин стал лектором Бурят-Монгольского обкома ВКП(б). В 1939 году его призвали в армию, где он вступил в партию. Но из-за дефицита кадров в обескровленной репрессиями республике его отозвали и назначили редактором «Бурят-Монгольской правды». В начале войны он добровольцем ушёл на фронт, но в 1943-м его снова отозвали и назначили заведующим отделом агитации и пропаганды обкома партии. Тридцатилетний молодой человек не важничал, излишней строгости не нагонял, разговаривал с людьми просто, чем завоевал авторитет. Его лекции пользовались успехом, и он стал одним из лучших агитпроповцев страны. Как видите, жизнь складывалась безоблачно.

Но тут первого секретаря обкома С.Д. Игнатьева, который пользовался в республике уважением, перевели на повышение в Москву, а на его место прислали А.В. Кудрявцева, выпускника ВПШ. На очередном пленуме обкома его избрали первым секретарём обкома. Ознакомившись с подчинёнными, Кудрявцев сразу выделил Шулукшина. Он держался со всеми на равных, чем завоевал уважение. И Кудрявцев, опасаясь яркого человека, выдворил его из обкома, назначив директором ГИЯЛИ – Государственного института языка, литературы и искусства. Помимо Шулукшина из обкома, горкомов, райкомов республики удалили всех мало-мальски независимых, видных людей. Жалобы полетели в Москву одна за другой. Дело закончилось публикацией в «Правде» статьи Бальбурова «Плоды формального руководства». После этого Кудрявцева вызвали на ковёр в ЦК.

В подъезде ЦК ВКП(б) он встретился с Шулукшиным, который шёл со встречи с секретарём ЦК Г.М. Маленковым. Поняв, чем это грозит, Кудрявцев, вернувшись в Улан-Удэ, поручил следователям разобраться с ГИЯЛИ. Не найдя криминала в научной деятельности института, проверяющие наскребли финансовые нарушения. Невзрачное помещение ГИЯЛИ находилось на втором этаже двухэтажного здания. Печное отопление не спасало от холода, и Шулукшин провёл паровое отопление. Сотрудники радовались теплу в кабинетах. Но дознаватели установили, что батареи «оплачены не так». Обвинения казались вздорными, и Шулукшин надеялся без труда доказать невиновность. Его успокаивал и министр финансов республики К.Д. Винтовкин, друг и земляк Шулукшина. Тот в шутку окрестил Капитона Дмитриевича Пистон Патронычем, и кличка прилипла к Винтовкину. Его жена, главбух ГИЯЛИ, тоже считала дело надуманным...

ДЯДЯ МАКС

Незадолго до суда Максим Ильич приехал к нам на Ильинку. Дело было в октябре 1946 года. Горы уже покрылись снегом. После нереста на Селенге на столе было много солёного и жареного омуля. У нас гостила тётя Миля, жена кузена моей матери Тихона Максимовича Тарантаева, военврача, который ещё служил в армии. Эмилия Михайловна родилась в Узбекистане. Большеглазая, пышноватая женщина походила на персианку из «Тысячи и одной ночи». Она происходила из бухарских евреев, веками живших в Средней Азии, была племянницей Семёна Чернецкого, главного военного дирижёра и композитора, чьи марши ежедневно звучали в годы войны. В тот вечер у нас были А.Т. Трубачеев и Н.А. Абыков, министры здравоохранения, бывший и нынешний. Все с удовольствием пили водку, ели арбин, кровяную колбасу, пироги с черёмухой. Тётя Миля понравилась дяде Максу. И он был в ударе – читал стихи, пел песни.

Когда все ушли, тётя Миля стала на кухне мыть посуду. Моя мама была на ночном дежурстве в санатории. На кухню зашёл дядя Макс. Очарованный им, я вошёл за ним. Не обращая на меня внимания, они говорили. Потом он пальцами коснулся её подбородка и прочёл:

От таких погибали люди,
За такой Чингиз послал посла.
И такая на кровавом блюде
Голову Крестителя несла...

Тётя Миля смутилась и ответила странной строфой:

Я не плачу, я не жалуюсь,
Мне счастливой не бывать.
Не целуй меня, усталую –
Смерть придёт поцеловать...

Эти стихи показались мне странными и страшными. Предчувствие смерти пульсировало в них. Как же я удивился, когда позже узнал, что обе строфы принадлежат Анне Ахматовой. Так Максим Ильич и Эмилия Михайловна, не называя великого имени, подняли его на щит, когда оно было под глубоким запретом. Читая стихи, тётя Миля раскраснелась, стала ещё красивее.

Далее дядя Макс читал Есенина «Шаганэ ты моя, Шаганэ!..», стихи Байрона на английском, Гейне на немецком. Последние стихи я узнал, так как уже понимал по-немецки, а кроме того, читал русский перевод в книге, которая была у нас дома.

К устам моим устами
Прильни, подруга, тесней,
Руками меня и ногами
И телом гибким обвей.

Прочитав, он спросил её по-немецки: «Verstehen Sie?» «Alles verstehe», – улыбнулась она. Тут, сам не зная почему, подал голос и я: «Ich verstehe auch» *(Я понял тоже).*

Как тетерева на току, они совершенно не слышали, не замечали ничего вокруг. Тётя Миля оглянулась в изумлении. Разве они не одни? Потом шепнула мне: «Вова, ступай, тебе пора спать». Я не хотел покидать уютную кухню, освещённую керосиновой лампой, так как электричество уже отключили, но пришлось. А дядя Макс положил руку на мою голову и улыбнулся. Отцовский жест немного утешил меня.

Позже я узнал, что он был женат, у него рос сын. Но на расстоянии лет не осуждаю его, тем более что это был один из последних счастливых дней в жизни дяди Макса.

В декабре 1946 года состоялся суд, и приговор оказался чудовищным – десять лет заключения. Не помогли хлопоты и доказательства «Пистон Патроныча», министра финансов Винтовкина, и других друзей. Всё решило телефонное право Кудрявцева. Дядю Макса отправили в Джидалаг, на границе с Монголией, в подземный рудник Холтосон. Здесь добывались молибден и вольфрам, из которого делалось более трети высоколегированной стали для брони советских танков.

Расправившись с главным врагом, Кудрявцев обвинил в буржуазном национализме Африкана Бальбурова, которого тут же сняли с поста собкора «Правды», писателей Намжила Балдано, Николая Зугеева, Семёна Метелицу (Соломона Ицковича), Дольена Мадасона, фольклористов Алексея Уланова, Сергея Балдаева, учёных Бимбу Цыбикова, Мархоза Хабаева, композитора Бау Ямпилова, актёра Гомбо Цыдынжапова и многих других. Фактически весь цвет бурятской интеллигенции пострадал в ту пору.

Всех их я знал лично. Семён Метелица, воспевая победу советско-монгольских войск на Халхин-Голе, написал стихи: «Кипели туманы у самого низа. Скакали в атаку потомки Чингиза». «Пусть вспомнят монголы Чингизову рать. Пусть вспомнят, как могут они воевать». За это его обвинили в воспевании Чингисхана.

Уволенные с работы стали бедствовать. Н.И. Зугеева и Б.Д. Цыбикова спасли их жёны Екатерина Александровна Мазурина и Вера Кузьминична Ильина, работавшие врачами. Это вызвало гнев Кудрявцева против медиков, и вскоре был снят с поста министра здравоохранения Н.А. Абыков. А бывшего первого наркома здравоохранения республики А.Т. Трубачеева, ставшего директором санатория на Кумыске, в 1948 году проводили на пенсию. Андрей Тимофеевич был из тех, кто не мог жить без работы, и через год умер. А секретарь обкома по пропаганде Б.С. Санжиев, учёный М.П. Хабаев, журналист А.А. Бальбуров спаслись, уехав за пределы республики.

«Когда я попал в этапную камеру в конце декабря 1946 года, – писал Шулукшин в дневнике, – я присутствовал на кошмарных, беспрерывных драках и грабежах... Если не ограбят, то обворуют, если не убьют, то искалечат... В Джидалаге он сумел поставить себя так, что его уважали не только политзеки, но и уголовники, которых было большинство. А он писал в разные инстанции о пересмотре дела. Эти письма отправлялись с самыми надёжными людьми. А сам он вёл подробный лагерный дневник. Полвека спустя его нашли и опубликовали, и я впервые узнал ответы на мои вопросы по Ахматовой и Зощенко.

«Установки, выраженные в докладе Жданова, – писал Шулукшин, – приведут к ещё большему стандартизированию художественной литературы, к ещё большей её унификации, сделают её совсем бесцветной, невыразительной, однообразной и скучной. Эти установки заставят писателя писать не так, как он хочет, как он видит действительность, каким видит мир вещей, а как ему велят». Он оказался прав. Наша литература тех лет пришла к теории и практике бесконфликтности. Волна серых произведений, вроде «Кавалера Золотой звезды» Бабаевского, захлестнула страницы журналов и прилавки книжных магазинов.

Далее ещё более резкие строки: «Умный жестокий азиат Сталин прекрасно понял, что социализм в нашей стране построить невозможно... Государственный переворот 1937–38 годов стал необходим, чтобы окончательно освободиться от ленинской гвардии, которая помешала бы ему проводить собственную политику... Сейчас Сталину нужны будут кандалы как массовое явление... Вся страна в колючей проволоке. Мы не страна свободы, демократии, а страна жестокой диктатуры...» 26 июня 1947 года Шулукшин заявил в лагере: «У нас сейчас не социализм. Когда я буду вторым Чингисханом, даже тогда в глубине души буду коммунистом... Народы Востока живут под эгидой белых. Я вижу, что белые всё больше ставят над миром своё белое «я»... А раз так, я принципиально буду действовать в противовес как панмонголист...»

Ничего себе заявочка! Герцен писал о Чингисхане с телеграфом, а Шулукшин – о Чингисхане с партбилетом. Слова о Сталине, Жданове, Чингисхане, панмонголизме тут же дошли до Кудрявцева. Представляю, как он потирал руки от удовольствия, составляя очередную реляцию в Москву: «Вот видите, я был прав, говоря о заговоре панмонголистов». Как же дядя Макс огорчил меня. Почему

он, зная лагерные реалии, доверялся «надёжным людям», которые с потрохами выдавали его?

В мае 1948 года Бурят-Монгольский обком партии провёл новое совещание по эпосу «Гэсэр». М.Хамаганов повторил слова о мангатхаях, о Гэсэре – прообразе Чингисхана. Его поддержали секретарь горкома партии А.Белоусов, завкафедрой пединститута В.Тюшев. Однако Кудрявцев потребовал признания ошибок от ближайших соратников Шулукшина – писателя Н.Балдано, директора ГИЯЛИ Г.Бельгаева, бывшего учёного секретаря ГИЯЛИ Н. Зугеева. Им пришлось сказать некие слова оправдания.

Хорошо зная Николая Дудуевича Зугеева, хочу рассказать о нём подробнее. В юности Зугеев выступал так ярко, что друзья стали называть его Николаем Ивановичем, в честь Н.И. Бухарина, который был блистательным оратором. Когда Бухарина расстреляли, Зугеев не стал менять отчества, – скрытый протест против репрессий! После увольнения из ГИЯЛИ Зугеев, став секретарём Союза писателей Бурят-Монголии, поехал на пленум Союза писателей СССР. В Москве он встречался с писателями, учёными, рассказывая в редакциях газет о перегибах в Антигэсэриаде. Узнав об этом, Кудрявцев тут же снял Зугеева с поста секретаря Союза писателей и приказал вернуться в Улан-Удэ. Однако Зугеев продолжил хождения по редакциям. И 3 июля 1948 года в газете «Советское искусство» вышла статья А.Кердода, где «Гэсэр» характеризовался как шедевр народного творчества. А газета ЦК ВКП(б) «Культура и жизнь» выступила против того, что эпосы «Джангар» и «Гэсэр» воспевают Чингисхана.

Летом 1948 года прошли торжества в честь 25-летия Бурят-Монголии. Волны репрессий ненадолго сменились волнами наград и грамот. Тысячи удостоили высоких званий, орденов и медалей. Ильинский санаторий «Красная лилия» переименовали в санаторий имени 25-летия БМАССР. Так поэтическое название заменили жутким канцелярским. Ни врачам, ни медсёстрам, ни директору лучшего санатория наград не досталось. Кудрявцев, зная, как хорошо лечат здесь, знал и о том, что Шулукшин приезжал сюда и находил в нашем доме горячий приём. Система стукачей отрабатывала свой хлеб хорошо.

Осенью 1948 года я приехал из города и застал отца заплаканным. Никогда не видев его таким, я был потрясён. Отец сжёг при мне какое-то письмо, стряхнул пепел в печь и сказал, что расстроен тем, что никого из санатория не наградили медалями. На самом деле дело было не в наградах, хотя и в них тоже, а в том, что 16 октября 1948 года вторичный суд после жестоких допросов в Улан-Удэнской тюрьме обвинил Шулукшина в антисоветской пропаганде и осудил по статье 58-10 к десяти годам лишения свободы.

ЛЕГЕНДЫ О ШУЛУКШИНЕ

На заседаниях вторичного суда те, кого допустили, с трудом узнали Шулукшина. Измождённый, похудевший, он был тенью прежнего человека. Его измотали очные ставки со свидетелями и доносчиками, многомесячные ночные допросы, после которых ему не давали спать. Но он умело и стойко защищал себя. Ровно через год после второго суда, в октябре 1949 года, Шулукшин по указанию Кудрявцева был переведён в один из лагерей Иркутской области. Его повезли в пассажирском поезде. Сопровождающий конвоир был необычно добр. На станции Черемхово он предложил пойти в привокзальный ресторан. Шулукшин с удовольствием пил пиво, которого не пробовал три года, рассказывал анекдоты, конвоир от души смеялся. Затем он разрешил Шулукшину выйти в уборную на улицу, а сам последовал за ним. В шуме проходящего поезда никто не услышал выстрела. Когда из уборной стали выволакивать окровавленного человека, один из земляков, узнав Шулукшина, бросился на помощь, но, получив удар рукояткой пистолета, потерял сознание. В это время конвоиры забросили труп в кузов заранее подогнанного грузовика и повезли в сторону Ангарлага.

Эпизод с убийством Шулукшина дошёл до Н.И. Зугеева, который рассказал мне всё. Я написал об этом в газете «Бурятия» 29 июня 1995 года, в день открытия празднования 1000-летия эпоса, в статье «Кровь на знамени Гэсэра». Каково же было моё удивление, когда после публикации мне позвонила дочь конвоира, который этапировал Шулукшина и сдал его невредимым в Тайшетлаг. Её пожилой отец в то время находился на Байкале, встретиться с ним я не смог, так как улетал в Москву.

Муж моей кузины Галины Алексей Норбоев сказал, что его отец служил в Тайшетлаге в то время, когда оттуда бежал Шулукшин. Отец рассказал, что Максим Ильич бежал с двумя русскими, латышом, эстонцем, литовцем. Эту интербригаду возглавил бурят Шулукшин. Разъезжая по таёжным посёлкам, он читал лекции по международному положению, а его спутники пели песни, читали стихи! Забытые богом таёжники были довольны агитбригадой,

писали в Иркутск благодарственные отзывы, кормили, поили Шулукшина и его спутников, доставляли в соседние посёлки. Беглецы пробирались на запад от Тайшета, чтобы оттуда уехать в центр страны. Тогда в тех местах не было телефонов, но вести о необычной агитбригаде дошли до Иркутска. Поняв, что это группа Шулукшина, руководство выслало спецотряд с заданием не брать в плен, а «расстрелять как бешеных собак». Всё это достойно фильма «Последний бой Максима Шулукшина». Почему-то уверен, что он не отворачивался от пуль и с презрением смотрел смерти в лицо...

В 2005 году в Улан-Удэ вышла книга Бориса Базарова «Дело Максима Шулукшина». Её открывает фотография молодого человека в светлой фетровой шляпе. Ослепительная улыбка, ровный ряд зубов, которые во время допросов были выбиты. Тут Максиму Ильичу лет тридцать, а убит в 36. И всё же дядя Макс не похож на того, каким я видел его на Ильинке.

Б.Базаров писал о трениях между восточными и западными бурятами. Так, Шулукшин характеризовал поэта Цыдена Галсанова как «человека восточно-бурятского улусного мировоззрения», к тому же крайнего националиста, ненавидевшего не только русских, но и бурят из западных аймаков. Он заявлял, что иркутские буряты – изменники нации, продавшиеся русским, не знающие родного языка. Мнение о том, что «западные буряты продались русским», бытует и сейчас. Доказательством этого восточные буряты считали то, что иркутские буряты приняли крещение, забыли родной язык, стали учиться в вузах Иркутска, Томска, Москвы, Петербурга. Обрусев, они «перестали быть настоящими бурятами». Первыми секретарями обкома и другими руководителями республики после Кудрявцева назначались только западные буряты – А.Хахалов, В.Филиппов, А.Модогоев, Н.Пивоваров, Д.Болсохоев. В ЦК ВКП(б) крещёных бурят считали ближе к русской культуре и потому опирались на них. Шулукшин считал необходимым условием расцвета наций только под знаменем социализма, в дружной семье народов Советского Союза.

Однажды Шулукшин с восторгом прочёл за колючей проволокой Джидалага Александра Блока: «Да! Скифы мы. Да! Азиаты мы с раскосыми и жадными очами». Потом прочитал Мережковского «Сакья-Муни» и сказал, что надо бы создать в СССР Союзную Монголо-Бурятскую республику, поскольку автономия ограничивает её права. В эту республику он хотел включить Монголию, Бурятию и коренных жителей Иркутской, Читинской областей и калмыков. Считая калмыков значительной ветвью монголов, он назвал их живым памятником великих походов Чингисхана, Батыя. «А при Советской власти их просто стёрли с лица земли, выселив и развеяв. И нет больше народа, создавшего замечательный эпос «Джангар»...

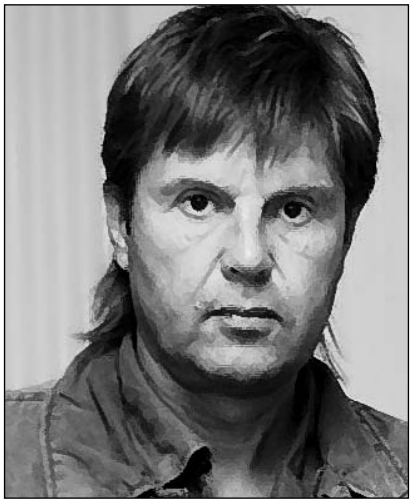
Всё это было мгновенно зафиксировано очередным доносом. О, Тенгри! Ну, как можно так терять чувство опасности! Горечь и боль охватили меня, когда я дочитал книгу Б. Базарова. Спасибо ему за попытку прояснить, разобраться в страшных перипетиях давней истории, но жаль, что он не показал окончательной развязки. Нет протоколов о гибели Шулукшина. Ни слова – о жене и сыне Шулукшина, которым пришлось бежать в Украину и там, на родине матери, спастись от репрессий Кудрявцева. А ведь сын приезжал в Улан-Удэ на 80-летие отца в 2003 году. Встречался с соратниками отца, которых в ту пору, увы, осталось мало. Борис Ванданович завершает свою книгу словами: «Его жизнь и дело заслуживают почтения потомков, а настоящий очерк – это лишь незавершённый портрет, который положит начало новых исследований».

Итоги антигэсэриады зловещи – погиб Шулукшин, сломаны жизни сотен учёных, писателей, деятелей искусств. Кудрявцев вернул роковые тридцатые годы. Он посеял страх, неверие в силу правды. Лишь единицы оправились от потрясений. Стали народными писателями Бурятии Африкан Бальбуров, Намжил Балдано. Защитил докторскую диссертацию фольклорист Лазарь Элиасов. Алексей Уланов и Надежда Шаракшинова продолжили свои изыскания по Гэсэру. Николай Зугеев написал книгу о В.Борсоеве, после чего тому посмертно присвоили звание Героя Советского Союза.

Печальной оказалась судьба Кудрявцева. Став секретарём горкома на Урале, он своей работой довёл заводы до забастовок. Его отстранили от должности, и он стал начальником военизированной охраны завода. Тогда же его постигло горе – сошла с ума старшая дочь Татьяна. Узнав об этом, Николай Иванович Зугеев горько усмехнулся: «Духи наших предков не простили злодеяний Кудрявцева в Бурятии».

История с Шулукшиным напрямую задела нашу семью. Из-за дружбы с ним отец лишился не только наград, но и перспектив дальнейшего роста. Его хотели послать в Высшую партийную школу, учёба в которой гарантировала высокие посты. Но дружба с Шулукшиным и его друзьями поставила крест на карьере отца. Он и позже не переставал дружить с Барьядаевым, Болхосоевым, Пивоваровым, в разное время снятыми с высоких постов. Даже после того отец приглашал их к себе, и они часто приезжали на Ильинку. И за эту верность друзьям я горжусь своим отцом.

Художник Р. ХАЛИЛОВ



Константин ОДЕГОВ –

Вячеслав ОГРЫЗКО

Константин Одегов *пока известен в основном по экранизациям двух книг Юрия Полякова: «Небо падших» и «Парижская любовь Кости Гуманкова». Другой его фильм – «Распутин – Новый. Без покрова» зрители ещё не видели. Хотя на всех кино- и телефестивалях самые шумные споры разгораются как раз только вокруг этой картины. Одиннадцатый Всероссийский фестиваль телепрограмм «Белые пятна истории Сибири», состоявшийся в конце октября этого года в Тюмени, исключением не оказался. Однако вот парадокс: ни одной премии этой ленте до сих пор не дали. Одни считают, что из-за зависти. Другие полагают, что просто высокому начальству не понравилась концепция режиссёра.*

РАССЧИТЫВАТЬ МОЖНО ТОЛЬКО НА СЕБЯ,

или Почему закулисье нашего кино напоминает мордобой в американском хоккее

– Константин, вы впервые обратились к фигуре Распутина?

– Нет. Первая попытка случилась четверть века назад. Но её лучше не вспоминать. Я тогда столько ошибок сотворил.

– Что-то не так сняли?

– Если бы. Я, по сути, оболгал великого человека. Ведь как всё случилось? Я до этого десять лет профессионально играл в хоккей (в основном за команду второго эшелона «Рубин») и мечтал в перспективе перейти на тренерскую работу. Но у меня появились другие планы, не связанные со спортом. Я окончил отделение журналистики Тюменского университета, попал на студию телевидения к Туринцеву и вскоре получил задание сделать какой-то сюжет о Тобольске. Но по дороге в Тобольск я ни с того ни с сего попросил шофёра завернуть в Покровск. А там мне встретилась девяностолетняя бабушка Анфиса Моторина, которая ещё помнила Распутина. Я тут же снял на камеру её большое интервью и потом на основе этой беседы сделал пятнадцатиминутный фильм. Но тогда моя трактовка образа Распутина мало чем отличалась от романа Пикуля «У последней черты» и фильма Климова «Агония». Кстати, начальству моя дебютная работа тогда очень понравилась, и её не раз показывали по тюменскому телевидению.

– Что дальше произошло? Вы не прижились на телевидении?

– Нет, просто появились новые искушения.

– Какие?

– В девяносто пятом году у меня после девятилетнего перерыва появилась возмож-

ность не просто вернуться в хоккей, но поиграть за океаном, на Аляске. Если до этого работа в Америке воспринималась как нереальная мечта, то вдруг всё разом изменилось. Пожалуйста, вот контракт, деньги, машина... Мне, конечно, было интересно увидеть Америку изнутри. Я уезжал, полный надежд. Но сказка продолжалась недолго. Если в Советском Союзе культивировалась школа Тарасова, которая была нацелена не только на высокие результаты, но и на красоту игры, и, кроме того, предполагала соблюдение определённых этических правил, то в Америке на хоккейной площадке никакая мораль не приветствовалась. Там ставка делалась исключительно на мордобой. Каждая игра – это драка. Я слабаком себя никогда не ощущал, драк не пугался, если надо, я тоже могу всем накостылять, но дальше-то что...

Короче, я стал тосковать по родине. Америка оказалась не для меня. И уже через год я вернулся в Тюмень.

– Вернулись со славой и с деньгами?

– Насчёт славы не знаю, но денег я действительно заработал в Америке немало.

– И как вы ими распорядились?

– Мне захотелось продолжить заниматься кино. Но какое-то дерьмо снимать я не собирался. А тут всё решил случай. Вдруг жена привезла из командировки книгу Юрия Полякова «Небо падших». Я прочитал и ахнул, насколько верно Поляков уловил суть новой эпохи. Именно так и продавалась в наше время любовь.

Дальше жена нашла телефоны Полякова. Тут выяснилось, что вообще-то «Небо падших» поначалу хотел экранизировать Снежкин. Но Снежкин затянул время, и договор остался неподписанным. Я понял, что у меня появился шанс.

Естественно, Поляков с ответом не спешил. Он ведь тогда ещё не знал, на что я способен. Первым делом он поинтересовался, что у меня есть. Я дал ему кассеты с моим фильмом о Косте Цзю. Кажется, Полякову он понравился. Затем возник вопрос о деньгах. Рассчитывать на какого-то дядю было бесполезно. Я сказал, что у меня есть 50 тысяч долларов, и тут же из них восемь отдал в качестве гонорара Полякову (за право экранизации). Ну а потом начались съёмки. Фильм я назвал «Игра на вылет».

– И что – весь бюджет картины «Игра на вылет» обошёлся в 50 тысяч долларов? Не верю.

– Это ваше дело: верить или не верить. Я рассказываю лишь о том, как всё происходило.

В этой картине я выступил сразу в нескольких качествах: как продюсер, сценарист, режиссёр и исполнитель главной роли.

Правда, мир оказался не без добрых людей. Руководитель телекомпании «Регион-Тюмень» Анатолий Омельчук бесплатно мне дал оборудование. А когда фильм был уже готов, другой хороший человек – Павел Митрофанов – выделил 70 тысяч на то,

чтобы перевести картину на плёнку.

– Фильм «Игра на вылет» принёс вам первую шумную известность. Не потому ли вы решили продолжить сотрудничество с Поляковым?

– Не только поэтому. Мне ещё нравился у Полякова роман «Козлёнок в молоке». Но по нему фильм уже снял Кирилл Мозгалевский. Поляков предлагал мне взяться за «Демгородок». Но я считал, что эта повесть не для экранизации. В итоге мы остановились на «Парижской любви...», хотя, насколько я знаю, поначалу эту книгу собирался экранизировать Михаил Задорнов.

– Поляков ставил вам условия?

– За горло он не брал, но в начале работы сделал небольшую оговорку: мол, хорошо бы мне в главной роли на этот раз не сниматься.

– У него были другие кандидаты?

– Варианты были разные. В какой-то момент на главную роль рассматривался Хабенский. Но он как-то странно себя повёл. Помню его первое появление. Хабенский сразу попросил рассказать, где в фильме будет любовь. Я поинтересовался, каким временем он располагает. Пятнадцать минут. А как за пятнадцать минут рассказать весь фильм? Ясно, что сценарий он не читал. А тогда зачем было приходить на переговоры?

Потом возникла кандидатура Евгения Миронова. Но я отказался от этого варианта. И не только из-за денег. Миронов был согласен сняться и за относительно небольшие деньги (за три тысячи долларов за каждый съёмочный день, а у нас планировалось 30 съёмочных дней). Миронов поставил условие отдать одну из ролей также Астахову. А мне это не понравилось.

Так что я Полякова не послушал и на главную роль вновь предложил себя.

– На «Парижскую любовь...» деньги найти было легче, чем на «Игру на вылет»?

– Ещё трудней. Я надеялся на Митрофанова. Но ему эта повесть Полякова, как я понял, не понравилась. Первоначальный взнос сделал другой заместитель Собянина (Собянин в ту пору был губернатором Тюменской области) – Олег Чемезов.

– Если не секрет, сколько?

– Триста тысяч долларов. Причём наличными. И я тут же помчался в Москву. Сейчас бы я, конечно, такой глупости не сделал.

– Не взяли бы деньги?

– Не поехал бы в Москву с такими деньгами. А если б кто-то проговорился? Бандиты бы не дрогнули.

– Вам хватило триста тысяч?

– Смеётесь. Во-первых, восемь я сразу в качестве гонорара отдал Полякову. Дальше надо было определиться с оператором, кормить съёмочную группу, везти сразу двенадцать человек на съёмки в Париж... Первый оператор не потянул. Я выдал ему аванс 5 тысяч долларов, но он первые же съёмки запорол, а аванс, разумеется, не вернул. В общем, денег хватило только на Париж. (Кстати, в Лувре нам снимать так и не разрешили, пришлось работать в музее Родена.) А потом понадобились деньги на продвижение. Я обратился к Митрофанову. Он дал сто тысяч, но уже под проценты.

– Почему «Парижскую любовь...» до сих пор не показали ни по первому федеральному телеканалу, ни по второму? Кажется, её только один раз пропустили через канал «Культура».

– В 2005 году я должен был подписать контракт с «ЦПШ» на производство трёхсот копий моего фильма. Но в последний момент всё сорвалось. Мне предложили 60 тысяч долларов за прокат моей картины по стране. Это было несерьёзно. Этих денег мне не хватило бы даже на то, чтобы рассчитаться с долгами. Правда, мне за эти 60 тысяч пообещали устроить демонстрацию фильма на всех телеканалах. Но я сказал, что с телеканалами сам всё улажу. В ответ мне язвительно пожелали: в добрый путь.

– А что на телеканалах случилось?

– Сначала меня все обнадёжили. На Первом канале одна девушка даже пообещала заключить контракт. Оставалось дождаться возвращения из командировки шефа этой девушки – кинопродюсера Максимова. Но Максимов мою картину не принял. Потом мне отказали на НТВ. Затем мне помахали ручкой и на других телеканалах.

Позже на меня вышел один бизнесмен и предложил 150 тысяч долларов за право продавать DVD с моим фильмом. Я по дурости отказался, боясь совсем потерять телевидение.

– На канале «Культура» за показ фильма с вас тоже потребовали «откат»?

– Оставим эту историю без комментариев.

– Пока решался вопрос с прокатом «Парижской любви...», вы больше ничего не снимали?

– Почему же, я без дела не сидел. Один автор предложил мне вместе с ним поработать над комедией. Мы вместе написали сценарий и уже собирались запуститься на «Мосфильме», но Всевышний спас меня от этого.

– Вы не любите комедию?

– Дело не в жанре, а в идее. А захватившую меня идею я после Полякова нашёл лишь у нашего тюменца Сергея Козлова. Мне очень понравилась его повесть «Мальчик без шпаги», и я решил снять по ней фильм «Наследники».

– Ну хоть теперь-то не было проблем с деньгами?

– Если б. Пришлось взять кредиты. До сих пор расплачиваюсь.

– Неужели местные власти не помогли? Ведь тот же Козлов – не последний человек в Югре и Тюмени.

– О чём вы говорите. Я некоторые сцены для этого фильма планировал снять в Увате и заранее договорился о поддержке с главой района. Но по приезде в Уват глава района признался, что ему звонил новый губернатор Якушев и будто бы запретил мне помогать. Хоть собирайся назад. Потом глава сжалился и предложил следующий вариант: поселить съёмочную группу в долг, но не в гостинице, а на какой-то лыжной базе. А мы ведь ещё с ним договаривались о вертолёте. В общем, мы долго думали над тем, как всё обставить так, чтобы никто ничего не донёс губернатору.

– Теперь-то я понимаю, почему на фестивале «Белые пятна истории Сибири» член жюри руководитель информационного департамента Тюменской области отвёл ваш фильм о Распутине под предлогом, что вы человек страстный, но не умеете правильно расставлять акценты.

– Лучше б этот чиновник помолчал. Я ведь к нему в своё время ходил, просил деньги на фильм «Наследники». Мне тогда сказали, что я делаю очень нужное дело, но якобы не по его ведомству. Мол, у него есть деньги на газеты и на телевидение, а по какой статье провести фильмы, он якобы не знает.

– И вы поверили ему? Ведь он отвечает не за СМИ, а за информационную политику. А ваши фильмы могли бы прекрасно поработать и на создание позитивного имиджа Тюменской области.

– Конечно, я ему не поверил. А вообще у нас народ так не рассуждает. Народу в Тюмени интересно другое: на какие деньги наши чиновники покупают себе дорогущие квартиры в элитных домах и загородные коттеджи. Что – на свою зарплату? Вот о чём все хотят спросить этого руководителя информационной политики. Откуда деньги, ведь он бизнесом вроде бы не занимался. Ответа нет. Так что о чём мы с вами после этого говорим?!

– Ну, мне трудно судить, на какие шиши построились тюменские чиновники (знаю только, что один их коллега из Ханты-Мансийска, отвечавший в 90-е годы прошлого столетия за информационную политику в Югорском крае, выстроил себе под Тюменью коттедж за «откаты» с договоров с разовых мелованных информлистков, печатавшихся в Москве). А вот информпродукт под их началом выходит в Тюмени явно некачественный. Если раньше, когда губернией правил Рокецкий (кстати, он тоже был не подарок), тюменская пресса отличалась и смелостью, и аргументированностью, то теперь тюменские газеты читать нельзя: одно подобострастие, желание выслужиться перед местными властями. Аж тошно.

– Вот вы сами и ответили на вопрос, почему местные власти не дали денег на мои фильмы. Дал только один бизнесмен, но под высокие проценты. Я давно понял, что в нашем деле можно рассчитывать только на себя, только на собственные силы.

– А коллеги?

– Ну о чём вы говорите. Помню, когда я в Москве доделывал фильм «Наследники», у меня закончились последние деньги. Пообедать даже было не на что. И мой монтажёр посоветовала обратиться к Бурляеву. Ну и что я услышал? Бог поможет. Отсюда я делаю вывод: свои первые же тебя затопчут.

– Вы не сгущаете краски, ведь те же «Наследники» уже поучаствовали в нескольких отечественных международных фестивалях?

– Вы думаете, что на наших отечественных фестивалях можно добиться справедливости? Как правило, всё заранее решено, кому и что дать. Мы живём в циничное время. Организаторы даже не скрывают: надо обязательно отметить Говорухина, потому что он заседает в Госдуме. Надо не забыть Хотиненко. А ещё есть многочисленные родственники Михалкова. А как быть с Бурляевым? И все молчат, что «1612» и «Поп» Хотиненко – это не кино. Никто не говорит, что «Остров» Лунгина – это неправда.

– На международных фестивалях та же ситуация?

– Там больше непредсказуемости. Так наши всё равно всю правду до народа не донесут. Вот мои «Наследники» были отобраны из 30 картин на престижный Шанхайский фестиваль. Да, все знают, что Китай – самый перспективный для нашего кино рынок. Потенциальная аудитория кинозрителей там оценивается в миллиард человек. Поэтому за эту аудиторию идёт острейшая борьба. Не случайно и Первый канал, и канал «Россия» посвятили последнему Шанхайскому фестивалю десятиминутные репортажи. Но ни в одном репортаже мой фильм, демонстрировавшийся в Шанхае и получивший много восторженных откликов, даже не упомянули. Почему? Видимо, кого-то не устраивает честная конкуренция. О чём после этого можно говорить?

– Так может, ваш реабилитационный фильм о Распутине переломит ситуацию?

– Хотелось бы. Но вряд ли получится. Понимаете, я ведь в нём полностью отказался от прежних оценок. Сейчас для меня Распутин – национальный герой и народный заступник.

– Простите, но как ваши оценки согласуются с мнением церкви? Я в 2008 году встречался в Тобольске с архиепископом Димитрием, который заявил, что наша церковь никогда не пойдёт на канонизацию Распутина.

– Я бы не хотел, чтобы мнение одного архиепископа воспринималось как мнение всей Церкви. Я, когда задумал новый фильм о Распутине, был на Афоне и разговаривал с отцом Нифонтом и отцом Зосимой, и они оба поддержали меня в стремлении реабилитировать Распутина. Нифонт прямо сказал, что Григорий Ефимович – это святой человек.

Я очень долго собирал материалы, читал историков, работал в архивах и убедился в том, что Распутин был оболган ещё при своей жизни. Да и сейчас его образ сильно искажён. А что будет потом, когда начнём пожинать плоды тестового образования?

Для меня проблема состояла в том, как подать собранные материалы. Можно было использовать закадровый текст. Но проняли ли бы озвученные факты зрителя? Не продолжал ли бы он вспоминать игру Климова? В общем, надо было приглашать актёра. Но кого? Я изначально видел в этой роли только Владимира Толоконникова. А он так не вовремя сломал бедро и слёг. Тем не менее я ему позвонил.

Толоконников был удивлён моему обращению. «Ты понимаешь, за что ты взялся?» – спросил он. «Понимаю». В общем, я послал ему в Алма-Ату сценарий. И через несколько дней звонок: встречай.

Толоконников играл, сидя в коляске. Я считаю, что он со своей ролью справился блестяще.

– Вы будете продолжать работу с Сергеем Козловым?

– Хотелось бы. Но пока то, что Козлов давал мне почитать из его новой вещи, меня не потрясло.

– Я тоже с интересом отношусь к творчеству Сергея Козлова. Хорошо помню первые его рассказы, которые он присылал в газету «Литературная Россия» ещё в середине 90-х годов из крошечного таёжного посёлка Горноправдинск. Но зачем он лезет теперь в политику? Как бы его не сломали. Прецеденты уже были. Пример тому – история с Александром Игумновым из другого маленького югорского городка Советский. Какие у него были потрясающие рассказы об афганской войне! И чем всё закончилось? Игрой в политику. А какую цену Игумнов за это заплатил? Его ведь дважды соратники с лёгкостью сдавали и даже однажды упрятали в тюрьму. Но, похоже, жизнь Сашу ничему не научила. Он вновь рвётся в политику, а литература побоку. Я боюсь, что как бы не заигрался и Козлов. Уже пошли слухи, будто он стал правой рукой губернатора Югры Комаровой, за что ему якобы помогли избраться в Тюменскую областную думу. Но как можно прославлять Комарову, если при ней в Ханты-Мансийске у писателей забрали замечательное трёхэтажное здание Дома писателей, отдав особняк миграционной службе, при ней перестали издавать хантыйских литераторов, при ней в департаменте информации сделана ставка на мальчиков и девочек из Екатеринбурга и Иркутска, которые не знают, чем ханты отличаются от манси, и при ней никак не установят, кому принадлежат права на снятый по роману Еремея Айпина фильм? Я этого не понимаю.

– Наверное, вы правы. Ведь что сейчас всех волнует в стране? Коррупция. Потеря духовных ориентиров. Превращение православной страны в общество всеобщего потребления. Тестовое образование. Я хотел бы, чтобы Сергей Козлов оказался богатырём и решил все эти проблемы. Но кто ему позволит? Поэтому я тоже беспокоюсь о том, как бы политика Сергея не сгубила. Ему надо хорошие книги писать, а не в этой думе заседать.

– Какая теперь у вас мечта?

– Я хочу рассказать историю своей бабушки. Она была у нас очень набожной, и родители долго этого стеснялись. Они в своё время учились в Омске. Своего жилья у них, естественно, не было, а в общежитии места для всех не хватало, и меня поначалу укладывали спать не в детскую кроватку, а в чемодан. Бабушка, когда первый раз увидела меня в чемодане, всплеснула руками и запричитала. А потом у меня обнаружили костный туберкулёз и отвезли в Ишимский санаторий. Бабушка очень сильно переживала за меня и постоянно молилась, а я, дурак, отпускал по этому поводу нелепые шуточки: мол, вот Гагарин к твоему богу полетел.

Вообще, в этом Ишиме мне было очень тяжело. Я, как и все дети, хотел бегать, играть, а врачи уложили в гипс и не разрешали даже двигаться без особой нужды. Мы, естественно, пытались докторов обмануть. Так они что придумали? С нас сняли трусы. Расчёт был на то, что мы постесняемся в присутствии девочек бегать без трусов и будем лежать в неподвижном состоянии. Выручила бабушка. Когда она в очередной раз спросила, что привезти, я, не вдаваясь в подробности, попросил трусы. Да, да. А что было мне делать?!

Пока у меня получается киноповесть о бабушке. О съёмках я ещё не думал.

– Удачи вам, Константин.

ТЮМЕНЬ – МОСКВА

Константин ОДЕГОВ

Я ЗНАЮ, ЧТО ТЫ ЕСТЬ!

– Господи Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй мя, грешную, – едва слышала свой собственный голос ещё сохранившая красоту, но уже уставшая от груза пережитого женщина.

Феоктиста Матвеевна Бесперстова прожила нелёгкую, наполненную бесконечными хозяйственными заботами и тяжёлым физическим трудом жизнь. Для тех, кто родился в России в начале XX века, да ещё в Сибири, иной судьбы было просто не уготовано. Воспитать двоих сыновей и дочь рано овдовевшей молодой женщине мог помочь только Господь, в которого баба Феша свято верила с малолетства. Однако говорить об этом теперь было бессмысленно. В конце 50-х годов даже в её далёком глухоманном Сургуте мало кто сомневался, что человек произошёл от обезьяны.

Вот и сейчас Феоктиста Матвеевна смущенно поднималась с колен, второпях прикрывая икону Спасителя. Слегка прихрамывая, она спешила встретить уже вбегающего в избу студента ветеринарного техникума Ваську, подрабатывавшего в летнее время почтальоном.

– Феоктиста Матвеевна, Вам телеграмма. Петь или плясать будете? – с порога протрубил вместо приветствия представитель передовой советской молодежи.

– Васёк, я лучше помолюсь за тебя, – остудила задорный комсомольский порыв пожилая женщина.

– Да, бросьте Вы, XX век на дворе. Мы скоро в космос полетим...

– Читай телеграмму-то.

Василий мгновенно, уже привычным движением развернул послание.

«Срочно приезжай тчк Родился сын тчк Вес 6 кг тчк Тамара тчк».

– Молитесь, Феоктиста Матвеевна. Какого внука Вам Бог послал! – неожиданно для самого себя вырвалось у комсомольца Василия.

***

Внучок царственно возлегал в фибровом чемодане, стоявшем на столе в небольшой комнатушке студенческого общежития. Счастливые родители умилялись богатырским телосложением полугодовалого на вид новорождённого. Плод их неожиданно вырвавшейся на свет неудержимой любви, помимо небывалого для младенца размера, удивлял ещё и поразительным спокойствием. Молодые нетерпеливо ждали восторга новоиспечённой бабушки, словно оценки преподавателя после блестящего ответа на очередном экзамене.

– Господи, как же ты его родила? – каверзным дополнительным вопросом экзаменатора, подозревающего студентов в использовании шпаргалки, выразила своё первое впечатление Феоктиста Матвеевна. При этом она почему-то обращалась к отцу ребёнка. Явно не готовый не только к вопросу на засыпку, но и к обязанностям главы семьи, студент третьего курса Володя Попов растерянным взглядом переадресовал вопрос своей хрупкой жене, уже заканчивающей учёбу в вузе. Тамара же, смущённо улыбаясь, успела только развести руками, в то время как здоровячок, неподвижно лежавший в своей кроватке-чемодане, невольно поддержал родителей, громко, почти по-взрослому пукнув.

Опростался, поди, – с улыбкой предположила Феоктиста Матвеевна, ловко подхватив малыша на руки, – да так много...

– И часто, – будто жалуясь на сына, устало согласился Володя.

– Теперь кушать попросит, – покраснев, забеспокоилась молодая мама.

– Настоящий мужик! – подытожила бабушка.

***

Соседи по общежитию сгорали от любопытства. Новость о появлении маленького члена большой дружной студенческой семьи быстро облетела все комнаты. По коридору к дверям молодых родителей направлялась очередная делегация студентов, то ли сочувствующих, то ли радующихся за своих друзей.

– Томка счастливая, теперь останется здесь. Аспирантуру закончит, пока Володя доучивается, – тараторила, переходя с шага на спортивную ходьбу, комсомольская активистка Нинка Лейбина.

– Какая ей теперь аспирантура! За ребёнком бы поспеть, – угрюмо возразил Колька Дятлов с пожизненным прозвищем Дятел.

– Тамара справится. Она всегда круглой отличницей была. Не зря же им комнату выделили, – поддержала свою подругу Оля Смирнова.

Остальные молча обдумывали эти аргументы, мечтая избежать такое счастье хотя бы на время учёбы. Так сходу вся компания без стука ввалилась в комнату молодых. Увидев бабулю, вошедшие первыми пытались было остановиться, но, не выдержав натиска сзади, всё же продвинулись вперёд на пару неловких шагов. Тамара уже кормила малыша, крепко уцепившегося ручонками в её грудь.

– Извините, мы думали, то есть хотели... мы, – за всех пыталась оправдать столь внезапное вторжение активистка Лейбина.

– Что ж вы в дверях-то застряли? Проходите, коль пришли, – встрепенулась Феоктиста Матвеевна.

– Спасибо, мы только узнать хотели, как мальчика назвали, – оправдывалась за товарищей всё та же Лейбина.

– Мы ещё сами не знаем, – пролепетал молодой папаша.

– Обмывать всё равно придётся, – высунулся из-за спин своих друзей Дятел.

– Ладно! Через месяц приходите, тогда и имя его узнаете, – подвёл черту под разговором Володя, ревниво поглядывая на обнажённую грудь жены.

Слегка раздосадованные таким невнятным предложением Володи, студенты исчезли из комнаты так же неловко, быстро и неожиданно, как в ней и появились.

– А где ж мы денег возьмём на обмывку эту... – встрепенулась всё ещё кормящая своего маленького богатыря молодая мама. И тут же, опустив на него взгляд, поправилась:

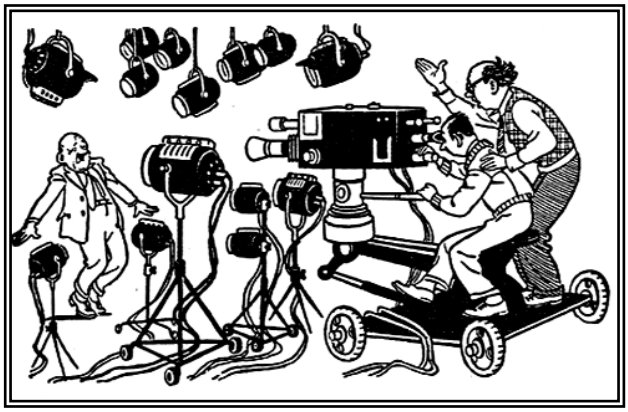
– Чем мы это... этого обмывать будем?

– А мы настойку из ягод сделаем! Правда, мама? – громко обрадовался Володя своему быстро найденному решению. Он тут же подскочил к корзине смородины, привезённой тёщей, и стал пробовать ягоды на вкус, будто проверяя их на спелость.

– А что, шикарное вино получится! Можно сказать, из личных погребов наследника! Ему всё равно ещё нельзя ягоды есть.

***

Месяц пролетел незаметно. Малыш рос, как сказочный богатырь, не доставляя особых хлопот. Даже по ночам крепко спал и никого не беспокоил. Намотавшиеся за день родители тоже отсыпались почти младенческим сном. И только Феоктиста Матвеевна каждую ночь, подолгу стоя на коленях у окна, о чём-то бесконечно молила и молила своего Бога.



***

Очередным утром довольный результатом своих трудов Володя поглаживал огромную десятилитровую бутыль с уже почти готовым пузырящимся напитком «из погребов наследника».

– Пора гостей приглашать! – обратился он к Тамаре... – А имени у пацана до сих пор нет никакого, – добавил он, меняя тон и с укоризной глядя на жену. Тамара же в свою очередь, словно пытаясь оправдаться и даже, возможно, переложить всю вину на свою мать, смогла только, запинаясь, пролепетать:

– А ведь правда же, мам?..

***

На следующий день, когда родители были уже в институте, а почти готовое вино привычно пузырилось в большой бутыли, Феоктиста Матвеевна в очередной раз меняла подгузники малышу. Нежно взяв маленькое тельце на руки, она тихонько приговаривала:

– Сейчас-то ты с чего опростался, милок. Ведь кормили-то тебя ещё утром. Ой-ё-ёй, Господи, прости душу грешную.

Именно в это мгновение, почти без стука ворвался Колька Дятлов:

– Баба Феша, там Вас к телефону зовут. От какого-то Кости звонят.

Лишь только услышав это имя, Феоктиста Матвеевна резко поднялась и не раздумывая рванулась к дверям, крепко прижимая малыша к груди. Будто чувствуя тревогу бабушки, ребёнок громко заплакал. Входную дверь Феоктиста Матвеевна за собой не закрывала. Её просто захлопнуло сквозняком. Следом за хлопком двери сразу раздался ещё один с последующим звоном разбитого стекла. Когда бабушка потихоньку приоткрыла дверь, увиденное потрясло её почти до обморочного состояния. На месте бутыли с вином осталось только её стеклянное дно. Всё остальное либо растекалось по полу и валялось на нём в виде осколков, либо стекало по стенам, огибая другие осколки, вонзившиеся в старые бумажные обои. Багряный цвет залившей всё вокруг жидкости создавал впечатление, будто в комнате только что развлекались вампиры.

Ещё не успевшая прийти в себя Феоктиста Матвеевна прокручивала в голове фразу, доносившуюся откуда-то издалека и повторяющуюся , словно эхо:

– Феоктиста Матвеевна, звонили из Сургута. Говорят, будто Ваш сын Константин погиб.

В её глазах всё ещё плыло. И сквозь эту размывающуюся пелену она, едва удерживая малыша, с трудом различала перед собой вахтёршу Клаву, непрерывно повторявшую одну и ту же фразу:

– Ваш сын Константин погиб.

***

На речном вокзале, стоя у трапа небольшого пароходика, Феоктиста Матвеевна, одетая во всё чёрное, прощалась с внуком и его родителями. Тамара, как могла, успокаивала свою мать. Передавая малыша отцу, чтобы приобнять её, она уверенно произнесла:

– Не переживайте, мама, зато у внука вашего теперь имя есть!

– Какое? – поинтересовалась бабушка.

– Константин! – твёрдо заявил Володя, поднимая малыша вверх над собой. Оказавшись наверху, мальчуган улыбался, издавая звуки, похожие на одобрительный смех. Лицо его бабушки впервые за прошедшие сутки тоже озарилось, казалось бы, уже забытой улыбкой.

***

Уже пролетели три года после того, как Феоктиста Матвеевна похоронила своего старшего сына. Теперь она часто и подолгу смотрела на фотографию Константина, слегка кивая головой, словно слышала его речь, и соглашаясь с ним. В один из таких моментов в избе появился почтальон:

– Вот здесь распишитесь, пожалуйста, – подчёркнуто официально и сухо предложил пожилой усатый мужчина, похожий по всему на отставного военного, достав из своей толстой сумки на ремне какой-то листок бумаги, протянул его хозяйке. Черкнув в указанной строчке, Феоктиста Матвеевна развернула полученную телеграмму и увидела всего пять слов, которые тут же обратили её взор к иконе Спасителя.

«Срочно приезжай. Костя заболел. Тамара».

«Костя заболел... Костя заболел»... – не переставая крутилось в голове бабы Феши. При этом она дрожащим и сбивающимся тихим голосом уже молила Бога, стоя перед иконой на коленях: «Господи Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй мя, грешную». Растерявшийся офицер-почтальон снял с головы свою шапку и неожиданно для самого себя начал лихорадочно креститься.

***

Накануне новогоднего праздника в детском отделении омской городской больни-

цы суета и переполох. Дородная медсестра бальзаковского возраста, держа на руках круглолицего кареглазого мальчугана с пунцовыми, как болгарские помидоры, щеками восторженно кричит, несясь по коридору:

– Вы только посмотрите на это чудо! Прелесть, а не ребёнок!

И вот малыша передаёт с рук на руки весь собравшийся персонал, любуясь ребёнком, как большой мягкой игрушкой.

Нет, ну какие чёрные глазищи у этого блондина!

А разве это мальчик? – тискали наперебой мальчишку молодые врачи и санитарки, пока, наконец, набравшись смелости, их не прервала взволнованная мамаша, казавшаяся до этого посторонней на спонтанном весёлом больничном дефиле.

– Товарищи, у него температура под сорок!

– Ну что Вы волнуетесь, мамаша. Сейчас Вашего богатыря посмотрит доктор, – успокаивая Тамару и вновь завладев малышом, старшая медсестра возвращает ошалевшего Костика матери и заводит её в кабинет врача.

Лишь только увидев мальчика, врач, пожилая молодящаяся блондинка, сразу расплывается в улыбке:

– Ой, кто к нам пришёл! Как тебя зовут?

Уже было успокоившись, Костик снова, сжимаясь от страха попасть в чужие руки, крепко хватается за мамкину шею, отвернувшись от врача.

Однако тётя врач с привычным терпением заходит к Тамаре со стороны спины, чтобы вновь увидеть лицо малыша.

– А ты разрешишь мне тебя осмотреть? Дай-ка я посмотрю, что у тебя болит.

На это Костик вдруг неожиданно соглашается, молча кивая головой.

Обрадовавшись своей лёгкой победе, педиатр тут же протягивает к ребенку свои руки и мгновенно застывает на месте от первой за всё это время фразы, произнесённой маленьким больным:

– Глазами – да, руками – нет!

Очень чётко, громко и твёрдо, с ударением в словах на первом слоге Костик ставит точку в этом получившемся столь коротком диалоге.

***

С приездом бабушки здоровье Костика быстро пошло на поправку. Феоктиста Матвеевна не отходила от мальчика ни на минуту, строго выполняя всё предписания врача, обильно приправляя их своими непрестанными молитвами.

Вот и сейчас после очередного растирания камфорным маслом спины ребёнка, укутав его тёплым одеялом и уже привычно приговаривая:

– Спи, Костюшок, скоро от твоего воспаления легких и следа не останется с Божьей помощью, – она подошла к окну и, встав на колени, вполголоса, но с каким-то трогательным надрывом, то ли запела, то ли запричитала:

– Господи Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй мя, грешную.

Начавший было уже засыпать Костик открыл глаза и заинтересованно спросил:

Баба, а с кем ты там разговариваешь?

– Я, Костюшок, молитву Господу читаю. Чтобы ты поправился поскорее. Хочешь, я и тебя научу?

Чуть-чуть подумав, мальчик спросил:

– И что, я даже кашлять не буду?

– Конечно, не будешь...

– Ну тогда давай учи.

***

Молодая семья вместе с бабушкой по-прежнему ютилась в небольшой комнатке студенческого общежития. Только Костик спал теперь в своей собственной детской кроватке, а бабушка вынуждена была, как и прежде, довольствоваться раскладушкой. Родители появлялись в комнате только поздними вечерами, стараясь не разбудить уже крепко спящего в это время сына. Тамара после окончания с отличием вуза училась в аспирантуре и работала ассистентом кафедры. А Володя, заканчивая последний пятый курс, подрабатывал грузчиком на железнодорожном вокзале.

Всё ведение хозяйства оставалось на Феоктисте Матвеевне. Случалось, что Костик оставался в общежитии один. Обычно это бывало, когда бабушка выходила в магазин за продуктами либо ещё по какой-нибудь хозяйственной нужде.

В тот день Володя, уходя на учёбу, ещё допивая на ходу чай, торопливо пробубнил с полным еды ртом:

– Сегодня приду позже, чем обычно. После занятий нам хорошую работёнку предложили. И за сверхурочные доплатят.

– Ты со своими работёнками диплом не сможешь защитить. Так и останешься грузчиком на подхвате, – возмутилась Тамара.

– Твоего аспирантского образования на нас двоих хватит, – отшутился Володя, уже выходя из комнаты и крича на ходу:

– Целую всех крепко!

– Ты бы, Тамара, тоже не надрывалась. Хватит тебе этой учёбы в аспирантуре. Успеешь ещё напреподаваться, – тяжело вздохнула Феоктиста Матвеевна.

– Не переживай, мамочка, всего годик нам остался. Протянем как-нибудь, правда, сынок! – успокоила свою мать Тамара, целуя сына перед уходом.

Уже в коридоре двое студентов, завидев Тамару, стали перешёптываться и, поздоровавшись с ней, почему-то заговорщически заулыбались. Тогда Тамара не придала этому особого значения, но какая-то необъяснимая

тревога не покидала её весь этот день. Студенты словно сговорились. Все, как один, ехидно улыбались ей на занятиях.

***

Поздно вечером Володя с однокурсниками Колькой Дятловым и Абылаем Насыровым заканчивали разгружать вагон с краснодарским вином. Работали быстро. Мороз подгонял. Пот и пар от него застилали глаза. Когда ребята погрузили на телегу-каталку последнюю коробку празднично позвякивающих бутылок, бригадир раздал каждому из них по пять рублей.

– Может, отметим? – предложил Дятел.

– Конечно, ресторан на вокзале ещё открыт. Ударим по пивку, – поддержал его Абылай. И только измотанный изрядно Володя уверенно отказался, не оставляя друзьям ни шанса на уговоры.

– Нет, ребята, мне надо с семьёй побыть хотя бы вечерок. Абылай, что твоё имя означает?

– Отец.

– Не забывай, я – уже отец. А тебе им ещё надо стать!

Простившись с ребятами, Володя, несмотря на усталость, довольно быстрым шагом направился в общежитие.

***

Перед входом в общежитие ветеринарного института стояла милицейская машина с включённой мигалкой. Вокруг здания ходили двое милиционеров. Когда растерянный от увиденного Володя поднимался по ступеням, ведущим к парадному входу, навстречу ему вся в слезах выскочила Тамара.

– Володя, Костик пропал! – истошно выкрикнула молодая женщина.

– Как это пропал? – едва выдавил из себя Володя, бывший не в силах осознать услышанное.

– Не стой здесь раздетая, простудишься, – ошарашенный всем услышанным Владимир уводил жену с улицы, воспринимая происходящее как какой-то кошмарный сон, который вот-вот должен оборваться.

Вахтёрша Клава давала показания, сбиваясь на каждом слове, третьему милиционеру, находившемуся в здании общежития.

– Вот и ходют, и ходют без конца тут. То друзья, то родственники, то сёстры к им идут, то братья к этим студентам приезжают. У нас вон давеча во дворе тоже дитя пропало, Так, говорят, его эти, как их, Господи прости, каббалисты уперли. Говорят они кровь младенцев пьют...

Не выдержав, хоть и рваного, но темпераментного напора вахтёрши, милиционер вежливо уточнил:

– Так вы утверждаете, что посторонние здесь всё-таки бывают?

– Какие посторонние, никаких посторонних здесь нет, – теперь уже чуть ли не скороговоркой начала оправдываться тётя Клава.

***

В этот напряжённый момент внешнее спокойствие сохраняла одна только Феоктиста Матвеевна. Она просто стояла за неимением иконы у окна и непрерывно молилась.

***

Один из пришедших с улицы милиционеров доложил своему старшему коллеге, опрашивающему вахтершу:

– Товарищ лейтенант, в комнатах, в которых нам не открыли, свет тоже не горит. Там, наверху, ещё есть угловые большие окна. В них свет есть, только мы туда не заглядывали. А что у вас там? – этот вопрос милиционер адресовал Клавдии.

Вахтёрша ещё не успела ответить, как родители пропавшего мальчика мчались, обгоняя друг друга, наверх по лестнице.

– Там у нас кра-кра-красный уголок, – смущённо прокрякала вахтёрша.

***

Когда запыхавшиеся родители, практически не останавливаясь, буквально протаранили дверь в красную комнату, их удивлённому взору открылась следующая картина. Все стулья в этой комнате были заняты. На некоторых сидели даже по двое. Многие вообще устроились на полу. Посредине же комнаты возвышался окружённый студентами табурет, стоя на котором, спиной к вошедшим родителям, их четырёхлетний сын Костик под всеобщий смех и аплодисменты громко декламировал:

– Ангел Божий, хранитель мой святый, на соблюдение мне от Бога с небес данный! Прилежно молю тя, ты мя днесь просвети...

Вбежавшие следом за родителями милиционеры едва успели подхватить пошатнувшуюся на непослушных ногах кандидатку в члены КПСС аспирантку Тамару.

***

На состоявшемся на следующий день внеочередном заседании партийного комитета вуза было вынесено постановление, которое хладнокровно зачитал в присутствии всех членов и самой Тамары Николаевны Поповой заместитель секретаря Петр Афанасьевич Огородников. Заключительная фраза этого решения звучала, как судебный приговор:

– ...аспирантку Омского ветеринарного института из кандидатов в члены КПСС исключить, а её мать – Бесперстову Феоктисту Матвеевну – из студенческого общежития выселить.

На этот раз Феоктисту Матвеевну на железнодорожном вокзале молча провожал только один Володя.

Когда тёща поднималась в вагон и вдруг резко оглянулась, Володя неожиданно для самого себя крикнул:

– Вы, мама, не серчайте на Тамару. Мы вас всё равно любим.

– Оставайтесь с Богом, – еле слышно ответила Феоктиста Матвеевна.

– Да бросьте вы, мама, Гагарин уже в космос слетал, а вы всё с Богом да с Богом. Человек сам хозяин своей судьбы!

Поезд двинулся. Кто-то из провожающих заиграл на баяне. Так что вряд ли Феоктиста Матвеевна могла в этом шуме расслышать последние слова Володи. И слава Богу!

***

Спустя два года семья Поповых получила распределение в Тюмень. В учебном хозяйстве местного сельхозинститута Володя с Тамарой работали ветеринарными врачами. Так называемый Учхоз ТСХИ располагался за городом. Там же молодые специалисты получили своё первое полноценное отдельное жильё – целый дом в небольшом посёлке.

– Теперь даже у Костика своя комнатка будет! – не могла нарадоваться Тамара.

– И бабушку можно снова вызвать?..

– Нет, пока попробуем сами справиться.

– Но ведь мы целыми днями будем по хозяйствам болтаться.

– Я тоже хочу с бабушкой жить, – вмешался в разговор родителей их маленький сын.

– Нет, ты уже взрослый. И потом мы с папой будем брать тебя с собой на работу по очереди, – не терпящим возражений тоном Тамара подвела черту под казалось бы только что начавшимся спором.

***

Было лето. Костик сопровождал отца в очередном, третьем по счёту вызове. Они ехали на мотоцикле «Урал» на самое далёкое пастбище в хозяйстве. Там заболела лошадь. Володя спешил её осмотреть. Довольный возможностью покататься, Костик сидел в люльке, крепко ухватившись за поручень, и с нескрываемой радостью наблюдал за быстро меняющимся пейзажем. Так они проехали поле, затем миновали небольшой лесок и долго ехали вдоль высокого берега реки Туры до тех пор, пока не оказались на огромном, совершенно пустом месте, заросшем травой. Здесь же медленно, почти бесшумно передвигался табун лошадей породы русский тяжеловоз. Только один конь, катаясь на своей спине, хрипел и как-то неловко дрыгал ногами. Рядом с животным стоял конюх, беспомощно наблюдавший за его страданиями. К ним-то и направился Володя, заглушив двигатель мотоцикла. Костик сначала было рванулся вслед за отцом, но храп коня напугал мальчика, и он резонно решил лучше понаблюдать за здоровыми лошадьми. К тому же последние довольно мирно бродили рядом, бесконечно пощипывая траву. Некоторые тут же отправляли пережёванное разнотравье наружу, но уже со стороны хвоста и в переработанном желудком виде. Именно этот непонятный процесс так увлёк мальчика, что он решил посмотреть, откуда всё-таки вываливается уже несвежая трава. Для этого нужно было всего-навсего поднять хвост коню, что Костик и сделал. Реакция животного была мгновенной. Получив удар копытом в живот, мальчишка отлетел на несколько метров от места своего первого в жизни научного исследования.

***

Первым, что увидел Костик, придя в себя, было... лицо его бабушки.

– Баба? – удивлённо простонал мальчик, – где мы? – пытаясь привстать.

– Лежи, голубчик, лежи. Мы дома, только тебе нельзя вставать.

– Почему нельзя вставать? Я что, теперь инвалид?

– Ну что ты. У тебя лишь рёбрышки сломаны, но скоро они заживут.

– А где мама с папой?

– Они на работе, лежи, не поднимайся. Сейчас я тебе поесть принесу.

– А я живой, потому что ты Боженьке молилась?

– Нет, потому что Терешкова к нему летала, – поправила своего внука Феоктиста Матвеевна, памятуя о его гастролях в студенческом общежитии.

***

Вечером вернулись с работы родители. Володя внёс в комнату сына новенький, всё ещё в смазке от ржавчины, как тогда было принято делать, детский велосипед.

– Вот, Костюшок! На коне скакать тебе ещё рановато. А этого железного зверя ты наверняка обуздаешь, когда выздоровеешь.

Костик был готов тут же обуздать этого железного зверя, но на этот раз уже не бабушка, а резкая боль в боку остановила его детский нетерпеливый порыв.

***

Естественно, когда Костик поправился, его уже ничто не могло остановить «обуздать своего железного зверя». Первые шаги на педалях помогла, конечно, сделать бабушка. Но когда шестилетний мальчуган научился держаться в седле велосипеда самостоятельно, она сразу перестала быть ему опорой не только для езды, но и вообще для существования в этом, как оказалось, неизвестном и прекрасном мире, который открылся ребёнку с помощью его нового железного друга, т.е. зверя, как выражался отец.

С этого момента у Костика появилось множество друзей. С ними он щедро делился удовольствием покататься на велосипеде и

теперь домой возвращался даже позднее родителей.

– Я заберу у тебя эту игрушку, если ты не будешь возвращаться домой вовремя, – пригрозил отец после очередного позднего появления сына. Аргументов в свою защиту у мальчишки сразу не нашлось, кроме одного надёжного и проверенного временем:

– Пап, я больше так не буду.

– Ты хоть бы бабушку свою пожалел. Она каждый вечер из-за тебя места себе не находит, – не унимался отец.

– Ладно, я пойду.

– Куда?

– Бабушку жалеть, куда ещё?

После этого Костик действительно подошёл к бабушке и жалостно промямлил:

– Прости меня, бабуля.

***

Когда же велосипед был уже освоен виртуозно, как Костиком, так и всей поселковой детворой, ребятишки устроили на нём соревнования по скоростному спуску с высокого берега реки прямо к воде. Мальчишки постарше легко преодолевали сложную дистанцию, умело гася скорость в наиболее опасных местах обрыва. Но Костик почему-то решил, что он сможет съехать, практически не используя тормоза. Настолько он был уверен в себе. И всё было бы хорошо, если бы велосипед не набрал в конце спуска такую скорость, с которой неокрепшие мальчишеские ручки просто не смогли справиться. В результате Костик на полном ходу упустил своего «железного коня» и последний участок склона пролетел рядом с ним, кувыркаясь и при этом сильно ударяясь о затвердевшую глиняную почву. Никакой боли он потом не чувствовал, а плакал лишь потому, что его «железный зверь» стал похож на выпотрошенного плюшевого медведя, которого выбросили на помойку.

***

Костин велосипед или, точнее, то, что от него осталось, тоже можно было оставить на помойке. Но мальчику казалось, что пройдёт время, и его «железный зверь» выздоровеет так же, как он выздоравливал сам. Поэтому Костик, прихрамывая и плача, тащил на себе, а потом за собой исковерканный велосипед, как боец выносит с поля боя своего раненого товарища.

Впервые Костик вернулся домой вместе с родителями, которых бабушка уже встречала, стоя на крыльце. Она же первой увидела внучка и мгновенно перекрестилась. Тут же обернувшись, мать сделала такое выражение лица, будто ее сын, действительно раненый, но всё же живой, возвращался с фронта. И только отец сохранил самообладание.

– Молодец, Костюшок! Пришёл вовремя, как и обещал. Сдержал своё слово.

Но мама почему-то не разделяла спокойствие отца. Она побежала к Костику, быстро ощупала его, а затем не терпящим возражений тоном объявила приговор:

– С завтрашнего дня будешь ходить на ферму вместе со мной. И больше никаких тебе «железных коней» не будет!

– Только общение с живыми коровами и поросятами,– ехидно добавил отец.

Одна бабушка, так и не промолвив ни слова, незаметно для всех трижды перекрестила внука. Но и это не осталось без внимания Тамары:

– Мама, опять ты за своё! Люди вокруг... Как с тобой ребёнка одного оставлять?

Утром следующего дня Тамара вела за собой, крепко держа за руку, слегка прихрамывающего сына, одетого в новый, сшитый бабушкой костюмчик по случаю своего первого выхода в свет. Свет на ферме был тускловат, из-за чего тамошние коровы казались Костику удивительно большими, страшными и опасными, особенно когда мычали. Они казались ещё опаснее, чем конь, который его лягнул. Непроизвольно Костик ухватился за край маминого белого халата, да так и не отпускал его, пока она ходила в сопровождении доярок вдоль загонов и осматривала, иногда поглаживая слюнявые, мычащие, бесконечно жующие морды. Только доярки, по мнению мальчика, вели себя так, словно они пришли в цирк, а не на работу. Эти тёти постоянно шушукались и хихикали за маминой спиной. А в завершение всего стали называть его «Костик – мамин хвостик», ещё и громко смеялись при этом. Несмотря на это явное издевательство, мальчик всё равно не отпускал из своей руки подол маминого халата. Уж слишком памятным для него был лошадиный урок.

***

Шло время, а Костик так и не переставал хромать. Более того, хромота становилась заметнее. Однажды после ужина мальчик встал из-за стола и, пройдя несколько шагов, упал, словно обо что-то запнувшись на ровном месте. Мать тут же вскочила и, подняв сына, начала осматривать ножку:

– Скажи, сынок, где болит? Здесь или, может быть, здесь?

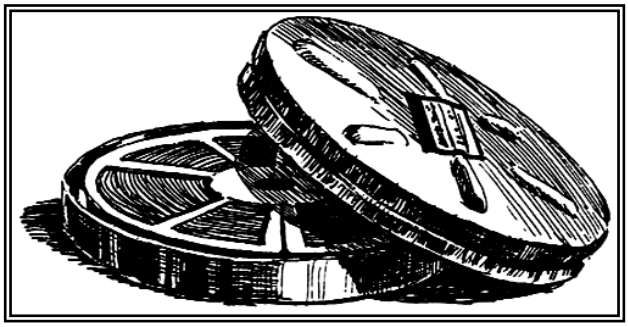
В ответ Костик лишь начал закатисто смеяться.

– Щекотно, мама! Пусти. Мамочка, ой как щекотно! – мальчик едва выговаривал слова, давясь собственным смехом. Когда же он затих, бабушка вдруг серьёзно произнесла:

– Крестить надо парня, а то так и будет всю жизнь маяться нехристем.

– Да что ты, мама, такое говоришь! Наши космонавты уже в открытый космос выходят, а ты всё Богу молишься.

– Ладно вам. Завтра Костю в городскую больницу повезём на обследование. С этим тянуть больше нельзя.



На следующий день в городской больнице Костику сделали рентгеновский снимок правого бедра. Пожилой, очень похожий на профессора врач долго рассматривал на свет плотный, гибкий, прозрачный квадрат плёнки с размытым чёрно-белым изображением, а затем, взглянув на притихших в ожидании его вердикта родителей, спросил:

– Вы где и кем работаете, товарищи?

– В учебном хозяйстве сельскохозяйственного института, ветеринарными врачами, – неосторожно ответил Володя.

– Когда была травма у мальчика?

– Около месяца уже прошло, – на этот раз с ответом быстрее справилась Тамара.

– А живёте вы, я полагаю, тоже в Учхозе?

– Ну да, а где же ещё нам жить? – словно дождавшись своей очереди, ответил Володя.

– А животных, корову например, вы не держите?

– Нет, ну что вы. Нам их на работе хватает, – в свою очередь отозвалась отвечать Тамара.

– А мальчика вы с собой берёте?

– Понимаете, детсада у нас нет, а бабушка... – начала было оправдываться Тамара, но Владимир продолжил за неё:

– А бабушка с ним не справляется.

– Всё понятно....

– Что понятно? – переспросила Тамара.

– Понятно, что у вашего сына, вероятнее всего, развился костный туберкулёз от ушиба. Была нарушена костная ткань, а потом туда проникла туберкулёзная палочка. Уж вам ли не знать, сколько людей на фермах от неё страдает?

– Что же нам теперь делать? – спросила Тамара, едва удерживаясь на ногах от такой новости.

– В Ишиме есть детский санаторий, специализирующийся на таких заболеваниях. Мальчика нужно срочно везти туда.

***

Феоктиста Матвеевна стояла перед окном, всматриваясь в дорогу и прислушиваясь к звукам любого проезжающего мимо их дома транспорта. Периодически бабушка вставала на колени и начинала молиться.

***

– А куда мы едем, мамочка? – спросил Костик, глядя в окно автомобиля «Москвич-412», ехавшего по улицам Тюмени.

– Мы едем, Костик, лечить твою ножку.

– А где мы будем её лечить? – не унимался мальчик.

– В специальной детской больнице, которая находится в красивом сосновом лесу.

– А это далеко?

– Надеюсь, к вечеру доедем.

***

Ишимский детский туберкулёзный санаторий действительно располагался в красивом сосновом бору. И несмотря на то, что уже наступила осень, хвойный зелёный лес выглядел по-летнему живо и весело. Но Костика это нисколько не радовало. Когда они с мамой вошли на территорию санатория, у мальчика от предчувствия чего-то нехорошего глаза налились слезами. Заметив это, мама попыталась успокоить сына:

– Ну чего ты скис? Придётся побыть здесь немножко, зато потом ты снова сможешь на своём железном коне кататься. Папа тебе его отремонтирует или новый купит.

– Я что здесь, и ночевать останусь?

– Это необходимо, сынок.

За этим тяжёлым для обоих разговором они не заметили, как оказались у входа в административное здание санатория.

***

Костика определили в большую, просторную, светлую палату с огромными окнами, смотрящими на изумительно красивые большие сосны. В этой палате уже лежали около десяти мальчишек разных возрастов. Все они почему-то молчали, глядя в окна или потолок. Кое-кто даже спал или просто лежал с закрытыми глазами. Костю укладывала санитарочка, пока мама ещё разговаривала с главным врачом. Наконец Тамара почти бесшумно вошла в палату и присела на краю Костиной кровати с панцирной сеткой и металлическими, покрашенными белой краской спинками.

– Ну как ты, сынок?

– Долго я здесь пробуду? – спросил Костик, уже не сдерживая хлынувших ручьём слёз.

– Я не знаю, малыш...

– Может быть, завтра ты меня заберёшь отсюда?

– Нет, Костик, завтра не получится.

– А когда получится, послезавтра?

– Ну, может быть, денька через три. Потерпи, пожалуйста. Мы с папой обязательно за тобой приедем.

***

Ровно через три дня за Костиком на самом деле пришли санитары. Они переложили мальчика на специальную для таких случаев кровать-каталку на колёсах и покатили её в неизвестном направлении. Проехавшись с

ветерком по территории санатория, Костик с ужасом понял, что везут его вовсе не домой, как он предполагал, а в другое небольшое помещение, похожее на кочегарку. И сразу стало понятно, почему за ним пришли не родители, а эти крепкие глухонемые дяди. Уже в «кочегарке» выяснилось, что один из них всё же умеет говорить. В белой, пахнущей известью комнате, перекладывая Костика на кушетку, он неожиданно произнёс:

– Ложись на живот, пацан.

«Сейчас кровь начнут пускать!» – испугался Костик, вспомнив бесконечные рассказы вахтёрши Клавы о каббалистах в Омском студенческом общежитии. От страшного напряжения мальчик весь сжался в комок, но вместо кровопускания почувствовал мягкий шлепок по голой заднице.

– Ну чего весь скукожился? Тебя что, резать будут? – Это был голос пожилой женщины, которую Костик не мог видеть, лёжа на животе.

Тётка, быстро и умело орудуя ручной машинкой, остригла Костю наголо. После чего она тут же стала накладывать на Костину спину, а затем и ноги какую-то тёплую массу и размазывать её по всему телу мальчика, словно нагретый пластилин.

– Вот так. Не бойся малыш, это совсем не больно.

***

Вернули Костика уже в другую палату. Дети, находившиеся здесь, были одного с ним возраста, и все они лежали на кроватях с большими колёсиками, благодаря которым санитарки их легко перекатывали. Костик оказался рядом с рыжим мальчиком, неподвижно лежащим на спине и смотрящим в одну точку на потолке. Повернувшись к нему, Костя стал молча разглядывать своего нового соседа.

– Тебя как зовут? – неожиданно спросил Рыжий, не поворачивая головы в сторону Кости.

– Меня Костя зовут, а тебя как?

– Женька. Тебе гипсовую кроватку уже слепили? – всё так же, не поворачивая головы, продолжал разговор странный сосед.

– Не знаю, – вспоминая последние события, ответил Костик. Только теперь он обнаружил, что ребята все как один лежали в своих кроватях строго на спине. Не успел Костик спросить у Жени, почему это происходит, как увидел идущих к нему санитаров с гипсовым чучелом в руках. В этот момент мальчик с ужасом догадался, что его ожидает. Подошедшая вместе с санитарами медсестра начала аккуратно снимать с Костика одеяло.

– Давай-ка, дружок, перевернёмся на бочок!

Пока Костя лежал на боку, санитары уложили на его кровать уже высохшую гипсовую подкладку, вылепленную по форме спины мальчика. Именно в неё в заключение всей этой мучительной процедуры уложили дрожащее от страха тельце перепуганного до смерти мальчугана.

– Ну вот и всё. Отдыхай теперь. Больше сегодня мы тебя мучить не будем, – успокоила малыша санитарка.

***

Настоящие мученья для Костика и впрямь начались утром следующего дня. Сразу после завтрака, от которого мальчик отказался, несмотря на все увещевания санитарочки, мол:

– Если кушать не будешь, ещё долго не поправишься и останешься лежать здесь до самой старости... – привычно, монотонно, но недолго Костю уговаривала эта пожилая тётенька съесть хотя бы что-нибудь. Всё тщетно. Малыш лишь молча отворачивался от еды, и его глазки наполнялись слезами, превращавшими окружающий мир в какую-то чужую, будто случившуюся не с ним ужасную историю. Казалось, что сейчас весь этот кошмар растворится, уйдёт куда-то, и на месте полненькой санитарочки появится бабушка с тарелкой дымящихся блинов в руках. Но вместо бабули к Костику подошли два дебелых «глухонемых» санитара с кирпичами в ладонях. Под руководством медсестры они обмотали кирпичи бинтом и, перебросив его конец через спинку кровати, стали перематывать им больную Костину ножку. В таком состоянии с подвешенным грузом мальчик уже наверняка не мог даже пошевелиться в своей усмирительной гипсовой кроватке.

– Потерпи, потерпи так, малыш. Скоро мы один кирпич от тебя отвяжем. Полегчает сразу, – накрывая одеялом, пыталась успокоить медсестра тихо всхлипывающего Костика.

И в довершении всего она тут же, оголив бедро мальчика, вонзила в него иглу с каким-то розовым составом в шприце. Укол иглы Костик даже не успел почувствовать, а вот проникновение красивой на вид жидкости заставило мальчишку закричать от боли и закрыть бедро ручонками. Однако стоявший рядом с медсестрой «глухонемой» санитар легко предотвратил эту попытку.

– Всё, всё, всё. Теперь спи, – прекратила наконец истязания медсестра.

А Костик вдруг, забыв сразу обо всём, погрузился в глубокий безмятежный сон, не успев даже утереть слёзы на своём лице.

***

Проснулся Костик от какого-то незнакомого глухого стука, раздающегося за окном. Открыв глаза, мальчик увидел на ближайшей сосне очень красивую чёрно-белую птицу с красным клинышком на шее. Крепко уцепив-

шись в ствол, она равномерно стучала в него клювом.

– Это дятел, – пояснил сосед Женька, заметивший удивление и любопытство Кости.

– Там много всего интересного. Особенно летом.

– А тебе тоже ногу привязывали? – морщась от боли и неудобства, спросил Костя.

– Да нет. У меня ведь горб, – спокойно прокомментировал своё состояние Женя так, словно смирился уже с ним навсегда.

Не успел Костя отреагировать, как в палате появилась целая группа врачей. Впереди всех шёл крепко сбитый мужчина с добрым лицом и всегда улыбающимися глазами, как впоследствии казалось Костику. Шедшая следом за ним миловидная женщина громко сообщила всем зашедшим:

– Это наш новенький, Костя Попов. Диагноз: костный туберкулёз правого тазобедренного сустава. Все необходимые начальные лечебные процедуры проведены. Сегодня мальчику установили растяжку, первичную.

Пока женщина говорила, главный врач, как потом пояснил Косте Женька, рассматривал поданный ею рентгеновский снимок. Затем, после небольшой паузы, внимательно глядя на мальчика, он спросил:

– Ну что, молодец, Костя! Я вижу, ты здесь обжился, плакать совсем перестал. И не будешь больше, правда?

– А долго я ещё пробуду здесь? – робко спросил Костя, чуть снова не расплакавшись.

– Нет, конечно! Долго у нас никто не лежит, только те, кто плачет, задерживаются.

– Что, ещё три дня?

– Ещё три, но не дня, а года. И поверь мне, Костик, для тебя они пролетят незаметно.

***

Наступила зима. Костя на самом деле довольно-таки быстро свыкся со своей новой санаторной жизнью. Дети легко находят контакт друг с другом, тем более когда они находятся в равном положении и условиях содержания. Самыми распространёнными развлечениями для всех здесь были лепка из пластилина, рисование, игра в шашки и шахматы, в которых многие поднаторели. Вот и Костя в очередной приезд папы с мамой почти играючи напрочь развалил белыми фигурами всю отцовскую защиту.

– Ты тут, наверное, всех обыгрываешь? – возбуждённо восхищался успехами сына Володя.

– Неа, многие мальчишки играют гораздо лучше, особенно те, кто долго лежит.

– Сынок, а груз этот тебе спать не мешает? – вмешалась в разговор сидящая рядом с мужем Тамара, увлечённо наблюдавшая за тем, как ещё недавно чистый листок бумаги с подложенной под него дощечкой в руках рыженького Жени превращался в живой портрет Костика, искусно выполненный карандашом.

– Да чего там, всего один кирпич! – небрежно отмахнулся Костя от унижающих его перед друзьями нелепых маминых беспокойств.

– Молодец, парень. Вы тут все вундеркинды какие-то! – воскликнул отец, тоже заметивший рисунок Жени.

– Нам просто здесь делать больше нечего, – словно оправдываясь за свой рисунок, возразил Женя.

– Ладно, ребята. Нам пора ехать, дорога назад длинная. В следующий раз к тебе, Костюшок, бабушка приедет. Она ещё из Сургута не вернулась. А ты, я вижу, не очень-то по нам скучаешь?

– Да нет, пап, а что баба с нами не будет больше жить?

– Будет, ну конечно будет. Ты не переживай об этом, – успокоила сына Тамара.

***

Родители Костика ушли, оставив целую груду подарков на кровати сына. В основном это были шоколад, конфеты, фрукты и другие сладости, которыми мальчик с удовольствием делился с другими ребятишками.

– Передай шоколадку Кольке. К нему давно никто не приезжал, – обращался Костик к своему соседу Женьке, успевшему уже стать близким другом.

– И апельсины ребятам передавай, – не унимался Костя. Ведь его кровать стояла у окна, и он не мог ни с кем общаться, кроме как через Женю.

– Спасибо, Костя! – благодарили мальчишки.

– Мы потом с тобой мороженкой поделимся.

***

Самым излюбленным лакомством у санаторских ребятишек был творог. Не тот, который иногда приносили на завтрак, а доведённый из него до нужной кондиции продукт, который здесь и назывался мороженкой. Приготавливались мороженки весьма нервно и хлопотно. Приносимый санитарками на завтрак жидковатый творог детишки аккуратно перекладывали из тарелок в кулёчки-стаканчики, сворачиваемые ими из тетрадных листков лощёной бумаги. Другая не годилась, так как её невозможно было отделить от конечного продукта. Так вот, эти кулёчки с творожной смесью детвора отдавала тем немногим из всего санатория счастливцам, которым уже разрешалось ходить, хотя бы на костылях. Заманить такого героя в свою палату удавалось далеко не всем. Поэтому когда «ходячий» появлялся в нужный момент, а именно в тот день, когда дава-

ли творог, гвалт в палате начинался неимоверный.

– Возьми мой!!! – наперебой кричали все без исключения мальчишки и очень расстраивались, если до них очередь так и не доходила. Ждать очередного случая приходилось месяцами. Причём готовые мороженки не всегда возвращались к своим хозяевам. Ведь замораживались они в снегу на улице. А там иногда их склёвывали птицы или их убирали дворники. Да мало ли что ещё могло случиться с таким деликатесом. Но на этот раз Жене с Костей повезло. Через день после того, как они отдали свои заготовки ходившему на костылях Ваське из соседней палаты, он всё же принёс желанное лакомство, удачно миновав заснувшего верзилу Кольку, который обычно всё присваивал себе.

– Держите свои мороженки, – гордо объявил Василий, словно только что пересёк линию фронта.

– Рассчитаетесь новым пластилином. Костя, к тебе когда бабка приедет?

– Родители говорили, что скоро...

– Ну давай, не подведи. Я жду.

Мальчишки могли подолгу облизывать кисло-сладкое содержимое своего долгожданного кулечка. И это «мороженое» было вкуснее любых сладостей, привезённых родителями, потому что доставалось оно их собственными усилиями, смекалкой и унизительными мольбами. Но всё перечисленное, несмотря ни на что, стоило того удовольствия, которое в конце концов они получали.

***

Проходили дни, с ними недели, но бабушка к Костику всё не приезжала. Не появлялись в санатории и его родители. С настойчивым постоянством в палату приходил только Васька на своих костылях.

– Ну, и где твоя бабка с пластилином? – в очередной раз донимал он Костю одним и тем же вопросом.

– Может быть, ты мой старый пластилин возьмёшь? – пытался разрядить обстановку Женя.

– Зачем мне ваш перемешанный. Мне нужен новый. Ну-ну. Думайте, должнички, – традиционно завершал свой разговор Васька и медленно уходил восвояси.

***

В один из специально отведённых для приезда всех родителей день папа и мама Кости опять не появились. Мальчик всё же надеялся и до последней минуты ждал бабушку, не спуская глаз с входной двери, но она тоже всё не приходила и не приходила. Казалось, уже ко всем пришли родственники, даже к переростку Кольке из «неблагополучной» семьи, как выражалась старшая воспитательница, и то пришли и сейчас сидели у него на кровати на вид не совсем трезвые родители. Никого не было только у Жени, потому что до санатория он рос в детдоме, и у Кости.

– Не унывай, может, они заболели или работа неотложная появилась, – успокаивал своего друга Женька.

– Угу. А как с Васькой квитаться будем?

– Ничего, ещё подождёт.

Традиционно в такие дни дети подготавливали с помощью воспитателей своеобразные утренники, похожие на небольшие представления. В исполнении прикованных к кровати подростков дошкольного возраста это зрелище вызывало у присутствующих гостей бурю сентиментальных эмоций. Редко кто из них мог удержаться от слёз, когда детишки по очереди читали тщательно заученные к такому случаю стихи.

Как обычно, когда все уже собрались и немножко поговорили, старшая воспитательница Мария Петровна объявила зычным голосом:

– Уважаемые родители, сегодня в исполнении мальчиков третьей палаты для вас прозвучит стихотворение русского поэта Сергея Есенина «Песнь о собаке».

Мгновенно все затихли. Установилась полная тишина, и лежавший первым от входной двери Колька Устинов надрывно заголосил невпопад, делая паузы и слегка запинаясь:

– Утром в ржаном закуте,
Где златятся рогожи в ряд,
Семерых ощенила сука,
Рыжих семерых щенят.

Слово «сука» Колька проговорил особенно громко и посмотрел на свою «неблагополучную» маму, которая, как всегда, пришла без гостинцев. Впрочем, на всё это мало кто обратил внимание. Тем более что после Кольки это стихотворение робко продолжил читать самый воспитанный в палате мальчик Сеня Козлов по прозвищу Очкарик, а вовсе не Козёл, как его раньше дразнили в детском саду.

– До вечера она их ласкала,
Причёсывая языком,
И струился снежок подталый
Под тёплым её животом.

Все затихающие с каждой строчкой Сенькины слова подхватил белобрысый Алёшка Словцов, очень быстро затараторивший:

А вечером, когда куры
Обсиживают шесток,
Вышел хозяин хмурый,
Семерых всех поклал в мешок.

Далее продолжил Ренат Хабибулин по прозвищу Татарин. Он так старательно и громко пытался выговорить каждое слово, что его выступление стало напоминать рапорт военного на параде:

По сугробам она бежала,
Поспевая за ним бежать...
И так долго, долго дрожала
Воды незамёрзшей гладь.

Обычно не замечаемый никем молчун Витя Радько словно хотел, чтобы от него поскорее отвязались, как-то безучастно пробубнил:

А когда чуть плелась обратно,
Слизывая пот с боков,
Показался ей месяц над хатой
Одним из её щенков.

Женька Черкасов, которого все, кроме Кости, звали Рыжим, свою часть стихотворения произнёс вполне трогательно:

В синюю высь звонко
Глядела она, скуля,
А месяц скользил тонкий
И скрылся за холм в полях.

У Кости тоже имелось прозвище, происходившее от его фамилии. И хотя Попом его называли редко, малыш реагировал на это обращение без какой-либо обиды. А его бабушка даже радовалась этому слову. В этот день Костя скорее обижался на своих не приехавших родителей и саму бабушку. Мальчик даже не смог скрыть своего плохого настроения. От этого прочитанная им заключительная часть есенинского стихотворения получилась особенно жалостливой:

И глухо, как от подачки,
Когда бросят ей камень в смех,
Покатились глаза собачьи
Золотыми звёздами в снег.

То ли сам финал, то ли подавленное настроение последнего исполнителя, то ли Костин опыт чтения молитв в общежитии перед студентами, а скорее всё это вместе произвели на присутствующих такое сильное впечатление, что все они заплакали, как по команде, а затем, утирая слёзы, бросились к Косте, заваливая его кровать всевозможными подарками, среди которых оказалась и коробка пластилина.

***

Ровно через неделю к Косте приехала мама. Она была одна.

– Бабушка сильно заболела, – как-то нервно вела разговор мама, оправдываясь за своё длительное отсутствие.

– Она скоро выздоровеет?

– Да... наверно... конечно, скоро, сынок.

– А папа где?

– Папа..? Понимаешь, Костя... В общем, папа теперь тебя один будет навещать.

– Почему?

– Как бы тебе объяснить?.. Ну, в общем, мы с твоим папой решили пожить отдельно какое-то время.

Костя так ничего и не понял из сказанных мамой слов. Он только чувствовал, что произошло что-то нехорошее.

– Ладно, малыш, когда ты вырастешь, ты всё поймёшь. А сейчас тебе надо выздоравливать. Ты хорошо кушаешь? Какой-то ты стал худенький у меня...

Костя отвернулся к окну и дальше уже почти не слышал маминых слов. На его глазах снова выступили слёзы, через которые он всё же увидел в окне, что маму на улице встретил какой-то незнакомый дядя, и они вместе, молча, направились в сторону выхода из санатория.

***

Наступило лето. Ребятишек часто выкатывали на кроватях к соснам на лужайку принимать солнечные ванны.

– Посмотрите все, как прекрасно загорел Ренат Хабибулин, – восхищённо восклицала старшая воспитательница, указывая всем на смуглое тело Татарина, которое и зимой не отличалось белизной.

– А вот ты, Алёша Словцов, совсем, наверное, не хочешь выздороветь. Нисколечко не загорел. Ай-я-яй. Не стыдно тебе? – не унималась Мария Петровна, подойдя к Лёшке, похожему на альбиноса.

– Я старался...

– Плохо старался, Словцов! Не хочешь ты выздоравливать!

– И ты, Черкасов, я вижу, не стремишься побыстрее стать здоровым, – продолжая свой явно не санкционированный врачом обход, распылялась крупная, пышущая излишками здоровья в виде нависающих боков воспитательница. Рыженький Женька, покрывающийся от солнечных лучей только веснушками, смущённо пролепетал:

– Я очень даже стремлюсь, Мария Петровна, но у меня почему-то не получается...

Не успела Мария Петровна добраться до Кости, как её позвали из открытого окна администрации санатория зайти к врачу.

– Вы все ещё полчаса будете так здесь лежать. Один Хабибулин может накрыться простынкой, – уходя приказала воспитательница. А ребятишки были только рады ещё немножко побыть вне надоевших за зиму стен санатория. Витя Радько продолжал с блаженной улыбкой смотреть в небо. Очкарик Сенька любовался бабочками, то и дело взлетавшими над полянкой. А «неблаго-

получный» переросток Колька ловко поймал огромного шмеля и, привязав его на нитку, забавлялся тщетными попытками насекомого, взлетая, вырваться на свободу.

– Колька, ты зачем шмеля мучаешь? Ему же плохо! – отчаянно старался остановить эти истязания на время оказавшийся Колькиным соседом Костя.

– Мне тоже плохо от того, что мне ходить не разрешают, – ответил Колька и, немного подумав, отпустил шмеля вместе с ниткой. Мохнатый красавец тяжело взлетел вверх, натужно шумя, будто перегруженный вертолёт, быстро затерялся где-то высоко в сосновых ветвях. А все мальчишки ещё долго молчаливо смотрели ему вслед.

***

Летом удержать ребятишек в кроватях не могли ни самые грозные санитары, ни болезненные ежедневные уколы и тем более уговоры и всевозможные предупреждения лечащих врачей и воспитателей. После того как Косте сняли с больной ножки растяжку, в него словно бесёнок вселился. Мальчишка постоянно в отсутствии взрослых вставал с постели и бегал по палате, дерясь подушкой со всеми, кто мог ему сопротивляться.

– Попов, я тебя опять к кирпичу привяжу, – предупреждала Костю Мария Петровна, в очередной раз заставшая нарушителя дисциплины, бегающего с подушкой в руках по палате.

– Сейчас же ложись в постель и готовься к уколу. Я пошла за врачом.

Вместо врача в палату приходил медбрат и ставил Косте очень болезненный «розовый» укол. Бегавший, резвясь, по палате не реже Кости, Колька Устинов умудрялся практически никогда не попадаться. А во время Костиных укольных экзекуций «неблагополучный», благополучно прячась под простынёй, дразнил Костю, показывая ему свой язык.

***

Это продолжалось до тех пор, пока разбушевавшиеся в очередной раз забияки не разбили стекло в открытом окне, угодив в него подушкой. Оба хулигана были пойманы с поличным «дежурившей» у палаты Марией Петровной. Наказание было суровым и ужасным. «Глухонемые» санитары прилюдно сняли с сорванцов единственное, что на них было, – трусы. Такого дикого унижения не ожидал никто. Колька во время «казни» истерично кричал и, как только мог, мешал санитарам стянуть с себя свой чёрный, как пиратский флаг, предмет и символ свободы одновременно. Костя же принял это наказание спокойно, как некую неизбежность. Подошедших к нему санитаров он остановил одним жестом вытянутой руки с короткой примиряющей репликой:

– Не надо. Я сам сниму.

И затем, не поднимая простыни, Костя молча освободил своё тело от того, без чего он сразу же снова почувствовал себя узником, привязанным к кровати ещё сильнее, чем ненавистными кирпичами.

***

В эти трудные для Кости дни, когда ему казалось, что нет на свете мальчишки более несчастного, чем он, неожиданно в санаторий приехала Феоктиста Матвеевна. На время свидания кровать Кости выкатили на лужайку. Увидев бабушку, мальчик сразу забыл про все свои обиды и страдания.

– Бабушка, почему ты так долго не приезжала?

– Прихворала я, внучек. Ну ничего. Теперь часто навещать тебя буду. Вот гостинцев тебе привезла. Конфеты бери, твой любимый лимонад. Ножка-то твоя как? Болит ещё?

– Да нет, баб. Она и раньше у меня не болела, а хромала только.

– Похудел-то ты как. Может ты, Костик, чего домашнего хочешь? Я тебе пирожков напекла. Покушай.

– Нет, баба, я сыт.

– Не жарко тебе, давай я тебя открою?

– Не надо, – чуть ли не закричал Костя, хватаясь за одеяло.

– Ладно, ладно. Успокойся, лежи так. Может тебе маечку привезти. В ней без одеяла можно будет лежать в такую жару.

И вдруг Костю осенило. Тут же глаза мальчугана озорно оживились.

– Баб, ты мне лучше трусы привези. Много.

– Господи! – встрепенулась Феоктиста Матвеевна.

– Неужто ты писаться стал.

Костя мгновенно покраснел и хотел было возразить, но быстро сообразил, что правдивое объяснение ситуации может лишить его бабкиной благосклонности, а вместе с ней и новых трусов.

– Это у меня редко. Но иногда бывает...

– Господи, напасть-то какая!

***

Через неделю Костик разгуливал по палате уже не в казённых чёрных, а в ярко-синих сатиновых трусах, сшитых умелыми руками его бабуси. Кольке Устинову оставалось только завистливо наблюдать за тем, как весело его «враг» прохаживался между рядами кроватей, щедро делясь бабкиными разносолами. С Колькой Костя больше не задирался. Наоборот, он даже благородно предложил ему одну пару трусов из своих обширных запасов, но Колька наотрез отказался носить чужое бельё, хотя и новое, к тому же Костины трусы ему всё равно были маловаты, и вообще после той страшной возни с санитарами Колька стал каким-то нелюдимым, ни с

кем не разговаривал и совсем перестал улыбаться.

Новые Костины вылазки из постели не остались незамеченными. Когда Мария Петровна застала его сидящим у окна на широком подоконнике, удивление и негодование воспитателя вылилось в шумный поток, казалось, бесконечных вопросов:

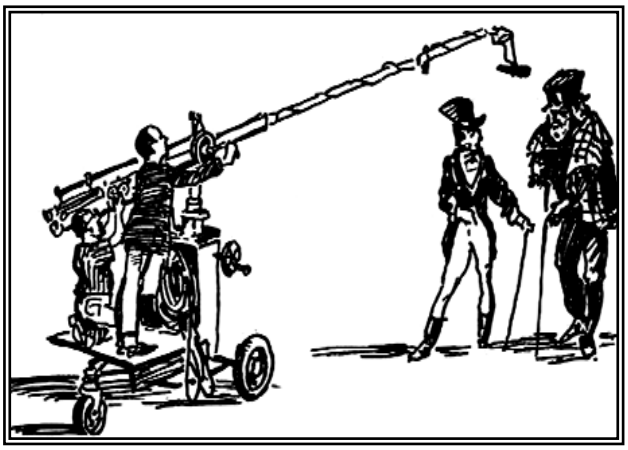
– Это ещё что такое! Это откуда у тебя? Это чье? Чьи... я тебя спрашиваю.

Костя же не стал оправдываться и что-то объяснять, а лишь молча лёг в свою кровать, молча снял трусы и подал их Марии Петровне.

– Безобразие какое! Тебе это с рук не сойдёт, Попов! – продолжала негодовать воспитательница, забирая трофей. Удаляясь из палаты, она всё ещё продолжала ворчать себе под нос:

– Это же надо такое придумать! Это невиданно. Ну, мы с этим ещё разберёмся. Нельзя такое оставлять безнаказанно...

Когда дверь за Марией Петровной шумно захлопнулась, Костя и правда испугался. В



этот момент тишину нарушил голос Саньки-очкарика:

– У попа была забава, он её носил. С нею стало ему страшно, он её забыл.

Ребята, кроме Кольки, дружно расхохотались. Костя улыбался вместе с ними, нащупывая под своим матрасом очередную пару стратегического запаса белья, заботливо доставленного бабушкой.

***

Веселье продолжалось недолго. Не успел Костя натянуть на себя другие трусы, как в палату в сопровождении воспитателя ворвались санитары. Как всегда с совершенно бесстрастными лицами «глухонемые» принялись за работу. Сначала они приподняли Костин матрас и бесцеремонно конфисковали всю партию нелегального товара. Затем также невозмутимо принялись привязывать ноги мальчика крепкими полосками из хлопчатобумажной ткани к гипсовой форме, на которой всё ещё должен был лежать Костя, таким образом, что в лучшем случае проказник мог только сесть в своей постели. В этот раз Костя уже не плакал. Гораздо больше он переживал не из-за того, что ему теперь придётся снова лежать неподвижно, а что бабушке могут запретить его навещать.

***

Приближалась осень. Ребятишкам предстояло начать учиться. Работники санатория стали формировать палаты строго по возрастам. Поскольку мальчишки из третьей палаты должны были пойти в первый класс, их всех перекатили в большое помещение, где впервые за всё это время объединили с девочками.

Костину кровать на новом месте поставили рядом с кроватью улыбчивой девчушки с чёрными, как смоль, волосами и синими глазами. Эта необходимая перестановка полностью изменила поведение всех мальчишек и особенно Кости. Он вдруг стал крайне стеснительным и перестал даже садиться в своей кровати, несмотря на то, что его уже давно отвязали от гипса.

– Попов, какой ты молодец у нас! – не могла нарадоваться Мария Петровна.

Косте всё время очень хотелось заговорить с соседкой, но вместо этого он сердито отворачивал от неё голову, когда замечал, что она рассматривает его. Сам же он украдкой постоянно наблюдал за ней. Теперь самым страшным испытанием для мальчика было оправляться в судно, которое, по его мнению, излишне часто стали приносить санитарки. Даже справлять маленькую нужду в присутствии девочки казалось невыносимым бедствием, а как же ходить при ней по-большому. Этого Костя даже представить себе не мог. Поэтому он терпел до тех пор, пока мог, всегда краснея и отказываясь от очередного предложения санитарок воспользоваться судном.

Однажды вечером, когда сопротивляться уже было невозможно, Костя хотел откликнуться на последнее предупреждение санитарки:

– Ещё раз спрашиваю, кто хочет в туалет? Больше сегодня судно приносить не буду!

Костя, посмотрев на привычно улыбающуюся синеглазку, снова промолчал, вопреки кричащему внутри него естественному напору организма.

***

Ночью случилось непоправимое. Костя, как метко выражалась его бабушка, «опростался» прямо в своей постели. До самого утра мальчик неподвижно лежал и тихо плакал.

***

Утром, когда санитарка делала обход с судном, разразился неимоверный скандал.

– Я же предупреждала всех! Что ты натворил! Кто теперь всё это будет убирать! – торопливо отмывая Костю от всех случившихся неприятностей, кричала санитарка. А Косте теперь казалось, что это происходит не с ним, и вообще он ещё спит, и весь этот кошмар прекратится, когда он проснётся.

Мальчик уже не плакал, а лишь терпеливо наблюдал за проворными действиями санитарки. Когда всё закончилось, Костя впервые услышал голос своей соседки:

– Не переживай, Костя. Я тоже недавно обкакалась...

***

Первого сентября начался учебный год. Первоклассников обучала Зоя Ивановна Лихачёва. Из-за её крупных форм и низкого грудного голоса ребятня за глаза называла её «ЗИЛ», как знаменитый самосвал советской эпохи. Зоя Ивановна хоть и казалась строгой, на самом деле была очень добрым педагогом. На первом же своём уроке она объявила:

– За всю историю обучения детей в нашем санатории у нас никогда не было троечников. Все здесь учатся только на четвёрки и пятёрки.

Честно говоря, иначе в санатории учиться было просто невозможно, потому что, кроме учёбы и лечения, ребятишки больше ничем не занимались. Так и жили. Сначала уколы, затем уроки и снова уколы. После занятий с Зоей Ивановной домашнее задание выполняли вместе с Марией Петровной.

– Итак, ребята, вы все запомнили, чему вас сегодня научила Зоя Ивановна? – спрашивала обычно старшая воспитательница.

– Да!!! – дружно отвечали

– Замечательно! – радовалась их успехам Мария Петровна и тут же добавляла:

– А сейчас мы с вами ещё раз всё повторим.

Так что при всём желании учиться в санатории на тройки было невозможно. При этом и учитель, и воспитатель строго следили за тем, чтобы ребята справлялись со всеми заданиями самостоятельно.

– Ребята, ни в коем случае нельзя подглядывать к своему соседу в тетрадку, а тем более списывать у него. Это ужасно некрасиво – раз. Вы сами себе вредите – два. И я всё равно всё пойму – три, – любила говорить Зоя Ивановна.

– Если кто-то вдруг начнет списывать выполненное вами задание, вы обязаны сразу сообщить об этом мне, – вторила Мария Петровна почти вслед за Зоей Ивановной.

В первый же год такого обучения, Костя, да и остальные дети, навсегда усвоили, что такое «хорошо», и что такое «плохо». В дальнейшей жизни им это нередко помогало, а иногда и мешало. Тогда же они узнали, что пионеры и октябрята – самые достойные и счастливые дети на планете. А самый главный в мире человек – дедушка Ленин.

***

Так лёжа, не вставая с кровати, Костя закончил два класса на одни пятёрки. Как и обещала Зоя Ивановна, троечников в их классе не оказалось. Более того, все детишки прекрасно рисовали, всё что угодно могли вылепить из пластилина, многие хорошо играли в шашки и шахматы. Словом, практически всё, что можно было ребёнку освоить в лежачем положении, они делали замечательно. При этом все разучились ходить. Когда Косте разрешили ходить на костылях, он едва с этим справился. Кружилась голова и трудно было держать равновесие. В это время особенно часто приезжала бабушка. Она, по сути, снова, как и в раннем детстве, помогала Косте встать на ноги и самостоятельно сделать свои первые шаги, хотя ещё с помощью костылей.

Теперь в каждый свой приезд Феоктиста Матвеевна привозила Косте новую, сшитую ею рубашку, а то и брюки. Вместе они подолгу гуляли по лесу среди сосен.

***

К середине лета Костя уже мог не только свободно передвигаться без костылей, но и бегать без устали по всей обширной территории санатория. Беспокойно и в то же время радостно следя за внуком, Феоктиста Матвеевна не переставала молиться и всегда старалась украдкой перекрестить Костю. Как-то, заметив это, мальчик спросил:

– Баб, а кто главнее – Бог или Ленин.

– Бог, Костенька, выше всех людей.

– А он был пионером?

– Нет, внучек.

– А кем он был?

– Он был и есть Спаситель наш.

– А как это?

– Разве это он меня вылечил?

– Он, внучек, Он.

***

Пришло время покидать санаторий. Счастливый Костя весело прощался с друзьями, оставляя им на память о себе свои тетрадки, рисунки, краски, карандаши и прочие, как ему казалось, не нужные в будущей новой жизни, предметы.

– Это тебе, Женька, – положил он новую коробку пластилина на кровать своего друга.

– Если не понадобится, на мороженое выменяешь. И вот ещё, держи. – Костя протянул уже чуть ли не плачущему от предстоящего расставания Жене листок с его портретом, нарисованный Костей акварельными красками.

– Жалко, Ленку уже выписали. Её портрет я так и не дорисовал.

В руке Кости остался только один листок с карандашным наброском синеглазой первоклассницы.

***

У выхода из палаты Костю взяла за руку Мария Петровна.

– Горе ты моё луковое. Ох, и скучно нам будет без тебя. Веселись теперь на свободе. Ну и про нас не забывай. А мы тебя, Костюшок, ещё долго будем помнить! – причитала воспитательница, в последний раз ведя мальчика по коридору санаторного корпуса. А на крыльце их уже поджидали его мама и бабушка в сопровождении главного врача, который возбуждённо говорил им:

– Поверьте мне, с таким заболеванием редко кто остаётся без инвалидности. Это совершенно уникальный случай. По крайней мере, в моей практике такого ещё не было. Полная регенерация сустава. Рецидивов, судя по рентгеновскому снимку, быть не должно! Вот держите все документы. И храните их обязательно.

Врач передал Тамаре большой толстый бумажный конверт и, потрепав Костю по голове, добавил:

– Не знаю как космонавтом, а хоккеистом, парень, ты теперь точно можешь стать!

– Спасибо вам всем огромное, не знаю даже, как вас отблагодарить... – явно волнуясь, сбивчиво залепетала Тамара.

– Главное, больше не болейте! – быстро отреагировал доктор.

– Да уж постарайтесь, – сквозь накатившие слёзы поддакнула Мария Петровна.

– Храни вас Господь! – попрощалась со всеми Феоктиста Матвеевна, и, взяв Костю за руки, они с Тамарой повели его к выходу из санатория.

***

К тому времени мама с бабушкой уже жили в городской квартире. В Тюмени «Москвич», на котором они приехали, остановился возле большого пятиэтажного дома. Теперь Костя даже в родном учхозе почувствовал бы себя неловко, а тут целый город, да ещё совсем незнакомый. В общем, поначалу Костя сильно оробел. Ещё не войдя в квартиру, он захотел вернуться обратно в свой санаторий. В квартире, хоть и удобной, тоже было скучно.

– Вот, Костя, привыкай к новой обстановке. Теперь мы здесь будем жить, – радостно объявила мама.

– А папа?.. – неуверенно спросил Костя, до сих пор стеснявшийся задеть этот вопрос.

– Папа?.. Папа будет тебя навещать по выходным. Хочешь погулять? Иди, познакомься с ребятишками. Их тут у нас много во дворе.

***

Во дворе, закрытом со всех четырёх сторон одинаковыми, как близнецы, пятиэтажками, Костя сразу увидел нескольких мальчишек примерно своего возраста, топтавшихся на небольшом пятачке неподалеку от песочницы. Вот только с ходу подойти к ним он не решался. Сев на скамейку, Костя искоса поглядывал, как ребятишки по очереди метали нож, ловко вонзая его в землю. Общую тишину нарушил громкий женский голос, доносившийся из какого-то окна:

– Андрюша, иди кушать.

– Мам, да я не хочу пока, – вяло отозвался один из метателей ножа.

– Иди сейчас же, я кому сказала, – снова раздалось из окна, и Андрюша, опустив голову, нехотя поплёлся к своему подъезду.

– Эй, Андрей, – окликнул его старший по виду из оставшихся ребят.

– Чё? – даже не оглядываясь, ответил тот.

– Держи хрен бодрей! Вот чё!

Все мальчишки ехидненько захихикали. А старший сразу переключился на давно замеченного им Костю и коротко бросил в его сторону:

– Эй, пацан, ну-ка, иди сюда.

– Я? – неуверенно переспросил Костя, озираясь по сторонам.

– Да ты, ты, – подтвердил заводила под смешки своих друзей. А когда Костя подошёл к ним, он вполне миролюбиво спросил:

– Тебя как зовут?

– Костя, – тихо ответил мальчик.

– А меня Миша. А это Серёга, Вовка и Славка, – быстро представил он своих друзей, оценивающе смотрящих на Костю.

Ты в каком классе?

– В третий перешёл.

– Я тоже.

Значит, тебе десять лет?

– Нет, я с восьми пошёл.

– Одиннадцать?

– Нет, я в первом классе долго свинкой болел, и пришлось переучиваться.

– Значит, тебе двенадцать?

– Нет, его во втором тоже на второй год оставляли, – вмешался в разговор худощавый жилистый Славка.

– Мне недавно тринадцать исполнилось, – подытожил Мишка.– Будешь с нами играть вместо Андрейки?

– Я не умею... – признался Костя.

– Ты чё, больной, чё тут уметь-то? – встрял снова Славка и сразу продолжил:

– Вот круг – это наша земля. Андрейка уже самый большой кусок оттяпал. Вставай на него и втыкай нож в чужие клочки.

– Если попадёшь, ещё себе напластаешь. Промажешь – мы у тебя отрежем, – продолжил объяснять незатейливые правила пухленький Серёга.

– Ну давай, метай, – предложил Миша, передавая нож Косте. Мальчик робко взял

«складышок» за ручку и неловко бросил его в землю. Нож, ударившись плашмя, выкатился далеко за круг. Ребятишки расхохотались ещё сильнее.

– Он точно больной, – давясь от смеха и хватаясь, согнувшись, за свой живот, гоготал Мишка.

– Нож кидает, как инвалид... ха-ха-ха, – не унимался он.

Слово инвалид подействовало на Костю, как красная тряпка на быка. Ни один тореадор теперь не смог бы его сдержать. Завязалась потасовка, в которой Мишка заработал фингал под левым глазом, а Костя – прозвище Психопат. Откуда у него оказалось столько сил и энергии, он и сам не знал.

***

Домой Костя вернулся совершенно спокойным, ничуть не выказав того, что с ним произошло. Благо, драка не оставила на нем абсолютно никаких следов. Он лишь почти незаметно испачкал свою одежду, когда барахтался с Мишкой на земле. На вопрос матери:

– Ну что, Костя, познакомился с кем-нибудь? – Мальчик ответил, как ни в чём не бывало:

– Конечно, мам. Я же не в лес ходил. А ты кому-нибудь говорила здесь, что я болел?

– Нет. А кому мне было говорить? Нам с бабушкой уже поздно с мальчиками дружить.

– А с дяденьками?

Наступила тишина, которая, как показалось Косте, длилась целую вечность.

– Костенька, разве можно так с матерью разговаривать? – промолвила бабушка, после того как её дочь молча вышла из комнаты, оставив их с внуком одних.

– Я больше не буду. А что такое хрен?

***

Постепенно Костя сдружился со всеми дворовыми ребятишками и даже начал быстро осваивать уличную лексику без бабушкиных консультаций. Наоборот, бабулины советы стали раздражать мальчика.

Однажды Феоктиста Матвеевна, проходя по двору, увидела, как её внук заправски, не хуже других мальчишек, обращается с ножом, ловко вгоняя его в землю по самую рукоять. Бабушка тут же машинально перекрестила себя и Костю. Конечно, это не осталось незамеченным ребятнёй.

– Смотрите, пацаны, у Психопата бабка тоже ненормальная. Крестится как попадья... – закричал Мишка, который не расставался с мыслью как-нибудь отомстить Косте за полученный от него фингал.

На этот раз Костя не стал разбираться с Мишкой. К тому же Мишка перестал скалиться, заметив, что Костя вопреки правилам игры слишком долго не расстаётся с ножом. После затянувшейся паузы Костя наконец передал нож Славику и подошёл к своей бабушке.

– Зачем ты это делаешь? Нет никакого Бога! А меня из-за тебя в пионеры не примут.

Феоктиста Матвеевна, даже не взглянув на внука, развернулась и, опустив голову, медленно пошла домой.

***

Вечером по телевизору в программе «Время» объявили, что американские космонавты высадились на Луне.

– Вот видишь, бабушка, нету там никакого Бога. Если бы Он был, американцы бы его обязательно увидели. Правда, мама? – обратился Костя за поддержкой к маме, поскольку бабушка с ним перестала разговаривать. Но, вопреки Костиному ожиданию, мама его не поддержала:

– Рано тебе ещё об этом. Завтра утром отец за тобой приедет. Иди спать, а то не проснёшься ведь вовремя.

***

Наутро Костя, уже напрочь забыв о ссоре с бабушкой, довольно смотрел по сторонам из окна отцовского «уазика». За городом, на просёлочной дороге, Володя усадил сына на колени и позволил ему «немного порулить».

А когда они удобно устроились с удочками на берегу озера, Костя всё же решился спросить у отца:

– Папа, а почему ты с нами не живёшь?

– Понимаешь, сынок, мне нужно уехать далеко-далеко.

– И что, я тебя больше никогда не увижу?

– Да нет, почему? Я вам буду помогать...

– Как Бог?

– Почему как Бог?

– Мы его тоже не видим, а он нам помогает. Так бабушка говорит.

– Положим, меня ты будешь всегда видеть. А Бога, я думаю, тоже когда-то мы все встретим. Знаешь, как Гагарин говорил?

– Как?

– Он говорил: «Мы все когда-нибудь отсюда улетим». А раз улетим, то, значит, и Господа повстречаем.

– Так, значит, Он всё-таки существует?

– По крайней мере, я верю в это.

– А Гагарин Его видел?

– Ну, этого никто не знает кроме самого Гагарина.

***

Осенью Костя пошёл в третий класс. В обычной, не санаторной школе учиться было намного проще. Косте показалось, что его новая учительница была не такой требовательной и строгой, как Зоя Ивановна. Задания, которые она давала, Костя уже прекрасно освоил в санатории. Поэтому домашнюю работу тоже можно было не выполнять,

если она не письменная. И вообще выяснилось, что Костины знания были значительнее и обширнее, чем у его теперешних одноклассников. Костя по-прежнему, как и в санатории, получал по всем предметам пятёрки, даже по физкультуре, которую он посещал с особым удовольствием. Но случались и казусы, особенно в первое время. Так, на уроке русского языка во время диктанта Костя заметил, что его соседка подглядывает к нему в тетрадь, и тут же сообщил об этом учительнице:

– Ольга Юрьевна, а Семанюк слизывает у меня!

– Ничего я не слизываю, я просто подсматривала за ним, – оправдывалась девочка под дружный смех всего класса. Но, к удивлению Кости, оказалось, что ребята хохочут вовсе не над его соседкой, а над ним самим. И Ольга Юрьевна также сделала замечание только ему:

– Попов, ябедничать нехорошо!

– А Зоя Ивановна говорила, что даже подглядывать некрасиво, и что...

– Я не знаю и знать не хочу, что говорила твоя Зоя Ивановна, здесь ты будешь вести себя, как я говорю. Ты понял меня, Попов?

– Понял, – насупившись согласился Костя, но это его всё равно не спасло от чуть было не приклеившегося обидного прозвища Ябеда. После уроков ему снова пришлось драться. На этот раз с одноклассником Вовкой Сидоровым, который первым стал называть его Ябедой. Пусть лучше Психопатом называют, – думал Костя, отвешивая тумаки уже пожалевшему о своих словах Вовке.

***

Наступила зима. Косте казалось, что он никогда в жизни не лечился ни в каком санатории. Мальчишка после учёбы целыми днями пропадал на дворовой ледовой площадке. Однажды, в один из чудесных зимних дней, какие бывают только в Сибири, Костя, придя из школы, хотел, как всегда, быстро перекусить и отправиться гонять шайбу, но обнаружил свою бабушку лежащей в постели с повязкой на голове.

– Что случилось, бабуля? – встревоженно спросил мальчик.

– Захворала я, внучек. Никак подняться не могу. И обед тебе не смогла сготовить. Ты бы сбегал в пельменную, купил пельмешек. И я бы с тобой покушала. Только попроси с бульоном, пожалуйста. Деньги и посуду я тебе уже приготовила. Возьми там, в прихожей.

– Я быстро, баб. – Костя схватил литровую стеклянную банку с полиэтиленовой крышкой, сгрёб мелочь и стремглав выбежал на улицу. Пельменная находилась в соседнем дворе. Но именно в это обеденное время народу там было – не протолкнёшься. Отбив в кассе две порции, Костя, не вставая в очередь, сразу подскочил к нескольким рабочим, стоявшим первыми.

– Дяденьки, мне две порции всего. Бабушке надо. Она болеет и вставать даже не может, – взмолился Костя.

– Бабушке, говоришь? – отозвался грузный мужчина в телогрейке. – Бабушка это святое, бери, конечно.

– Спасибо большое, – и, подавая банку и чек повару, мальчик заученно отрапортовал:

– Две с бульоном, пожалуйста.

***

На улице, несмотря на небольшой морозец, Костя не смог долго нести банку с пельменями в руках. Рукавицы он забыл впопыхах дома, и горячущий бульон теперь сильно обжигал пальцы. Когда нести банку стало уже совсем невмоготу, мальчик поставил её в снег, решив немного остудить. Каким же было его удивление, когда стекло, вдруг неожиданно затрещав, лопнуло у него на глазах! Костя, сев на колени перед быстро растекающимся бульоном, ревел впервые в жизни не незаметно и тихо, а громко, во весь голос, что было сил.

Когда шок прошёл, мальчик осторожно поднял банку, благо она, треснув, всё же не развалилась. Бульон ещё протекал, обжигая руки, но Костя этого уже не замечал.

Забежав в квартиру, мальчик сразу бросился к бабушкиной кровати. Феоктиста Матвеевна неподвижно лежала с закрытыми глазами. Костя осторожно поставил на пол банку с пельменями и тронул бабушку за руку:

– Баба, ты спишь?

Но бабушка почему-то не отвечала. Тогда мальчик стал дёргать её за ту же руку и истошно кричать:

– Проснись же, проснись, бабуля, родненькая моя!!!

Всё было тщетно. Бабушка не отвечала. Её рука безжизненно повисла на краю кровати. Увидев это, Костя шагнул к окну и упал на колени в том же месте, где бабушка обычно молилась Богу.

– Господи Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй мя, грешного, – кричал мальчик, не успевая вытирать ручьём бежавшие слёзы.

– Боженька наш, сделай, пожалуйста, так, чтобы моя бабушка не умирала. Я знаю, боженька, что ты есть! Только услышь меня, боженька! – продолжал кричать Костя, рыдая.

– Костик, зачем ты так кричишь? – сквозь свой собственный крик Костя едва расслышал бабушкин голос. Обернувшись, он увидел её сидящей на кровати, живой и невредимой.

– Ты пельмени нам купил? – сонно спросила бабушка своего непутёвого внука.

P.S. Через год Феоктиста Матвеевна умерла. Когда Костя вырос, он стал профессиональным хоккеистом.

Привет!

Слава, не заинтересуешься ли нашим популярным в определённых хантыйских слоях поэтом Андреем Лонгортовым? По моей просьбе он решился отправить на твой беспощадный суд некоторые свои стихи. Но в народе-то популярен совсем другим, пародией на «лидеров» Ассоциации «Спасение Югры» и Ассамблеи коренных народов. Лонгортов был другом Ювана Шесталова, теперь наш друг.

А Тимофей-то Молданов покончил с городской жизнью, ушёл в оленеводы, теперь улучшением оленьей породы занимается.

Олени-то таёжные совсем крошечными стали из-за постоянной покупки тундровых оленей с Ямала. Теперь будут приобретать таёжных, кажется, с Эвенкии, но с Красноярского края это точно.

Татьяна МОЛДАНОВА

г. ХАНТЫ-МАНСИЙСК

Андрей ЛОНГОРТОВ

***

Счётчик добычи нефти 10 000 000 000 тонн!

Югра может гордиться очередным достижением: 22 февраля общий объём добытой нефти на здешних месторождениях преодолел отметку в 10 миллиардов тонн. Не каждый нефтегазоносный регион может похвастаться таким уровнем добычи – свыше 70 млрд. баррелей...

Журнал «Промышленность и экология Севера» № 2, 2012 год, с.7

Югра. Она как девочка.
Молодая-молодая.
И красивая.
На волосьях кудрявых –
Бантики.
Белые. Пышные.
И шаги она делает
быстрые.
На лице у неё улыбка.
Озорная она,
как мальчишка.
Целый день она скачет,
как мячик.

Самое народное здание Югры (г. Белоярский). Экоцентр «Нуви ат»

Ночью спит, как убитый
солдатик.
Наша девочка добрая.
Наша девочка умница.
Наша девочка любит
трудиться.
Ну, как такою девочкой
Нам с вами не гордиться!

Ханты-Мансийск
3 сентября 2012 года

***

Белому Стерху

Рыцарю гуманитарной педагогики
Лауреату Государственной премии РСФСР им. М.Горького
Лауреату Международной премии им. М.А. Шолохова в области литературы и искусства **Ювану Николаевичу Шесталову**

Нам с тобою повезло.
Мы с тобой накроем стол.
Мы с тобою посидим.
Мы с тобой поговорим.
Жизнь – Костёр,
Крапива,
Ключ.
То горит,
то жжёт,
то бьёт.
Жизнь – Игра.
Играем мы.
Жизнью наслаждаемся.
На одной волне с тобой.
На одном дыхании.
Бесконечно открываем
тайны мироздания.
Крылья длинные. Летим.
Крылья крепкие. Парим.
Безмятежность.
Нет границ.
Это состояние –
наше достояние.
Жизнь как Песня.
Широкая.
Глубокая.
Бескрайняя.
Высокая.

Ханты-Мансийск
30 апреля 2011 года

***

Россия, вперед!

Вперед! Вперед!
Болотный край! Давай
Россию выручай!

Наша почва.
Наша почва.
Травяная. Моховая.
Наши реки.
Наши реки.
Заливные берега.
Наши тёмные леса.
Дрём.
Дремучая тайга.
Наше небо голубое,
все рассветы и закаты,
и конечно К-О-М-А-Р-Ы!
Наше солнце.
Наши звёзды
и бегущие ручьи.
Мы купаемся!
Плывём!
Ква-ква-ква
всю жизнь поём!
У нас комфортная среда!
Чистота и тишина!
Дальним звоном
песни льются –
Ква-ква-ква!
Ква-ква-ква!
Золота наша Земля!
Ква-ква!

Ханты-Мансийск
18 июля 2012 года

Андрей Лонгортов родился в 1975 году в городе Салехарде. После смерти матери воспитывался в детском доме. В 2000 году окончил Уральскую государственную юридическую академию. Живёт в Ханты-Мансийске. Женат. Имеет двоих детей.

БЕРЕНДЕЕВА РЕКА

Валерий ПОВОЛЯЕВ

Осень на севере – очень живописная, глаз не отвести, если сразу за Сыктывкаром почти все деревья ещё сохраняли летнюю зелень, то в двух сотнях километров от города, ежели брать по карте вверх, всё было уже жёлтое, горело ярко и светло, тёмными, зелёными оставались только ели с соснами.

До посёлка Чинья-Ворык дорога шла отменная – новенький асфальт, а вот от Чинья-Ворыка к реке Вымь – просёлок, по которому совсем недавно, какие-то два года назад, на машинах возили красный бокситовый глинозём, – совсем разбит. Ну просто вдребезги разбит. Неужели эта дорога никогда больше не понадобится Республике Коми? Ведь это же Север, а нормальные дороги – один из способов освоения Севера, особенно такого непростого, как наш, российский. На статридцатикилометровом отрезке, ведущем от Чинья-Ворыка к реке Вымь, только несколько километров были более-менее приемлемыми, и у людей, сидящих в машинах, не клацали зубы в пути, а у автомобилей не отваливались колёса, всё остальное было ухаб на ухабе, канава на канаве, промоина на промоине. Плюс ко всему на дорогу часто сваливались сбитые ветром деревья, поэтому всякий шофёр тут отправляется в путь обязательно с пилой, иначе до конечной точки ему не добраться.

Много красной бокситовой пыли, древние глухари, выходя на дорогу, не узнают своих подружек – и отчего это они больше походят на фазанов, чем на красавиц глухарок? Хлопает иной глухарь красными глазами недоумённо, и совершенно неведомо ему, что он сам такой же красный, незнакомый, больше похож на обезьяну, чем на глухаря. В густой пыли, поднимаемой на этой дороге машинами, погибают люди. Недавно погиб молодой подполковник, начальник одной из колоний. Хороший, говорят, был человек, его машину смял ослеплённый столбом пыли встречный грузовик.

На дороге, на обочине, в том месте стоит крест, на кресте висит свежий венок.

На балансе дорога находится у ОАО «Бокситы Тимана», руководимого Радько Сергеем Васильевичем. Привлечь бы этого Радько к уголовной ответственности за то, что гробит живую дорогу, столь нужную здешней земле. Тут явно есть поле деятельности для транспортной прокуратуры, а заодно и прокуратуры природоохранной...

По Выми плывут листья, торопливо уносятся вниз, а вверх, также торопливо, идёт сёмга – огромные самцы с крючковатыми зубастыми носами, много реже самцов проплывают изящные самки, среди которых также немало крупных особ.

Путь, который приходится проделывать рыбе, огромен: из Белого моря сёмга заходит в устье Северной Двины, где её поджидают хищные белухи, целые стаи – этот страшный кордон сёмге надо пройти, но самые страшные кордоны у рыбы впереди, это – браконьеры. Сёмгу ждут на каждом участке тысячекилометровой Двины, пятисоткилометровой Вычегды, пятисоткилометровой Выми: люди перегораживают воду сетями, бьют острогами, ночью ослепляют неподвижных рыбин автомобильными фарами, колют вилами, рубят топорами – делают всё, чтобы сёмга исчезла как вид...

А сёмга не исчезает, всё идёт и идёт в места, где когда-то родилась и куда её ведёт зов крови. Прорываются к родным копкам единицы. Там самец копает каменистое дно, сдвигая в сторону крупные булыжины, которые иногда и человеку бывают не под силу, эти места так и называются – копки, в них самки откладывают икру.

Отложив икру, полудохлые, вялые, находящиеся в обморочном состоянии

самки скатываются вниз, уходят, а самцы остаются, чтобы не дать хариусам съесть икру, а потом – крохотных мальков, отгоняют их, и лишь затем, уже через несколько месяцев, когда мальки немного подрастут, уходят сами.

Мальки в Выми живут три года, после чего проделывают тот же самый трудный путь, что проделали и их родители, – проходят три тяжёлых реки и оказываются в Белом море. В море набирают вес, нагуливают силы и жир и пяти-восьмикилограммовыми ладными рыбинами возвращаются назад, в родную реку Вымь, чтобы сделать в камнях первую свою копку и отложить в неё икру.

На чёрном дне Выми – а тут есть места очень глубокие, по тринадцать-пятнадцать метров, – видны светлые пятна – это следы сёмужьих копок. Дай бог, чтобы копок этих было больше.

Группа у нас получилась большая: Юрий Ильич Скуратов, доктор наук, профессор, очень популярный в России человек – все помнят, как он, будучи Генеральным прокурором страны, противостоял Ельцину и Семье, засевшей на Кремлёвских холмах, зовём мы Скуратова Маршалом, что соответствует большим маршальским звёздам, которые он носил на своих прокурорских погонах; Станислав Иванович Коткин, создавший в Республике Коми свою природоохранную зону размером в восемьдесят с лишним тысяч гектаров. И всё – первозданная тайга с непуганным зверьём и птицами.

Конечно, браконьеры и сейчас стараются проникнуть в заповедник Коткина – ну будто тут глухари слаще, чем, например, на реке Чёрная Рысь, но сейчас они лютуют много меньше, – почти на порядок, – чем лютовали раньше. В общем, Коткин придерживается строгих правил и заповедник через несколько лет будет ещё лучше, чем сейчас, в этом я уверен твёрдо.

В состав нашей экспедиции вошли также землеустроитель из Москвы Сергей Петухов, врач из Сыктывкара Александр Лебедев и гость из Венгрии Ласло Мольнар. Ласло окончил в Питере Артиллерийскую академию, служил у себя на родине в армии (хотя просился в армию советскую, но его не отпустили сами венгры), дослужился до подполковника... Были ещё четыре егеря – сотрудники заповедника. Вот такая получилась команда – очень сплочённая, замечу на всякий случай.

Места здешние – нетронутые, есть вообще углы, где по пятьдесят-семьдесят лет не ступала нога человека.

В верховьях Выми на приподнятом над водой крутом берегу стояло зимовье, потом время съело его, зимовье завалилось, место то быстро заросло травой, замусорилось, и сейчас уже ничто не напоминает о том, что здесь когда-то были люди, жили, ловили рыбу... А они были, они ловили рыбу, только тайга скрыла их следы.

А вот река не скрыла, сохранила. Спуски с берега, стоянки для лодок, ровно разлинованные участки для заброса сетей. Коткин даже нашёл умело сколоченную дверь зимовья, укреплённую клиньями-поперечинами, чтобы какой-нибудь шальной медведь не выдавил её.

На двери ножом вырезаны две «дневниковые» записи. «27 марта 1937 г. КСЧ ПСЧ ЭГА» – аббревиатуры в ту пору были модны (впрочем, не только аббревиатуры), вторая запись была более старая, сделана с ошибками: «Жыли в 1918 г. осеню...» – дальше ничего нельзя было прочитать, всё съело время.

Реку Вымь мы прозвали Берендеевой рекой – она таинственная, колдовская, полная загадок и трагедий. Опасная река.

Километрах в двенадцати от базы Коткина, вниз по течению, стоит большой деревянный крест с чёрной мраморной доской. Здесь три года назад ноябрьским утром погиб Тишкин Сергей Николаевич – начальник Главного управления МЧС по Республике Коми. Он шёл на аэроботе по шуге вверх по реке. Было морозно, но Вымь ещё не встала. На одном из поворотов в ветровое стекло плеснула волна, и стекло мигом замёрзло, сделалось незрячим, а водитель-прапорщик – ослеплённым. Аэробот на скорости врезался в упавшее в реку дерево, насадился на него, как шашлык на шампур. Всё произошло в считанные миги. Двух славных людей не стало.

Это берёт свою дань Север, он всегда брал её. Фамилия Тишкина – дворянская, занимает почётное место в списке фамилий, много веков защищавших наше Отечество.

Через несколько дней мы вернулись на Большую землю. Юрий Ильич Скуратов предложил издать по результатам экспедиции книгу. Фонд, который он возглавляет, берёт расходы на себя, сам же он напишет предисловие. «Литературная Россия» в стороне, естественно, не останется...

Хорошее это дело – северная книга, рассказ о людях, которые были и которых уже нет, о тех, кто жив и продолжает дело ушедших.

Москва – Сыктывкар – Чинья-Ворык – р. Вымь

СОВРЕМЕННАЯ ИНДЕЙСКАЯ ГРАФИКА,

ИЛИ В ЕКАТЕРИНБУРЖЬЕ СНЫ ОСЬМИНОЖЬИ

Александр ВАЩЕНКО

Тиви Нингеокулук. ***На поверхности***

Сразу следует сказать о главном: в прошедшем июле-августе сего (2012) года большей части Екатеринбурга, несомненно, беспробудно снились осьминожьи сны. И это не патология. Просто дело в том, что в город приехало собрание графики североамериканских индейцев. И прямо в Музей изобразительных искусств. Назвали эту выставку совсем загадочно: «Сны осьминога». И захочешь не пойти – ноги сами приведут!

Если заглянуть в каталог выставки, загадка названия чуть снимается: таков образ Н. Скотта Момадэя, известного индейского современного поэта, прозаика, драматурга, эссеиста, оригинального художника-графика:

Ночью в тёмной морской
глубине
снятся ли осьминогу сны
обо мне?

Кстати, две работы Момадэя – «Воин-бизон» и «Куколка племени Кайова» представлены на выставке.

Но всё же, как ни объясняй, – чудо не уходит, а только обступает, и к нему, конечно, нужен особый комментарий.

Во-первых, то, что произошло – выставка искусства североамериканских индейцев – в нашей стране явление уникальное. Это происходит впервые: почти двести работ сорока современных индейских графиков – это, вообще говоря, очень немало! Кроме того, не могу себе представить, чтобы в современных США – быть может, по другим причинам, но всё же – где-либо могла состояться экспозиция подобного масштаба! Сталкиваться с таким мне не приходилось. И, надо сказать, эта выставка в нашей стране давным-давно назрела и, говоря исторически, даже «перезрела»! Почему? Потому что интерес к культуре и искусству индейцев – давнее пристрастие российской публики: научного сообщества, любителей и просто людей с улицы. Потому что в стране сложилась школа сравнительного изучения культур вообще и североамериканских индейцев – в частности. Естественно, за этим стоит определённая история. За последние десять лет состоялось две выставки в этом роде: Кроссроудс оф континентс: «Перекрестки континентов: культуры Сибири и Аляски» (1988 г.) и, несколько лет назад, совместная экспозиция кочевых культур Америки и Азии в Самарском музее. Из тематики становится видна ещё одна причина, по которой индейские культуры и их искусство нам близки: потому что в Российской Сибири издавна жили «братья» североамериканских культур – коренные народы Сибири, люди, по мировосприятию и складу культуры самые родственные им на земле. Кстати, литературные встречи тех и других, хотя и спорадичные, тоже уже начались. Так, вышла в свет в Америке первая антология литератур коренных народов Сибири, «Путь родства» (2010 г). И есть у нас свои художники, выходцы из культур коренных народов Сибири.

Но чтобы индейская графика... Правда, стоит напомнить, что ещё в декабре 1993 года в Доме правления Союза художников в Москве состоялась совместная выставка графики Н. Скотта Момадэя и хантыйского художника Геннадия Райшева под названием «Круги времён» – напоминаю ради справедливости, а не потому, что способствовал её организации. Но, конечно, всё, что было раньше, сравнивать трудно: камерное в основе мероприятие и нынешний выход на широкую публику. Место серьёзного этнического искусства в современной глобалистски ориентированной цивилизации, мягко говоря, неоднозначно. Событие такого значения подготовить в плане организационном непросто. Без чудес тут никак не обойтись. Поэтому следует сказать доброе

слово в адрес «инициативной группы».

С американской стороны – многолетнее творческое содружество Беверли Моррис, независимого продюсера, с книгопечатником-графиком Чарльзом Джоунсом, по логике некоторых новых знакомств, и привело к идее развернуть выставку «Изобразительное творчество североамериканских индейцев на бумаге» в России. Автору посчастливилось побывать в гостях у Беверли в её гостеприимном доме в Санта-Фе, летом 2010 года, когда он сопровождал первый визит литераторов коренных народов Сибири на встречу с их американскими «соплеменниками» в

Худ. Джоджола Дебора

Институте Искусств Американских Индейцев. Тогда-то Беверли и поведала мне о плане грядущей выставки. Теперь план воплотился в жизнь. Огромное спасибо тебе, Беверли!

С российской стороны стоит выразить благодарность московскому куратору проекта, Андрею Мартынову, а также директору Екатеринбургского музея изобразительных искусств Никите Николаевичу Корытину, согласившемуся приютить у себя индейских «осьминогов» на два летних месяца 2012 года... Конечно, заметную роль сыграло и такое «совпадение», как наличие в Екатеринбурге Американского генконсульства и американского же культурного центра – понятно, что без их помощи многое оказалось бы трудно преодолимым.

И всё же сама дата открытия застигла меня врасплох. Мы только успели встретиться с Беверли в Москве, как через день она уже отбывала в Екатеринбург. Зато удалось спокойно побеседовать с двумя индейскими художницами, Линдой Ломахафтева (хопи/чокто) и Деборой Хохола (химес/ислета). Им предстояло лично представлять индейскую графику – в том числе и собственными работами на выставке. Линда преподаёт искусство в ИИАИ, а у Деборы в Санта-Фе своя студия. К числу кураторов добавилась и Сьюзан Фрик, искусствовед-историк из Санта-Фе.

Я был приглашён на открытие американской стороной, пусть и в частном порядке, и потому решил по собственному почину отправиться в стольный город Екатеринбург, чтоб хоть одним глазком подсмотреть осьминожьи сны... Я прекрасно понимал, что Екатеринбургу повезло, и что Москва и Петербург выставки не увидят, а мне как специалисту в соответствующей области непростительно не повидать всё воочию. Что я скажу многочисленным друзьям и знакомым, чьи интересы сходны, а они-то меня уж точно станут расспрашивать о выставке?

Теперь я могу рассказывать всё как свидетель. Конечно, весь материал выставки – индейские художники и их работы – явились для устроителей и публики полным откровением, ведь ничего подобного у нас раньше не было. Если в Москве и Питере существует традиция изучения данного явления, то в Екатеринбурге её нет, также как нет и сопоставимых с индейским искусством местных явлений. Таким образом, задача перед устроителями выставки стояла весьма грандиозная. Но прекрасный по дизайну полный каталог выставки, изящно выполненные плакаты и пригласительные билеты по высшему разряду «вводили» заинтересованного посетителя в то, что ему предстояло увидеть. На открытии, да и в последующие дни экспозиции звучала традиционная индейская музыка...

Но что же можно сказать о самом шоу? Прежде всего, невозможно отказать составу художников в разнообразии. Такую цель сознательно ставили перед собой американские устроители. Представлены основные историко-культурные области и сложившиеся на их территории стили (правда, при отсутствии Калифорнии и Озёрно-лесного региона). Добавим, что перед нами выставка именно современной индейской графики: самые старые работы относятся к 1990-м годам, тогда как большинство – к 2000-м, причём немало и совсем свежих. Конечно, представлены именно ныне живущие художники, а значит, среди них немало и совсем молодых, не столь известных и у себя на родине. Между прочим, хотя это и не заявлено в названии, немаловажно присутствие на выставке эскимосских (инуитских) работ – столь известных канадских графиков, как Ашуна, Миккигак и Тиви. Их произведения принадлежат к числу наиболее ярких во всей экспозиции. Существенно, что в состав выставки вошли как аборигенные художники США, так и канадцы. В целом же к числу «знаковых» имён нужно отнести Н. Скотта Момадэя, Лесс Лай Сэма, Боба Хозоса, Жон Быстрый Глаз

Смит и Дэна Намингу – это известные мастера, уже сделавшие себе имя на национальном уровне. Остальные представляют собой феномены либо развивающиеся, либо характерные, хотя и не всегда. Можно понять тех, кто отбирал материал для выставки, – дать художников помоложе и представить самый широкий разброс стилей и манер. Однако порой, надо сознаться, это приводило к тому, что оказались в числе отобранных работы, которые трудно причислить либо к индейским, либо к изобразительному искусству. С этой точки зрения, не по формальным соображениям, а по сути, «мимо» цели «пролетают» работы Джеймисона Бэнкса, большинство работ Линн Аллен, Чар Тетерс, Алекса Пена, Майкла Маккейба, Ретта Линча, Майкла Наминги, Монтгомери Литтла, Джефа Кама, Лузен Хилл, Эдгара Стаи-Птиц и некоторых других. Это, пожалуй, многовато для реализации задач, поставленных перед выставкой такого рода.

К счастью, они не слишком влияют на основной тон, задаваемый выставкой. Очень помогло созданию конкретного контекста для верного восприятия «обрамление» экспозиции – так сказать, приятные сюрпризы: выступления Линды Ломахафтева и Деборы Хохола, фильм Беверли о Дэне Наминге, показанный на второй день экспозиции, и слайд-шоу Сьюзен Фрик. Вкупе с пространной статьёй индейского искусствоведа Шанны Кетчум Стаи Птиц, открывающей каталог выставки, необходимый историко-культурный контекст частично был воссоздан.

В беседах обе индейские художницы были солидарны в том, что в творческих исканиях им необходимы «исследования» – другими словами, путь постижения и освоения древних традиций своих народов. Комментируя собственные композиции, Линда рассказала, что её племя, чоктавы, подверглось насильственному переселению ещё в первой половине XIX века в Оклахому; сама она живёт на юго-западе, в Нью-Мексико; поэтому прошлым летом она решила отправиться на свою прародину – в «страну маундов», то есть древних индейских курганов, усеявших юго-восток США. А в это время в Мексиканском заливе как раз произошёл разлив нефти по вине «Бритиш Петролеум», и на прибрежье пострадали тысячи птиц редких пород. «Мои картины написаны в память этих птиц. В нашем традиционном миропонимании, всё взаимосвязано, поэтому, если страдает какая-то часть, страдает всё. Комментируя древний символ рогатого змея, автор поясняет: «В чоктавских преданиях встреча с потусторонним змеем вод означает конец света» – тут присутствует намёк на разрушительное будущее, которое человек сам себе готовит.

А Дебора Хохола помимо картин решила создать инсталляцию. С помощью длинных листов белой бумаги, подвешенных вертикально и расписанных чёрно-белой традиционной символикой, она отгородила наподобие занавеса угол зала. За образовавшейся ширмой прямо на паркете пола воцарилась сама госпожа Природа: вольготно раскинулись каменистые тропки, пролегли извилистые песчаные линии и спирали. На вершине угла водрузилось молитвенное перо. «Взгляд украдкой на мой мир» – так пожелала художница назвать результат. «В мой мир можно заглянуть, хотя войти в него вам нельзя». Получилось что-то вроде традиционного алтаря из святилищ племён юго-запада и одновременно – программное высказывание не тему святости всего на земле, и особенно первооснов – воды, земли, ветра, огня. «Я даю людям возможность выйти из повседневной суеты и соприкоснуться с основными элементами бытия. Есть мир индейцев и белых людей, физический и духовный – и тонкая грань между ними, в которой мы пребываем. Такие композиции – это наши молитвы... Одно-временно они подчёркивают роль женщин и материнства в нашей культуре». Таким образом, инсталляция Хохолы – это сочетание экологического императива с духовным автопортретом. Кстати, все материалы: песок, камни, трава – местные, екатеринбургские.

Масштабная экспозиция современной графики североамериканских индейцев и эскимосов обозначает перед наблюдателем ряд общих тенденций и проблем, выявившихся в аборигенном искусстве за последние полвека. К их числу относится проблема эволюции, пути развития – от традиционности к постмодерну. Позднейшие произведения молодых художников ИИАИ демонстрируют массу внешних влияний: традиционной китайской живописи, японской каллиграфии, европейского постмодерна, американской поп-культуры. И тем не менее, можно отметить наличие некоторых устойчивых компонентов, отличающих аборигенное изобразительное искусство.

Один из них – связь с обрядом. Так, например, перед объяснением своей инсталляции Дебора Хохола произнесла традиционную молитву на индейском языке – обычная процедура перед подобного рода событиями, своего рода благословение происходящему. А из интереснейшего доклада С.Фрик следует, что племена тихоокеанского побережья и сегодня используют искусство в обрядовом контексте: на празднествах-потлатчах раздают в знак обрядовой благодарности композиции художников-графиков, на которых часто присутствуют сим-

волы рода-племени, эмблемы известных семейств. Так индейский художник служит своей общине.

Важно отметить, что критическая тенденция, всегда присутствовавшая в искусстве и литературе коренных американцев, не исчезает и в их современном изобразительном искусстве. Это обстоятельство можно понять: насильственные переселения с родовых земель в резервации, истребление мирных (а то и заведомо союзных!) деревень, экологическая и бактериологическая война и многое другое – такое наследие остаётся в народной памяти навсегда. Поэтому не удивительно, что часто в искусстве североамериканских индейцев такая критика принимает форму сатиры. Эту особенность можно обнаружить в работах Марти Два Быка, Стивена Вуда, Жон Быстрый Взгляд Смит, Линн Аллен.

Невозможно обойти вниманием переосмысление традиции «искусства учётных книг». Эта тенденция присутствует в работах Криса Таппана, Боба Хозоса, Линн Аллен, не говоря уже о том, что открывателем её много раньше явился Н. Скотт Момадэй. Опыт насилия, из которого вышло «искусство учётных книг», то есть из тюремного искусства пленённых индейцев на конторской бумаге – преобразовался в новый способ художественного самовыражения. Здесь текст стал оружием сатиры и эстетическим дополнением самого изображения. Кроме того, опыт «учётных книг» помог сохраниться традиционной пиктографии – стилю календарных летописей, принятых у равнинных кочевых племён.

Практически все сколь-нибудь значимые произведения коренных художников Северной Америки обнаруживают теснейшую связь с природой: как прежде, так и теперь, от неё зависит существование всей их жизни и культуры – рыболовство, охота, собирательство. Поэтому любые образы животных программны в индейской графике – у эскимосских художников, у Марти Два Быка, Америки Мередит и у множества других. И можно видеть, что современному индейцу прерий труднее вернуться к былому наследию (исчезли знаковые элементы культуры – лошадь и бизон), чем жителю пуэбло с Рио-Гранде, эскимосу или представителям тихоокеанских культур: потому что если исчез уклад, то хотя бы живо ещё природное окружение и – в какой-то мере – традиционны их занятия.

Кардинально отличается от постмодернистской игры сакральность самого акта искусства, происходящего на основе аборигенного мировосприятия: за всем, создаваемым индейским художником, ощущается присутствие созидательной магии – если, конечно, этот художник не утратил связи с собственным наследием. Декоративность же служит ему способом раскрыть гармонию мира и всех его элементов. Индейское искусство всё ещё цементируют сильное чувство идентичности и связи с корнями своей культуры, основанное на сакральном к ней отношении. И ещё – присутствие общины. В идеале – искусство сочетает традиционные элементы (ценности, стилевые приёмы) с индивидуальным новаторством авторского разворота этих идей. Можно только восхищаться и одновременно дивиться тому, что традиционная стилевая преемственность ещё проявляется в произведениях целого ряда графиков, отнюдь не умаляя их художественного новаторства. Кстати, искусствоведение США более непримиримо к аборигенному традиционализму, нежели канадское. В Канаде индейское и эскимосское искусство давно сделалось визитной карточкой национальной идентичности – и общественность от этого только выиграла.

На какие же раздумья наводит опыт первой публичной выставки индейской графики в России? Он заставляет задаваться вопросами: стоило бы присмотреться теперь – с чего эта графика начиналась? Хотелось бы представить себе саму традицию – богатейший опыт борьбы за индейское искусство – и достигнутые рубежи в XX веке, как в США, так и в Канаде – опыт в обеих странах весьма различен, хотя предмет анализа один и тот же. В России актуальна была бы самостоятельная выставка эскимосской графики. Не менее желательны персональные экспозиции признанных мастеров – таких, как Скотт Момадэй, чье сотрудничество с Россией длится десятилетиями и уходит ещё в 1970-е годы... Или оджибвейского графика Канады, великого Норваля Морриссо – пусть и посмертно: он оставил после себя целую стилевую школу. Привлекательна была бы выставка одного стилевого направления (школы). Одного региона – например, северо-западного побережья США/Канады.

А если уж вовсе унестись в мечты, то после «снов осьминога» естественно выглядела бы сопоставительная выставка аборигенных художников Северной Америки и России...

Что ж, будем ждать новых встреч – ещё при жизни. Пройдёт год американской культуры в России – и когда-то ещё индейское искусство сюда пожалует. Может, и дождёмся – если не осьминожьих, то снов Пернатого Змея, а то и самого Великого Духа... И не дай бог, чтобы нам довелось увидать индейский вариант Человека-Паука, Роналда-Макдоналда или подражания Джексону Поллоку. Если грезить, то уж по-индейски. Как показывает опыт жизни, сны и мечты сбываются, рано или поздно.

ЯКУТ УВЕКОВЕЧИЛ РУССКОЕ УСТЬЕ

Николай Габышев – учёный

В этом году исполнилось 90 лет со дня рождения якутского писателя Николая Алексеевича Габышева. Состоялись разные мероприятия: вечер в литературном музее им. П.А. Ойунского, встречи с писателями республики на родине юбиляра в Верхневилюйском улусе, в Хомустахе, где он родился поставили памятное сэргэ-коновязь, открыли мемориальную доску, провели презентацию фотоальбома «Рождённый из искры северного сиянья талант», посвящённый жизни Николая Габышева... Всё это ярко свидетельствует о величине вклада в родную литературу писателя, мастера художественного рассказа. Но, к сожалению, недостаточно обратили внимание ещё на одну яркую грань таланта Николая Габышева – увлечённость научными исследованиями. Сегодня, я как живой свидетель этой деятельности Николая Габышева, хочу охарактеризовать его как настоящего учёного-исследователя.

Работая в сороковых годах учителем на Севере, он обратил внимание на особую жизнь и речь жителей Русского Устья. Оказалось, что они, поселившиеся на берегу Ледовитого океана ещё три с половиной века назад, почти полностью изолированные от других народов, сохранили свои древние обычаи, особенно древнерусскую речь и фольклор. А прибыли они туда из-за жестокости Ивана Грозного, уничтожившего своих врагов в Новгороде, послав туда опричников. Вот так образовался маленький островок древнерусской культуры на якутской земле.

Пытливый юноша стал записывать предание, песни русскоустьинцев, влюбился в их самобытную речь. Потом в семидесятые годы прошлого века не раз организовывал радиопередачи с выступлениями своих друзей. А в 1946 году принял участие в работе Научной экспедиции Академии наук по изучению жизни и быта жителей Русского Устья.

Кажется, в конце семидесятых годов прошлого века, когда я работал заместителем директора Института языка, литературы и истории Сибирского отделения АН СССР, к нам приезжал из Ленинграда С.Н. Азбелев. Он был известным фольклористом своего времени, работал в Институте русской литературы Ленинградского отделения Академии наук. Они задумали издать отдельной книгой фольклор Русского Устья (она вышла в 1986 г. – *Н.Т.*). И как он тогда говорил, главная заслуга в этом деле принадлежит якутскому писателю Николаю Габышеву. И, действительно, в предисловии книги «Фольклор Русского Устья» (Ленинград «Наука», 1986) прямо сказано: «Основную часть сборника составляют тексты, собранные в 1946 г. Н.А. Габышевым» (с. 7). А в примечаниях тоже сказано, что словоуказатель составлен Ю.Н. Дьяконовой (тогда она работала в ИЯЛИ, к сожалению, скоропостижно скончалась в совершенно молодом возрасте. – *Н.Т.*), с использованием преимущественно материалов Н.А. Габышева. Прямо скажу,

Н.Габышеву удалось сделать работу, которая не под силу не всякому учёному. Такого успеха добиваются немногие.

По моим подсчётам, в указанной книге 645 текста (в т.ч. много частушек) записаны, подготовлены к печати

нашим юбиляром. Среди них есть балладный текст, признанный специалистом как один из редких, ранних вариантов, бытовавших когда-то в древней Руси.

Одно из достоинств записей Н.А. Габышева состоит в том, что он при работе максимально передавал особенности произношения тех или иных исполнителей:

На пиру були
пьяны-вешелы:
Охто хвастает добрым
конём,
Охто хвастает молодой
женой,
Охто хвастает
жичьиём-быччьём.

А это было очень важно, так как, по мнению учёных Института русской литературы (Ленинград), русскоустьинцы сохранили даже особенности произношения слов древнерусских предков. Они даже передают ныне исчезнувший и обозначаемый буквой «ъ» (ять) звук. Главное же, старательно сохраняли когда-то услышанные от прадедов-праправабушек тексты произведений. По свидетельству Н.А. Габышева, на которого ссылаются русские фольклористы, если кто-нибудь начнёт что-либо добавлять от себя, русскоустьинские слушатели сурово прерывали: «омманывает», «худой сказочник», «врун». Благодаря этому, фольклористы заимели редкую возможность спустя три с половиной столетья услышать максимально сохранившийся, близкий к первоначальному варианту текст устных произведений. Приведём примеры из записанных Н.Габышевым текстов частушек:

№ 406
Твой милёнок закричал
На мою милашку,
Моя милка опоздала,
Выпивала бражку.

№ 407
Сербияночка красива,
Сербияночка на ять,
Носит юбочку коротку,
Все коленочки видать.

№ 417
На столе стоит стакан,
На стакане – таракан.
Если хочешь
познакомиться –
Купи на сарафан и.т.д.

Пример Габышева заразил великого писателя-сибиряка Валентина Распутина. Он раза два приезжал через Якутск в Русское Устье и каждый раз встречался, консультировался с ним. Увиденное, услышанное там так его поразило, что в своей книге «Сибирь, Сибирь...» (Москва, 1991) из восьми глав одну целиком посвятил этому краю.

Уже один только этот эпизод позволил бы отнести Николая Габышева к разряду учёных людей. Но в 1947 году известный прозаик, основоположник якутской литературной критики Николай Максимович Заболоцкий (впоследствии взявший себе псевдоним – Чисхан – острый, резкий, холодный ветер) опубликовал отдельной книгой «Ахтыылар» («Воспоминания») Уваровского, написанный и опубликованный им в знаменитом труде О.Бетлингка «О языке якутов» (1851), с переводом на немецкий язык. В своём предисловии Н.Заболоцкий первым оценил это произведение как начало якутской художественной литературы, признал его художественное мастерство. В одном месте он даже заметил, что никто из якутских писателей о матери ещё не написал слов лучше, чем Уваровский. Это было авторитетное признание современного художника якутского слова спустя три сотни лет.

С тех пор Николай Габышев до конца своих дней увлёкся изучением жизни и деятельности Уваровского. Он потом не раз увлечённо рассказывал мне, как за свой счёт, без чьего-либо принуждения, тратил свой очередной отпуск на командировку то в Ленинград, то в Москву, то в Иркутск. Там он засиживался допоздна в разных архивах, перебирая сотни, тысячи листов дел девятнадцатого века, отыскивая крохи сведений об Уваровском. Постепенно перед ним вырос образ передового, прогрессивного человека своего времени, который родившись от русского отца и якутки матери, вырос среди якутской детворы. И якутский язык стал его вторым родным языком, он овладел им настолько хорошо, что в десятилетнем возрасте мог сверстникам исполнять целое олонхо. Потом среди русских не слу-

чайно всю жизнь слыл инородцем.

Н.Габышев высказал очень интересные предположения, что А.Уваровский общался с декабристами, Д.Банзаровым – великим бурятом, просветителем, помогал многим путешественникам – учёным, проезжавшим в разные годы через Якутск. Не случайно, приехав в Петербург, уже через неделю был приглашён на бал, в котором участвовал сам государь император. Впервые наиболее полно результаты трудов Н.Габышева были опубликованы в «Истории якутской литературы» (I том, 1993, ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР), где я, как руководитель авторского коллектива, взял его в качестве соавтора (другие – Г.С. Сыромятников, М.Г. Михайлова). А потом по инициативе Ф.В. Габышевой, работавшей тогда заведующей отделом учебников Министерства просвещения РС(Я), был издан полный текст работы Н.А. Габышева «Афанасий Уваровский и его «Воспоминания» (Якутск, 1995).

С тех пор прошло около двадцати лет, но ещё никто не сделал существенных дополнений к его материалам.

Поэтому благодаря титаническому труду Николая Габышева имя Афанасия Уваровского обретает всё большую известность. Васильев осуществил несколько изданий «Воспоминаний», перевёл «Олонхо» Уваровского на турецкий, алтайский языки. Даже попытался создать воображаемый портрет зачинателя якутской литературы в книге А.Уваровского, собравшем в один переплёт текст на якутском, немецком, русском языках (русский перевод сделан известным тюркологом, доктором филологических наук, профессором В.И. Рассадиным, 2003). Многое сделано и энтузиастами Жиганского улуса. Они к 200-летию дня рождения А.Уваровского издали буклеты, книги, создали этнографический музей его имени (М.И. Шарина и др.). В этом деле активное участие принял и помог первый Президент РС(Я). Улус учредил даже литературную премию имени Афанасия Уваровского, которой уже награждено несколько человек.

Как видим, Николай Габышев научной работой занимался в течение всей своей жизни, несмотря на очень плодотворную деятельность в области художественной литературы.

***

Как-то Николай Алексеевич, относившийся ко мне тепло и искренне, пригласил на торжественный ужин по случаю своего юбилея. И когда мне предоставили слово, я сказал: «Николай Алексеевич, вы человек крупный, рослый, полный. Из вас вполне можно слепить двух человек. Если бы это случилось, то один из них был бы великолепным писателем-новеллистом, мастером прозаических жанров, писателем. А другой обязательно стал бы учёным-исследователем, внёсшим достойный вклад в изучение русского фольклора и истоков якутской литературы». Все присутствующие подхватили это как удачную шутку, засмеялся и сам юбиляр, любитель веселых и острых слов.

Но это была сущая правда. В чём и попытались убедить вас, дорогой читатель. И слова Николая Габышева: «Свободный и просвещённый в семье братских народов якутский народ принял как своё творение дар русского человека на якутском языке – «Воспоминания» Уваровского», – в год, объявленный нашим президентом Годом дружбы и единения народов, обретают ещё более глубокий смысл.

Николай ТОБУРОКОВ, доктор филологических наук

г. ЯКУТСК

Габышев Николай Алексеевич (1922–1991) – член СП СССР с 1957 года. Автор нескольких десятков книг рассказов, повестей на якутском и русском языках. Несколько пьес ставились на сценах театров, переводчик произведений В.Ажаева, М.Шагирова, А.Корнейчука. Закончил Высшие литературные курсы при Литературном институте им. М.Горького. Внёс значительный вклад в развитие жанра короткого рассказа и норм якутского литературного языка.

Ариадна КУЗНЕЦОВА

Селькупский язык и его судьба привлекает к себе внимание лингвистов уже не один век. Судьба языка неотъемлема от мифотворчества, которым вправе могут гордиться селькупы (как южные, так и северные). Однако в последние десятилетия с уходом из жизни селькупов старшего поколения всё заметнее становятся изменения в селькупском языке и (соответственно) в сфере его употребления. С одной стороны, наблюдается угасание языка селькупов, проявляющееся в быстро растущем переходе на русский язык, прежде всего молодого поколения. С другой стороны, обращает на себя внимание желание селькупов сохранить язык для потомства, в связи с чем увеличивается сбор и распространение селькупского фольклора через печать и радио; в школах делаются попытки ввести изучение селькупского языка (в разных районах и школах это проводится неравномерно и по-разному). Более того, в обиход постепенно проникает лексика делового селькупского языка. Так, в 2008 году появились государственные документы на северном диалекте селькупского языка (в основу лёг говор красноселькупского наречия), собранные в две книги и объединившие в себе законы разных лет начиная с 1998 года (книги, использующие язык государственных документов, публиковались и раньше, но на русском языке, см., например, АФЗ 2007 г.). Книги 2008 года представляют собой законы, не только изданные на селькупском языке и полностью востребованные местной ситуацией, но и отражающие уровень существующего делового языка северных селькупов, далеко не всегда полностью идентичного широко употребляемому разговорному языку. Законы на селькупском языке, отклоняющиеся (что оправдано самим строем селькупского языка) от буквального перевода их с русского языка на селькупский, демонстрируют специфику современного селькупского языка на Севере. (см. Устав ЯН АО, 2008; ФЗ и законы ЯНАО 2008).

Сравнение языка документов с языком фольклорных записей (как далёких от настоящего времени, так и современных) позволяет, с одной стороны, определить степень сохранности языка, с другой стороны, установить изменения, происшедшие и продолжающие происходить в нем. Оценить достоинства и своеобразие современного фольклора и красоту древних мифов можно, сравнив их язык с языком, представляющим собой переходную стадию от мифов к сказкам и рассказам о жизни, и одновременно с языком законодательства (в дальнейшем будет приведено несколько примеров использования селькупского языка в области делового языка). Благодаря буквальному переводу текста с одного языка на другой, одновременно легко выявляются особенности морфологии и синтаксиса селькупского языка по сравнению с русским.

Использование современного селькупского языка в новой сфере

Попытки переводить законы и важнейшие государственные документы на языки народов Крайнего Севера делались неоднократно, начиная с 1930-х годов, чему предшествовала в 1920-е годы Приполярная перепись, позволившая уточнить численность и этнический состав населения районов Крайнего Севера. На селькупском языке федеральные законы и законы Ямало-Ненецкого автономного округа, как уже говорилось, были изданы в 2008 году в Салехарде. При этом «положения о приоритетном праве коренных народов на доступ к природным ресурсам территорий их проживания» были не только востребованы применительно к самодийским языкам, но и закреплены в законах начиная уже с 1990-х годов. Законы, содержащие перевод на селькупский язык самой Конституции Российской Федерации, а также семь конкретных законов, Земельный кодекс и Постановление о концепции развития коренных малочисленных народов Севера ЯНАО, вышли в 2008 году.

В данном разделе статьи речь пойдёт об использовании селькупского языка и о соотношении слов селькупских с русскими в уже упомянутых и опубликованных законах. Слова, заимствованные из русского языка, в том числе круг слов, наиболее типичных для (условно говоря) газетного/делового стиля, изменяются по законам селькупской грамматики. Среди исконных селькупских слов обращает на себя внимание частотность одних при редкости употребления других слов в зависимости от сферы их употребления. Федеральные законы о территориях традиционного природопользования, о факториях, оленеводстве, морзверобойном промысле, о собирательстве

дикоросов, об образовании и т.д. дают возможность почувствовать специфику селькупской лексики. Устанавливаются наиболее характерные типы предложений, части речи (служебные слова, сущ., прил., глаг. и др.), типичные для всех публикуемых законов или характерные

Письменность на латинской основе была введена для всех самодийских языков в 1932 г., когда вышел первый букварь Г.Н. Прокофьева «Новое слово» на ненецком языке. Переход на русский алфавит начался в 1936 году, однако официальное постановление о переходе письменностей народов Крайнего Севера на русскую графическую основу произошло лишь 11 февраля 1937 года. Обращает также на себя внимание преобладание глаголов в форме настоящего времени, а причастий – в форме прошедшего.

Переводы на селькупский язык законов нередко являются не буквальным переводом с русского языка, а передачей смысла того или иного закона с учётом специфики селькупской жизни и его языка, что видно на следующем примере.

Помимо содержательного рассмотрения законов следует сказать о лексике данной работы, написанной на селькупском языке. Всё время хочется спросить, какой язык превалирует в данной книге – селькупский или русский? Подсчёты показали, что селькупские слова всё-таки преобладают (отношение русских слов к селькупским приблизительно 1 к 2). За счёт чего такая пропорция? Политические термины (или иначе – газетная, деловая лексика) имеют высокую частоту встречаемости, что естественно для языка федеративных законов и что соответствует заимствованиям из русского языка, в свою очередь позаимствовавшего их из многих других (в основном индоевропейских) языков. Вместе с тем следует подчеркнуть, что основной словарный фонд составляет бытовая лексика, к которой можно отнести и лексику специальную, подразумевая под ней наименования животных, рыб, растений и т.п. групп. В результате встречаются постановления (правда, далеко не все), в которых русские по происхождению слова (как правило, они сами заимствованные) преобладают. Например, в Постановлении «О концепции развития коренных малочисленных народов Севера ЯНАО» из 123 слов русские составляют большинство: 74 русских на 49 селькупских. Однако в целом служебные слова и бытовая лексика в анализируемых законах в основном исконная, селькупская (пропорция приблизительно 1:3 или 1:2,7). Структура предложения, как видно и по приведённым выше переводам, соблюдается селькупская, что не случайно и указывает на определённую сохранность родного языка (несмотря на усиливающееся нежелание молодых говорить на нём). О сохранности языка свидетельствует также знание сказок, передаваемых по радио и телевидению, издание их, широкое использование разных пословиц, поговорок и т.д. В качестве примера далее приводятся тексты мифов и сказок, до сих пор рассказываемые селькупами.

Селькупские сказки в роли хранителей селькупского языка

На грани второго и третьего тысячелетий в селькупских селениях Фарково, Красноселькуп, Сидоровск, Горошиха, Старо-Туруханск (бывшая Новая Мангазея) и др. можно было записать не только от людей старшего поколения, но и от молодых жителей множество текстов самых разных жанров. У северных селькупов продолжают до сих пор бытовать древние мифы, сказки, песни, старинные загадки, приметы... Ниже приводится несколько примеров из текстов перечисленных жанров, в том числе мифов, написанных самими носителями языка. На первый взгляд может показаться, что публикуемые мифы и/или сказки уже неоднократно публиковались, но при ближайшем рассмотрении оказывается, что каждый рассказчик привносит нечто новое в свой текст, иногда сокращая и обедняя, а нередко обогащая его.

1. Млечный путь

Текст написан кириллицей в 2002 году Евгенией Сергеевной Сморгуновой (1963 г.р.) в пос. Красноселькуп Тюменской области ЯНАО. Данный миф передаётся здесь в переводе самой рассказчицы.

Перевод. На небе жили один Бог (букв. Небесный старик) с сыном. Однажды бога сын его охотясь идти собрался. Отец его останавливает: «Не ходи, пурга начинается, замёрзнешь, заблудишься». Сын его не обращает внимания, отца никак не слушает. Лыжи надел, потом побежал. Отец его сзади недоумевая всё ещё глядя (вслед) остался. Сын его ловушки (капканы) смотрит, потом, отдыхая, сидит, лыжи снял. Отец его (опять, снова) посматривает, сына его на дороге, сына его не слышно (как) колокольчик звенит. Сын его сидя думает: «Что для меня пурга, я быстро в дом приду». Пурга снова началась, снежный (со снегом) ветер настолько (сильно) дуть начал, что ничего не видно, лыжи потерял. Таки замёрз бедный Ия. Отец его ждёт, ждёт, потом, устав, в дом зайдёт, опять потом выйдет. Ночь настала. Пурга затихла. Видит, Ичин лыжный след этот там тянется. Сейчас люди ночью наружу выйдя, увидят там, в небе, Бога-старика сына (=сына Бога-старика) лыжный след виден. Это Звёздный путь» (=Млечный путь).

2. Незыблемый закон Севера: летом нельзя охотиться на оленей

В 2003 году в селе Фарково Туруханского района Красноярского края Виктор Викторович Чалкин записал от

своей матери Евдокии Семеновны Авериной (1934 г.р.) два текста, которые были представлены в клубе в виде пьес.

Перевод. Молодые охотники выходят на охоту добывать оленей. Лето было; оленей не убивают (в это время). Это услышал шаман, услышал и оленей напугал; от людей немного в сторону отошёл. Олени выскочили, пляшут, ничего не подозревают. Наружу вверх выскочили (откуда-то). Шаман тут вдруг сильно запел, стал камлать (в бубен хлопает-ударяет). Олени испугались. Олени в лес убежали (разбежались по лесу). Шаман нашёл охотников и ругал их, зачем оленей летом убивают. Охотники, застеснявшись, домой пошли.

3. Какая вещь для жителей тундры самая важная?

Летом 2003 года в селе Фарково в местном клубе устраивались представления. Энтузиастом разыгрываемых пьес был В.В. Чалкин, собравший группу исполнителей. Сам Чалкин написал либретто под названием «Танец». Этот текст – пьеса, восстановленная и записанная с помощью метаинформанта (посредника между носителем языка и исследователем), прекрасного знатока устного селькупского языка Геннадия Поликарповича Кукушкина (1949 г.р.). Текст Кукушкина даётся без исправлений. Это предоставляет возможность сравнить различные нормы произнесения и степень грамотности людей разного возраста, образования и даже места жительства – в лесу (преимущественно) или в селе. Ниже текст Кукушкина на селькупском языке сравнивается с буквальным переводом его на русский язык, а затем полученный русский вариант текста, сделанного Г.П. Кукушкиным, сопоставляется с первичным текстом Чалкина.

Первичный текст В.В. Чалкина на русском языке. Посреди тундры стоял чум. В нём жил оленевод со своей семьёй. Погнал он на дальнее пастбище оленей. Почти месяц пас он оленей. А когда он вернулся домой, то увидел, что его чум весь разграблен. Жена плачет, говорит, что пришли чужие злые люди, увезли все продукты, угнали оленей. «Сами мы успели спрятаться». «Ох! – говорит оленевод, – что ты меня так напугала? Я-то думал, что ты потеряла иголку, и все мы останемся без одежды».

А вот буквальный перевод варианта Кукушкина (с селькупского языка на русский). Посреди тундры стоит чум. Там живёт оленевод. Оленевод пасёт (сгоняет, собирает) оленей. В течение месяца там живёт. Когда пришёл домой, упали руки его: чум/дом разломали. Жена его плачет (плакала), его ждала (чтобы рассказать, что произошло): «Пришли чужие люди. Всю еду унесли, всех оленей увели. Все останемся без вещей. Сами мы спрятались». – Человек так говорит (пришедший в дом): «Ты так меня напугала. Я думал, ты потеряла иголку: все останемся без вещей! (одежды)». Вся сказка.

P.S. Записи, свидетельствующие о ценности швейных принадлежностей в условиях таёжной жизни (иголка, напёрсток или ножницы), часто встречаются в текстах северных селькупов, где речь идёт об отсутствии в доме напёрстка.

Сравнение двух текстов на русском языке (начальном и конечном) свидетельствует об уровне владения русским языком местных жителей, один из которых (молодой Чалкин) плохо владеет родным языком, зато сам пишет текст на русском языке. Другой (Г.П. Кукушкин) прекрасно владеет родным языком и переводит его (устно) с текста, написанного В.В. Чалкиным, на родной язык, а потом и на русский.

Приведённые примеры ярко демонстрируют современное состояние селькупского языка. К признакам, позволяющим определить уровень знания языка, следует отнести разнообразие слов в тексте, соотношение своих и чужих слов (т.е. учесть смену кодов). Желательно учитывать также наличие/отсутствие сорных слов-паразитов, паузы, подсказки и просьбу делать их, ошибки разного рода и т.п. Обращает на себя внимание уровень знания языка носителями, тягу к фольклору и наряду с этим – готовность использовать селькупский язык в новой области с её новыми требованиями к языку – в области делового селькупского языка, например, в сфере государственных документов и школьного образования.

Сведения об информантах

Сморгунова Евгения Сергеевна, 1963 г/р. Родилась в Сидоровске. Из рода Ириковых. Дед поматери Кунин Кончила в Лабытнанги училище на каменщика. Проходила практику в Надыме (шестимесячные курсы воспитателей). С. 38–39. Работала на радио.

Кукушкин Геннадий Поликарпович, 1949 г/р.

С материнской стороны селькуп (мать Кусамина Дарья Васильевна – племянница Кусамина Ал. Тимофеевича). Кончил 11 классов в Туруханске (на Ладоге + в 1959 г. – школа). Отец – с Мироедихи. В Фарково – с 1937 года. Родители говорят друг с другом по-кетски. Сестра Валентина Поликарповна Каянович (1946 г.р.) родилась в Фарково, окончила педучилище в Игарке.

Г.П. Кукушкин – селькуп по паспорту, чему не рад. По матери – кето, кем и хотел бы числиться, а родной язык – селькупский.

Аксандаков Владимир Кузьмич (1957–), родился на Худосее (по другой версии на Совречке). Отец Кузьма Петрович. Запрет – не едят медведей. Его сестра – Сайготина Алевтина Николаевна